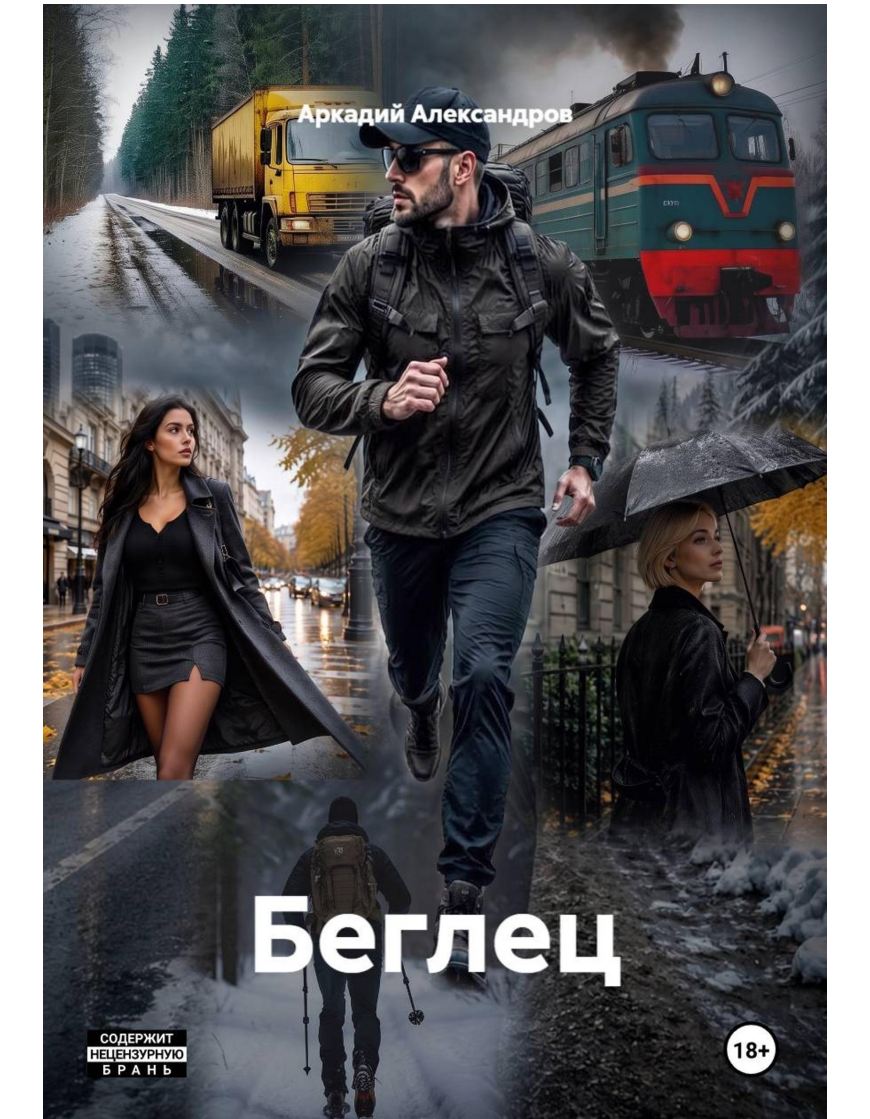

Аркадий Александров

Беглец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аркадий Александров

Беглец

<https://litres.ru/74247268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга изобилует неожиданными поворотами сюжета, иронией, юмором и сарказмом. Главный герой, простой "офисный планктон", оказался неожиданно втянутым в серьезные разборки. Неожиданным ударом для него становится и то, что близкие ему люди оказываются финансистами криминалитета. Он вынужден скрываться от преследования, опасаясь за свою свободу, а то и жизнь. Он путешествует по стране, скрываясь от всех - полиции, спецслужб... Он прячется на съемных квартирах в депрессивных районах, ночует у проституток, кочует по городам на попутках, совершает лыжный переход, на ходу запрыгивает в товарный поезд... За время бегства он меняется внутренне. После многих приключений ему удастся узнать, что его больше не преследуют. Он возвращается к нормальной жизни, но для этого ему нужно пойти на сделку со спецслужбами.

Аркадий Александров

Беглец

ЧАСТЬ ПЕВАЯ.

Глава 1.

Гребанный гребебац! Утро... Та самая волшебная пора, когда мир пробуждается, птички заливаются трелями, а ты лежишь в кровати (если это еще можно назвать кроватью, а не полем боя), словно тебя переехал грузовик, груженный кирпичами. Причем проехался дважды – для верности. А потом еще и сгрузил на тебя весь свой груз, чтобы уж точно не осталось сомнений в твоём «прекрасном» состоянии. И все это благодарность той самой развеселой ночи, которая началась еще вечером и так красноречиво обещала быть незабываемой.

Вот оно, «любимое» утреннее состояние: голова гудит, словно в нее вмонтирована трансформаторная будка, язык, будто облепленный репейником, намертво прилипает к небу, а каждый звук – будь то безобидный шелест листьев за окном или собственное предательское дыхание – кажется изошренной симфонией пыток. Глаза упрямо отказываются открываться, дневной свет воспринимается как личное оскорбление, а любая попытка подняться грозит эпическим падением с элементами акробатики.

Но вставать все-таки надо. Ибо мочевого пузырь трещит

по швам и готов с оглушительным хлопком взорваться! Хлоп – и только брызги по всей квартире!

С героическим усилием я поднялся, одолев целый букет недугов: головокружение, тошноту, назойливый зуд под правой лопаткой, предательскую слабость в голеностопах и коленях, угрожающий хруст в пояснице. Словно зомби на ходулях, я заковылял в сторону сортира, с невероятным напряжением сдерживая нарастающее давление в мочевом пузыре.

По пути мой затуманенный взгляд выхватил странную картину: на кухонной кушетке, с трудом уместившись на ее скромных просторах, кто-то спал. Контуры были столь размыты, что определить пол или даже вид существа не представлялось возможным. То ли мужчина, то ли женщина, то ли волосатый баклажан размером с сенбернара – мозг отказывался делать выводы.

Вернувшись из туалета (так и не разобравшись с загадочным существом на кухне), я с изумлением обнаружил, что и в моей собственной кровати, с противоположного края, тоже кто-то уютно похрапывает. Что-то тревожное и холодное шевельнулось у меня в груди. С замиранием сердца, словно сапер перед разминированием, я медленно приподнял край одеяла.

Фу-у-ух! Ни мужчина, ни баклажан – передо мной лежала незнакомая брюнетка. Что особенно озадачило – она была полностью одета, в то время как я пребывал в своем перво-

зданном, Адамовом виде. Эта диспропорция в экипировке добавляла ситуации абсурда.

Брюнетка резко всхрипнула, и в этот момент до меня дошло – звук и движение ее грудной клетки не совпадали. Храп явно шел не от нее, а из-за кровати.

Зомби на ходулях, как известно, редко справляются с узкими лабиринтами между стеной и спальным местом. Особенно когда в голове гулко перекачиваются булыжники, а в первый шейный позвонок отчаянно долбит дятел. Но любопытство это страшная сила. Собрав волю в кулак, я все же сумел протиснуться в щель между стеной и краем кровати, заглянув в пространство за ней.

Увиденное озадачило. Мой мозг, и без того перегруженный утренними впечатлениями, отказался обрабатывать эту информацию.

Моему замутненному похмельем взору открылась изумительная, почти сюрреалистическая картина: в узком пространстве между батареей и кроватью, тесно прижавшись друг к другу в позе двух ложек в тесном ящике, спали одетый бородатый мужик и почти полностью голая блондинка. Из одежды на ней были только трусы и цепочка на шее. Они выглядели уютно и мирно, словно нашли идеальное решение квартирного вопроса.

Вся эта композиция здорово сбивала с толку. Наблюдался явный диссонанс в распределении одежды: я голый в постели с полностью одетой брюнеткой, а под кроватью – полностью

одетый мужик с голой блондинкой. Казалось, кто-то устроил перформанс на тему «Одежда и ее отсутствие в современном обществе».

И, кстати, еще этот загадочный баклажан на кухне... словно недостаточно тут человеческих персонажей... А самое главное – я совершенно не мог вспомнить, кто все эти люди, откуда они взялись и, что важнее, какого черта они делали в моей квартире.

И в этот самый момент, когда мой мозг пытался сложить разрозненные пазлы происходящего хоть в какую-то логическую картину, раздался телефонный звонок. Не просто звонок, а настоящая акустическая атака – резкий, противный, оглушительный трезвон, который вонзился в мои барабанные перепонки с силой отбойного молотка.

Я вздрогнул так, что чуть не совершил акробатическое сальто назад, мысленно сокрушаясь – кто, кому и зачем звонит в этот адов час? И, что важнее, где вообще находится источник этой отвратительнейшей какофонии?

Началась охота. словно сеттер в поисках вальдшнепа, я начал обшаривать комнату, пытаюсь локализовать телефон. Звонок, казалось, исходил одновременно отовсюду – из-под кровати, из-под подушки брюнетки, из кармана моих вчерашних брюк, валявшихся в углу, и, возможно, даже из недр того самого кухонного баклажана.

Каждый шаг давался с трудом – голова гудела, ноги подкашивались, а телефон продолжал свои настойчивые трели,

словно торопя меня с ответом на самый важный вопрос в моей жизни, который я, судя по всему, проспал вместе со вчерашним вечером.

Телефон обнаружился в ванной комнате. Он лежал на кафельном полу, вибрируя с такой силой, что казалось, вот-вот проломит плитку и уйдет в свободное падение к соседям снизу. Его верещание напоминало звук циркулярной пилы, пытающейся распилить тишину.

На экране мигал незнакомый номер – набор цифр, который ничего мне не говорил, кроме того, что кто-то явно ошибся адресом или временем. Собрав остатки сил, я поднял аппарат и, сделав глубокий вдох (что было ошибкой – в легкие ворвался запах вчерашнего веселья), хрипло выдал:

– Хр-хл... алло-о-ээ...

Мой голос звучал так, будто его пропустили через мясорубку, затем просушили на солнце и попытались реанимировать ударами молотка.

В трубке раздался мягкий, мелодичный молодой женский незнакомый мне голос:

– Доброе утро, – прозвучало так вежливо, что аж подозрительно, – говорит Анна из юридической фирмы «Параграф». Вы Валерий Игоревич Мотин? Мы бы хотели пригласить вас к нам в офис сегодня, для вас есть важная информация.

Я замер, пытаюсь переварить эти слова сквозь похмельный туман. Юридическая фирма? Важная информация? Мой

мозг, и без того перегруженный загадками про брюнеток, блондинок, бородачей и баклажанов, отказался обрабатывать еще один сюжетный поворот.

– Э-э... – выдавил я, чувствуя, как язык снова прилипает к небу, – а о чем... то есть... какая информация?

– К сожалению, по телефону мы такие детали не обсуждаем, – ответил голос с профессиональной холодностью, – но уверяю вас, это в ваших интересах. Можете подъехать к одиннадцати? Я сейчас скину вам наш адрес.

Я вышел из ванной, все еще держа в руке телефон с номером «Параграфа», и буквально столкнулся нос к носу с тем самым «баклажаном». При ближайшем рассмотрении это оказался Борис. Мой старый приятель, которого я не видел года два, но узнал бы даже в состоянии клинической смерти, особенно по этой характерной манере спать в позе упавшего кактуса.

– Боря? – хрипло выдохнул я, внезапно осознав, что стою перед ним абсолютно голым. Борис, впрочем, моего голого состояния даже не заметил, или сделал вид, что не заметил, что в наших отношениях было обычной практикой.

– Валерон, привет! – Борис потянулся, и его поза действительно напоминала перезрелый овощ, только что выкатившийся с грядки, – ты как?

– А что это ты тут делаешь? И кто все эти...? – я махнул рукой в сторону комнаты, стараясь не думать о том, как выгляжу со стороны.

Борис почесал затылок, явно напрягая память, которой, судя по всему, осталось не больше, чем у аквариумной гуппи.

– Ну, вчера было весело, как я помню. Ты праздновал что-то... или я праздновал... В общем, праздновали. В кровати Лена, а там Сергей, кажется, твои коллеги.

Коллеги? Последние полгода я сидел без работы, старательно избегая любого общения с бывшими коллегами. С работы я ушел, что называется громко хлопнув дверью, так как меня надули с процентами от моей последней сделки. Выплатили, конечно, не так уж и мало, но примерно половину от того, что мне причиталось. Мысль о том, что я мог праздновать что-то с людьми, которых отнюдь не жажду видеть, добавляла ситуации дополнительный слой абсурда. Более того – Лена и Сергей мне были совершенно не знакомы.

– А та блондинка с Серегой вроде как Катя, подруга Лены, кажется. Или наоборот, – продолжил Борис, явно плавая в деталях, – а я, собственно, к тебе на пару дней. Жена, понимаешь, немного... э-э... возмутилась моими вчерашними подвигами. Выставила. А ты сказал, чтопустишь пожить. Ты же не против?

Я посмотрел на Бориса, потом на телефон с номером юридической конторы, потом снова на Бориса, потом на свое голое тело. Похоже, последствия вчерашнего вечера разворачивались, как плохо сложенный парашют.

Я призадумался. С одной стороны – таинственная юриди-

ческая контора «Параграф» с какой-то «важной информацией». С другой – квартира, населенная незнакомцами, старым другом-баклажаном и собственным похмелем, которое грозило перерасти в полноценную экзистенциальную катастрофу.

Приоритеты были очевидны. Сначала – разобраться с людьми в квартире и опохмелиться. А учитывая, что ноги подкашивались, словно у новорожденного жирафа, а голова гудела, словно в ней поселился рой разъяренных шершней, лично идти за пивом было равносильно подвигу Геракла.

– Боря, – сказал я, стараясь придать голосу максимально убедительные нотки, – ты же не против сбегать в магазин? Пивка взять. И чего-нибудь от головы.

Борис оросил на меня тем взглядом, которым смотрят на человека, предлагающего отправиться в космос без скафандра.

– Варэлла! Ты в курсе, что на улице утро, а я выгляжу... ну, как выгляжу.

– Ну, ты выглядишь как человек, которому нужно где-то жить ближайшие несколько дней, — парировал я, внезапно включив навыки менеджера-торгаша и переговорщика, – и этот человек мог бы проявить немного благодарности.

Борис вздохнул так глубоко, что, казалось, вдохнул всю атмосферу квартиры.

– Ладно. Но только если в магазе будет что-то от головы покрепче аспирина. У меня, между прочим, башка тоже не

сахар.

Он поплелся к выходу, походкой, напоминающей движение медузы в толще воды. Я остался стоять посреди квартиры, глядя на закрывающуюся дверь и осознавая, что теперь мне предстоит подвиг – одеться, разбудить незнакомых людей и выяснить, что, собственно, они тут забыли. И почему парочка в разной степени обнаженности спит под кроватью.

Я натянул первые попавшиеся штаны и футболку (оказавшиеся наизнанку, что только добавляло образу художественного беспорядка) и принялся будить население. Процесс напоминал реанимацию после массового отравления.

Выяснилось, что Лена, Сергей и Катя познакомились друг с другом (и со мной) только вчера в клубе «Звонкий куб». Их воспоминания были столь же смутными, как и мои, что создавало атмосферу коллективной амнезии в стиле «Кто мы и что мы здесь делаем?».

– Мы... кажется, хотели продолжить... где-то тут? – неуверенно выговорила Лена, оглядывая квартиру, как археолог руины неизвестной цивилизации.

Катя, та самая блондинка из-под кровати, уже натянув темное платье, безуспешно искала свой лифчик. После пяти минут бесплодных поисков она махнула рукой:

– Ладно, наверное, я была без него...

В воздухе витала та самая скомканная неловкость, которая возникает, когда люди понимают, что провели ночь вместе, но не помнят, зачем и как. Гости, как могли, быстро со-

бирались – Сергей надевал ботинки на босу ногу, Лена пыталась привести в порядок волосы, глядя в запотевшее зеркало в прихожей.

– Лифчик все же мой поищи. – озорно произнесла Катя в прихожей.

Через пятнадцать минут они уже покидали помещение, оставив после себя только запах вчерашнего веселья, пару скомканных носков под кроватью и чувство взаимного недоумения.

Тут появился Боря – с бутылкой водки и пятью банками пива, выглядевший так, будто только что победил в марафоне по преодолению социальных норм.

– Извини, старик, на большее денег не хватило, – сказал он, ставя водку на стол с таким видом, словно это было стратегическое сырье для выживания.

– Боря, ты в курсе, что неправильный опохмел это прямой путь в запой? – заметил я, глядя на бутылку со смешанными чувствами желания и страха.

– А ты в курсе, что сегодня уже вторник? – парировал Борис, открывая первую банку пива с церемониальным шипением, – если не опохмелиться сейчас, то до пятницы можно не дожить. Ты, как я помню из вчерашних бесед пока что безработный, а я вообще в беззаботном фрилансерском плавании, свобододолюбивый контент-писака.

Я уже протягивал руку к бутылке, как снова зазвонил телефон. Высветился уже знакомый номер «Параграфа». Те-

лефон лежал на столе и вибрировал с настойчивостью бор-
машины, словно знал, что мы собираемся совершить роко-
вую ошибку, и пытался нас спасти. Или, наоборот, оконча-
тельно добить.

Телефон продолжал звонить с упрямством будильника,
который забыли выключить перед отпуском. Борис и я смот-
рели то на вибрирующий аппарат, то на бутылку водки, то
друг на друга.

– Ну что, отвечаем? – спросил Борис, без энтузиазма в
голосе.

– А что я им скажу? – парировал я, – типа, доброе утро,
мы тут немного оправляемся от вчерашнего? Там, наверное,
оценят...

– Или, мол, извините, не можем говорить, у нас стратеги-
ческое совещание по вопросам выживания, – добавил Борис,
уже наливая первую стопку.

Телефон замолчал на секунду, а затем снова завершал,
теперь уже с какой-то личной обидой. Это решило вопрос.

– Знаешь что? – сказал я, беря свою стопку, – если это
действительно важно, они перезвонят. А если нет, то и нам
не надо.

– Логично, – кивнул Борис, поднял свою стопки и провоз-
гласил:

– Ну, не пьянства ради, а здоровья для! Будь здоров!

Мы чокнулись. Водка обожгла горло, упала в желудок, вы-
звав секундный приступ тошноты, но буквально через пол-

минуты принесла то самое облегчение, ради которого, собственно, все и затевалось.

– А закусить есть что-нибудь? – спросил Борис, отпив пива из банки и уже наливая вторую стопку водки.

Я открыл холодильник. Внутри царил постапокалиптический пейзаж – полбутылки кетчупа, три яйца сомнительной свежести, начатая пачка масла и что-то зеленое в углу, когда-то, вероятно, бывшее огурцом.

– Ну... – протянул я, – есть стратегический запас кетчупа. И эволюционный эксперимент в виде огурца.

– Идеально, – сказал Борис, отламывая кусок засохшего хлеба из хлебницы, – главное это правильный настрой.

Телефон снова зазвонил, настойчиво и истерично. Мы переглянулись, подняли стопки и проигнорировали его с тем чувством легкой бравады, которое дает алкоголь на пустой желудок и полное непонимание происходящего.

Под противный звон телефона Боря раздал по третьей и мы решительно выпили, запив пивом. Мир стал немного мягче, а проблемы чуть дальше. Но телефон, этот электронный зануда, продолжал звонить с упорством, достойным лучшего применения.

– Ну надоели, действительно! – буркнул я, чувствуя, как алкогольная храбрость начинает перевешивать инстинкт самосохранения.

Я взял трубку, стараясь придать голосу максимально деловую окраску, что при моем текущем состоянии было рав-

ноСИЛЬНО попытке говорить на латыни после трех лет изучения французского.

– Алло-ха? – выдавил я, надеясь, что это звучит как «добрый день, чем могу помочь?».

– Добрый день, – раздался в трубке мужской голос, настолько профессиональный и гладкий, что казался только что из под утюга, – говорит юрист Михаил Семенов из конторы «Параграф». Это Валерий Игоревич Мотин?

– Угу, верно, – просипел я, чувствуя, как Борис с интересом наблюдает за мной.

– Сегодня утром вам звонила наша сотрудница Анна. Мы бы хотели попросить вас подъехать не к одиннадцати, а к двум часам. Изменились обстоятельства.

Я помолчал, пытаюсь переварить эту информацию сквозь алкогольный туман.

– А можно узнать, что вам от меня нужно?

– К сожалению, по телефону мы дела не обсуждаем, – ответил голос с профессиональной холодностью, – это в ваших же интересах. Ждем вас в два часа. До свидания.

Линия оборвалась. Я опустил телефон и посмотрел на Бориса, который уже наливал четвертую.

– Ну и? – спросил он.

– Ждут к двум. Какие-то юристы из какого-то «Параграфа». У них какие-то изменившиеся обстоятельства. И ничего не говорят по телефону.

– Подозрительно, – заметил Борис, – очень подозритель-

но. Надо еще выпить для ясности мысли.

В этой конкретной ситуации он был прав. Тем более, что уже было разлито. И мы, конечно же, выпили.

И глядя на опустевшую бутылку водки и мятые пустые банки от пива, призадумались. Лежащий рядом телефон, казалось, излучал ауру юридической таинственности.

– Знаешь, – начал я, чувствуя, как алкогольная смелость начинает уступать место лени, – очень не хочется куда-то двигаться, тем более в полную неизвестность.

– Абсолютно поддерживаю, – кивнул Борис, потирая живот. – и, кстати, не помешало бы перекусить. Похмеляться на пустой желудок может оказаться вредным для нашего с тобой существования.

– Точно, – согласился я, вспоминая про холодильник-пустыню, – но с другой стороны... Интрига-то затягивает. Что им от меня нужно?

Борис задумался, глядя на пустую бутылку с тем выражением лица, с каким стратег оценивает поле боя.

– Слушай, а ты им позвони, скажи, что не можешь сегодня. Перенеси на завтра. Так сказать, тактическое отступление. А потом мы идем в магас, покупаем продуктов и еще чего-нибудь выпить. А завтра с ясной головой, разберемся.

Я кивнул и набрав номер «Параграфа», стараясь придать голосу максимально деловые нотки, выпалил:

– Алло, это Валерий Мотин... Да, слушайте, я, к сожалению, сегодня не смогу... Да, понимаю, но обстоятельства...

Давайте перенесем встречу на завтра.

Через пару минут все было решено: встреча перенесена на завтра, на двенадцать. Я положил телефон и посмотрел на Бориса, который уже надевал куртку.

— Ну что, тактик, идем за провиантом? — спросил он.

По крайней мере, на сегодня проблема была решена тактическим маневром. Как и большинство проблем в нашей жизни — уходом в сторону с последующим обещанием разобратся завтра.

Глава 2.

«Завтра» наступило, словно слон на позвоночник. Утро, как и следовало ожидать, мало чем отличалось от предыдущего. Я проснулся с чувством, будто меня пару раз переехал паровоз. Голова гудела, рот был сухим, как баобаб в пустыне, а в желудке происходили процессы, достойные изучения института космических проблем.

Рядом на кровати, напоминая павшего медведя, возлегал Борис. Его дыхание напоминало работу старого мотоцикла, который вот-вот заглохнет, но все еще пытается самоутвердиться.

С трудом, как археолог из песка, я начал извлекать воспоминания. Мы сходили в магазин, купили что-то. Колбасу, пельмени, хлеб, еще водки и пива. Поели. Выпили. Потом сходили еще. Выпили еще. Даже умудрились сварить пельмени... Дальше черная дыра. Провал в памяти, который мог

скрывать что угодно – от философских бесед до попыток вызвать инопланетян.

И тут, как назло, настойчиво затрезвонил телефон. Сука! Этот звук вонзился в мозг раскаленной арматуриной!

С отвращением сфокусировав взгляд на экране, обнаружил незнакомый номер. Не «Параграфа», а другой, светящийся с какой-то зловещей настойчивостью.

Жизнь снова поставила перед выбором – ответить на звонок и узнать что-то новое (скорее всего, неприятное) или сделать вид, что я еще сплю, и надеяться, что все само рассосется.

Борис в этот момент перевернулся, издал звук, напоминающий запуск авиадвигателя под водой, и пробормотал сквозь сон: «Не бери... это коллекторы...»

Телефон продолжал взывать к вниманию. Решение нужно было принимать сейчас. И я все же ответил.

Не потому что хотел, а потому что надоело слушать эту трель, которая в моем состоянии звучала пыткой. Борис в это время звучал с таким усердием, будто участвовал в чемпионате по храпу и боролся за золотую медаль – его дыхание напоминало работу старого лодочного подвесного мотора.

– Гхаллохрр... – выдавил я в трубку.

Мне казалось, что в мое горло насыпали пару горстей сухих еловых иголок.

В ответ раздался мужской официальный голос, настолько казенный, что, казался выданным только что в госучрежде-

нии вместе с папкой документов и печатью.

– Зрайте. Эт ладарший эйтамант от-тела уэйдэ... – он про-изнес еще какую-то аббревиатуру, которая прозвучала, словно абонент чихнул алфавитом.

Я молчал, пытаюсь понять, не галлюцинирую ли я. Может, это побочный эффект вчерашней водки – слуховые галлюцинации в виде бюрократической тарабарщины?

–...и ме нато уочить, – продолжал голос, – вычера вечеро пщаись спердатителем ю-рифмы парараф?

Я посмотрел на Бориса, который в этот момент издал особенно мощный храп, что, казалось, вот-вот взлетит потолок. Потом посмотрел на телефон.

– Извините, – наконец выдал я, – вы кто и что вам нужно?

Голос в трубке вздохнул так, будто я только что попросил его объяснить теорию относительности на языке жестов.

– Яу жепредс таися. Наси нтееуд приодав ашева вчеаш-неваап щены я с...

– Послушайте, – перебил я, чувствуя, как раздражение начинает пробиваться сквозь похмельный туман, – я вчера общался в основном с водкой и своим приятелем, который сейчас храпит, как лодочный мотор. И я совершенно вас не могу понять.

В трубке наступила пауза, в которой смешался шелест казенных бумаг, скрип стула, ограниченность в зарплате и, возможно, тихий плач по утраченной простоте жизни. Затем го-

лос вымолвил «Я пресваю» и отключился.

Я отложил трубку и в этот момент довольно сильно ощутил, что мой организм продолжает свою деятельность в этом беспокойном мире. А потому галопировал в сортир, если мое передвижение можно было так назвать. Это было скорее устремление раненой зебры, пытающейся одновременно убежать от льва и затоптать гадюку.

Сидя на унитазе, я пытался осмыслить услышанное. Непонятный звонок, куча аббревиатур, какая-то бюрократическая тарабарщина... Похоже, что звонил какой-то представитель какого-то органа, который обычно появляется в жизни людей, когда те делают что-то не очень хорошее. Или, в моем случае, когда они просто пьют водку с другом, забывая обо всем другом на свете.

«Отлично, – подумал я, – теперь у меня есть юридическая контора, которая хочет мне что-то важное сообщить, и какой-то государственный орган. При этом я даже не помню, с кем вчера общался, кроме бутылки и Борьки».

Мои размышления прервал настойчивый стук в дверь и голос Бориса, который звучал словно из глубины пещеры:

– Старик, ты не одинок в этом ареале обитания! И другие представители фауны тоже хотят! Причем срочно!

Я вздохнул. Похоже, сегодняшний день обещал быть менее интересным, чем вчерашний. Вместо бухла и душевных бесед – бюрократия, государственные органы, и старый приятель, который рвется в туалет.

После того как Борис занял свою очередь в сортире (со словами «Это не туалет, это пункт экстренной помощи»), я набрал номер, с которого звонил этот самый «эйтиамант». После минутного ожидания в трубке раздался вполне человеческий голос.

– Старший лейтенант Иванов. Вы Валерий Игоревич Мотин?

– Да, – ответил я, уже предчувствуя, что новости будут не из приятных, – чем могу помочь?

– Мы проверяем контакты юридической конторы «Параграф», – сказал Иванов таким тоном, каким обычно сообщают о повышении цен на коммуналку, – вам знаком их сотрудник Михаил Игнатьевич Семенов?

Я, насколько возможно, напряг свой изможденный мозг и ответил:

– Лично не знаком, но кажется, именно он звонил мне вчера. И он меня сегодня ждет к двенадцати часам.

– Совершенно верно. Но учитывая, что сейчас уже первый час и некоторые еще обстоятельства, он вас уже не ждет. Скажите, о чем вы беседовали? Что вас связывает с «Параграфом»? – озадачил вопросами старший лейтенант.

– Да ничего не связывает. – начал отвечать я. – Сначала от туда позвонила какая-то девица, сказала, что ждут меня к одиннадцати. Потом позвонил этот вот Семенов и сказал, что встреча переносится на два. Потом я сам им позвонил и попросил перенести встречу на сегодня, на двенадцать. Вот

и все. При этом они так мне и не сказали, зачем я им понадобился. Типа, мол, вопросы по телефону не обсуждаем. Как-то вот так. – выпалил я, при этом подумав, что с юристами как-то неудобно получилось, типа сам же попросил перенести и проспал.

– Понятно. И почему вы решили перенести встречу на сегодня? – задал не самый удобный вопрос Иванов.

Я подумал несколько секунд над своим ответом. С одной стороны не хотелось выдавать правду, с другой стороны ничего сверхстрашного я в ней, той самой правде, не видел. Сам Иванов, что, никогда не набухивался, что ли?

Более-менее удобоваримое оправдание в голову не приходило, поэтому я честно ответил:

– Да... Это... Я тут с приятелем старым выпивал. Ну, сами понимаете, давно не встречались... А эти юристы непонятно зачем звали... Ну и как бы... Ну... Я подумал, что ничего срочного, юристы подождут... Как-то вот так... Ну и перенес с ними встречу.

Иванов помолчал несколько секунд. Но, похоже, моя версия вчерашних событий его полностью удовлетворила и он продолжил свой телефонный допрос:

– А в каких отношениях вы с Петром Ильичем Волковым? Слегка ошалев от его неожиданного поворота в разговоре, я судорожно пытался вспомнить, кто это такой и ответил:

– Э-э... Не знаю такого. – мне действительно не о чем не говорило это «фио».

– Странно. В «Параграфе» обнаружен документ, касающийся вас и Волкова. Он оставил вам завещание. Сумма наследства весьма внушительная, а именно двести сорок семь миллионов рублей. – огорошил меня Иванов.

Причем «огорошил» – слишком мягкое определение для моего резко наступившего состояния от его слов. Мне показалось, что меня треснули битой по затылку, а в желудок сыпанули ледяных сосулек... Двести сорок семь миллионов?! Мне?!

– Это... Это какая-то ошибка... – с трудом вымолвил я.

– Тем не менее. Более того, вчера около семи вечера юрист Михаил Семенов был убит. – будничным тоном диктора на вокзале произнес Иванов.

Я замер. В позвоночник словно вонзили раскаленный штырь. Убит? Юрист? Тот самый гладкий голос, который не обсуждает дела по телефону?

Я молчал. Но это было не молчание, а вакуум, в котором перестали работать все мыслительные процессы.

– Так вы знакомы с Волковым? – спросил Иванов, но его голос доносился как будто из другого измерения.

– Нет, – прошептал я, чувствуя, как ослабло все тело. – никогда не слышал.

– Странно, – сказал старший лейтенант, – просим вас сегодня же подъехать для дачи объяснений.

Я отключился. Руки дрожали. В глазах плавали черные точки.

Борис вышел из туалета, вытирая руки о штаны.

– Ну что, тактик, какие планы на... Валера? Ты в порядке? Ты белый как простыня.

– Боря, – сказал я голосом, который не принадлежал мне, – кажется, мне кто-то оставил в наследство двести сорок семь миллионов. И за это кого-то убили.

Борис замер. Потом медленно опустился на табурет.

– Сколько?! – прохрипел он.

– Двести сорок семь миллионов, – повторил я, чувствуя, как паника начинает превращаться в истерику, – и я не знаю этого человека! Я никогда о нем не слышал!

Мы сидели в полной тишине. Потом Борис осторожно спросил:

– А... а мы вчера или позавчера не подписывали ничего, пока ты не помнишь?

– Не помню! – почти крикнул я, – но судя по всему, кто-то помнит! И кому-то это настолько не нравится, что они готовы убивать!

Похоже, тактическое отступление на сегодня было отменено. Пришло время выбирать между стратегическим наступлением куда-то и стратегическим бегством от кого-то в стратегическое укрытие. Проблема была только в том, что у меня не было ни стратегического укрытия, ни понимания, от чего вообще нужно бежать или куда наступать. И двести сорок семь миллионов причин для паники.

Глава 3.

Кабинет старшего лейтенанта Иванова был казенным и скучным – серые стены, стол, заваленный бумагами, запах пыли, кофе и безысходности. Иванов – мужчина лет тридцати с небольшим, с острым взглядом и усталостью в уголках глаз — сидел напротив меня. Кроме нас, в этом же кабинете за своими столами расположились еще двое оперативников. Один шелестел бумагами, другой яростно клацал компьютерной клавиатурой.

– Валерий Игоревич, – начал Иванов, не предлагая даже чаю, – расскажите, как вы познакомились с Петром Ильичом Волковым.

– Я с ним не знаком, – честно сказал я. – Впервые слышу это имя. Я вам уже по телефону говорил об этом.

Иванов посмотрел на меня так, будто я только что заявил, что Земля плоская, но он слишком устал, чтобы это оспаривать.

– А двести сорок семь миллионов, которые он завещал вам? Получается, что оставил незнакомому человеку? Вы понимаете, насколько это звучит странно? – внимательно всматриваясь в мое лицо, продолжал Иванов.

– Понимаю, – кивнул я, – но это правда. И я в толк взять не могу, как такое вообще возможно.

– Вот мы и пытаемся это выяснить, – сказал оперативник, перелистывая папку, – Волков являлся владельцем сети супермаркетов и гостиниц. Пятьдесят три года. Бездетный, хо-

лостяк. Умер почти неделю назад, у него был рак. А вчера был убит юрист, который вел дело о наследстве, Михаил Семенов, тот самый, который звонил вам.

Я молчал, пытаюсь осмыслить эту информацию. Миллионер. Сеть супермаркетов и гостиниц. Онкология. Убитый вчера юрист. И я где-то в середине этой истории, не понимая, как туда влип.

– А вы не могли случайно познакомиться с Волковым? – настаивал Иванов.

– Я работал менеджером в торговой компании, полгода как без работы. Сидел дома, пытался найти работу, даже на собеседования ходил, но пока безрезультатно. В супермаркеты Волкова не заходил, в гостиницах его не жил. – признался я.

– Может кто-то из окружения Волкова или он сам были в каких-либо отношениях с вашими родителями? Или другими вашими родственниками? Может кто-то из друзей ваших родителей?

Я задумался, пытаюсь разворошить память до глубин своего детства, отрочества и еще пока не очень далекой юности. Но не смог вспомнить никакого Волкова в окружении моих родителей. Поэтому ответил:

– Никогда от родителей не слышал этой фамилии. По крайней мере не помню такого. Могу позвонить матери, спросить. Отца, к сожалению, нет в живых, он погиб около тридцати лет назад в автоаварии.

Иванов несколько секунд подумал и сказал:

– Если можете, то звоните прямо сейчас. Только поставьте громкую связь. И не уточняйте детали, зачем вам это потребовалось.

Я вздохнул, нашел в телефоне номер мамы и нажал «трубку». Соединилось почти сразу, словно она ждала:

– Сыночек! Валерочка! Привет! Как ты? – затараторила мама.

– Мам, привет! У меня все нормально, все прекрасно! Работаю, живу, все хорошо! Как у тебя дела? Как самочувствие? – попытался я перехватить инициативу в разговоре.

– Да все хорошо! С работы на пенсию пока не гонят, так что на жизнь хватает. И даже на чай с сушками по пятницам. – пошутила она и продолжила: – И со здоровьем пока что все в порядке. Ты там женится не собираешься? Или без всякой женитьбы внуками порадуешь?

– Ой, мам! Пока что и не на ком! Подходящей партии на горизонте не наблюдается...

Иванов мне начал делать знаки руками, мол, давай ближе к теме. Я кивнул и спросил:

– Мам, а ты такого Волкова...м-м...Петра Ильича не знаешь, случайно?

– Это еще кто такой? Как ты сказал? Волков? Не, не слышала. А почему вдруг заинтересовался?

– Да тут на работе один клиент, типа, из нашего Нижне-снежинска, говорил, мол, раньше был такой персонаж у нас

в городе, типа, многим известный. Ну а поскольку мне он совсем не известный, вот и решил у тебя спросить. – импровизировал я на ходу.

– Понятно. Ну, что еще нового? – маме явно не хотелось завершать разговор, а я и не знал о чем еще поговорить. Да и Иванов снова начал сигнализировать, что пора заканчивать.

– Да ничего нового, все пучком, хвост держу пистолетом! Ну, ладно, я скоро еще позвоню, на недельке. Давай, целую, пока-пока! – и я отключился.

– Стало быть вы из Нижнеснежинска? А мама где работает? – спросил Иванов.

– В библиотеке. Не поверите, но еще есть такие места, где хранятся и выдаются для чтения бумажные книги. – ответил я.

– Всю жизнь в библиотеке? – уточнил опер.

– Вроде как да. Сначала в одной, потом в другой. Вообще-то она институт закончила. Какой-то финансовый. Но вот в отца влюбилась и приехала к нему в Нижнеснежинск. Но, сами понимаете, в таком городишке работы для экономиста не нашлось. Так что, стала библиотекарем. – рассказывал я.

– А отец чем занимался?

– Активно окунулся в коммерцию. Ну, мне казалось тогда, что все туда окунулись. Челночил, имел точки на рынке и несколько киосков. По тем временам и по масштабам Нижнеснежинска был почти крупным бизнесменом. Это все

я осмыслил позже, мне ж в те времена, когда отец погиб чуть больше пяти лет было. – ответил я.

– Интересно, – протянул Иванов, – а вчера что вы делали?

Я слегка вздрогнул от того, как Иванов резко перескочил на другую тему, скромно потупился и ответил:

– Бухал с другом у себя дома. Ну, я вам по телефону говорил. К сожалению, опохмел прошел с перебором...

– Опохмел? Стало быть, позавчера вы тоже выпивали? – Иванов, приоткрыв свои познания в алкоголизации организма, вперил в меня пронизательный ледяной взгляд, словно пронзил сосулькой.

Я замер. Позавчера вечером... Я вспомнил название клуба.

– Я был в клубе «Звонкий куб», – сказал я, – с друзьями.

– С какими друзьями? – уточнил Иванов, делая заметки.

Я напряг память. Имена всплывали, как обломки кораблекрушения.

– Борис... Лена... Сергей... Катя. Борис – старый приятель, остальные... я с ними познакомился там же, в клубе.

– То есть до этого вы их не знали? Как они выглядят?

– Лена – брюнетка, лет тридцати... Сергей – высокий, с бородой... Катя – блондинка. – я запнулся, вспоминая утро.

– Что можете про них сказать? – спросил Иванов.

– Ничего. Говорю же – я с ними познакомился только в клубе. Потом поехали продолжать ко мне. Я только Бориса знаю. Но он, кажется, из клуба поехал домой, но его жена

пьяненького прогнала. И он приехал ко мне. – ответил я.

– Что можете сказать про Бориса?

– Старый знакомец, – объяснил я, – работает в основном из дома, удаленно, ваяет какие-то контенты на заказ, по большей степени сидит на фрилансе. Мы не виделись года два. В тот вечер он появился, сказал, что жена выставила, попросился пожить у меня на пару дней.

– И вы пустили? – уточнил Иванов.

– Да, — кивнул я. – Он сейчас у меня дома.

– Дайте его контакты, – попросил Иванов, – телефон, адрес, если знаете.

Я порылся в телефоне, нашел Борины контакты, продиктовал. Иванов записал, потом откинулся на стуле и задумчиво произнес:

– Понимаете, Валерий Игоревич, картина получается интересная. Есть человек, то есть вы, которому оставлено огромное наследство. При этом вы абсолютно не знакомы наследодателю, вроде как. Есть убитый вчера юрист этого самого наследодателя. Наличествует вечеринка в клубе с совершенно незнакомыми вам людьми. Ну, кроме одного человека, старого приятеля, который появляется после двух лет молчания. И в центре всего этого вы.

– Поверьте, мне это не нравится не меньше вашего. – искренне ответил я.

Иванов пожал плечами и снова задал неожиданный вопрос:

– Где и кем вы сейчас работаете?

– Нигде и никем. – ответил я. – Еще полгода назад трудился менеджером в одной торговой компании, последняя сделка была весьма удачной. Но процент с нее начальство зажало, выплатило меньше, чем должно бы. Хотя, если честно, мне не маленькая сумма перепала. Но я возмутился и уволился к чертям собачим! Ну, до этого кое-что скопил... Сбережений хватает, что бы пока бездельничать. Работу пытаюсь искать, но пока что безрезультатно.

Я немного слукавил. Два года назад мама перевела мне весьма приличную сумму денег. У них в библиотеке официально шла торговля лотерейными билетами. Ну и там они с ними чего-то мухлевали. Вроде как ничего серьезного, я не вникал. Но мама каким-то несусветным образом умудрилась выиграть весьма крупную сумму. Вот ее-то мне и перевела, со словами «Тебе нужнее в крупном городе». Но не рассказывать же это все ментам!

В ответ на мои пояснения по поводу работы Иванов кивнул и сказал:

– Пока свободны. Если что-то вспомните, то сразу сообщите. Пока что наследство заморожено до выяснения обстоятельств. И да, – он посмотрел на меня серьезно, – не уезжайте из города.

– А как... как погиб юрист? – спросил я.

– Его задушили дома, в его квартире. На первый взгляд похоже на ограбление, квартиру явно обыскивали. Но учи-

тывая все обстоятельства... Ладно, вы можете идти. — ответил мне Иванов.

Я вышел из кабинета с чувством, будто меня только что объявили главным подозреваемый в деле, о котором ничего не знаю. И еще меня сверлила мысль, что где-то есть двести сорок семь миллионов, которые могут быть как подарком судьбы, так и самым дорогим в мире билетом в мир неприятностей.

Я вернулся домой с тяжелым чувством. Разговор в УВД, подозрения, двести сорок семь миллионов призрачных денег — все это давило, как бетонная плита. Я открыл дверь ключом, уже готовый рассказать Борису о визите к ментам и о том, что им тоже интересуются. И замер.

Квартира напоминала эпицентр самого грандиозного, но совершенно нелепого фестиваля хаоса! Представьте себе, будто в ваш уютный мирок внезапно ворвалось стадо пьяных слонов, решивших устроить генеральную уборку в стиле «все наизнанку». И не просто наизнанку, а с особым шиком, словно это модный тренд сезона!

Двери шкафов распахнулись, как будто они только что получили приглашение на самую экстравагантную вечеринку и спешно собирались. Ящики вывалились из своих законных жилищ, как школьники, сбегаящие с уроков, демонстрируя миру свое самое сокровенное содержимое, словно кто-то решил устроить выставку «Жизнь в одном ящике».

Ковер был не просто скомкан. Он выглядел так, будто его

использовали для тренировок по метанию молота, и теперь он отдыхает в углу, пытаясь собраться с мыслями после такого стресса. Книжки валялись повсюду, словно забытые гости на том же фестивале хаоса, разлетевшись во все стороны в поисках приключений.

Даже холодильник, верный хранитель гастрономических секретов, решил присоединиться к общему безумию. Он стоял, скорбно распахнутый, будто немой свидетель всей сюрреалистической картины. И из него вылетели остатки вчерашних покупок, как конфетти после салюта, составив живописную композицию на полу и напоминая инсталляцию современного искусства. Если и была в этом разгроме своя, жутковатая логика, то с порога она не угадывалась...

Но хуже всего было не это физическое безобразие. Хуже всего был тот холод, который сковал меня изнутри. Не тот холод, который можно заглушить пледом или горячим чаем. Нет, это был ледяной захват первозданного страха, который проникал в каждую клеточку моего существа, замораживая мысли, парализуя волю.

И вот, стоя так, как будто меня пригвоздили к полу невидимыми шипами, я понял – это не просто страх. Это ужас. Тот самый, о котором пишут в книгах, но который никогда не думаешь испытать сам. Ужас, который заставляет тебя осознать свою абсолютную беспомощность перед неизведанным. Ужас, который превращает привычный мир в декорации к чему-то чудовищному. И я, жалкий наблюдатель, ока-

зался в самом центре этой зловещей сцены.

Причина это всепоглощающего ужаса помещалась в центре комнаты. Посреди хаоса, лицом к двери, сидел Борис, привязанный к стулу веревками. На его голову был натянут целлофановый мешок, плотно обтягивающий лицо. Голова неестественно запрокинута назад. Руки, привязанные к подлокотникам стула, застыли в последнем напряжении, посилавшие пальцы впились в дерево.

Я стоял в дверях, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось так, что казалось, вырвется из груди. В ушах зазвенело. Воздух перестал поступать в легкие, а к горлу подкатила тошнота.

– Боря?.. – прошептал я, но голос сорвался на полуслове.

Никакого ответа. Только тишина. Страшная, гнетущая тишина, которую нарушал только стук моего сердца.

На негнущихся ногах я сделал шаг вперед. Потом еще один. Я двигался, как во сне. Подошел ближе. Увидел, как целлофан плотно прилип к лицу, обрисовывая черты – нос, рот, закрытые глаза. Борис не дышал. Это было видно – грудь не поднималась, целлофан не шевелился.

– Нет, – прошептал я, – нет, нет, нет...

Руки задрожали. По спине бежал ледяной пот. Я схватился за стену, чтобы не упасть. Глаза не отрывались от этой страшной картины – мой друг, с которым мы вчера пили, смеялись, строили планы... Теперь сидел мертвый, с целлофановым мешком на голове, в перевернутой квартире.

Дрожащими руками я достал из кармана свой телефон. Пальцы скользили по экрану, не слушаясь. Нашел в истории звонков номер старшего лейтенанта Иванова. Нажал. Ждал, глядя на мертвого друга и слушая гудки, которые казались сейчас самым нелепым звуком в мире.

– Иванов, – раздался в трубке знакомый голос, – слушаю.

– Это... Валерий Мотин, – выдавил я, чувствуя, как голос предательски дрожит, – у меня... дома... Борис... Он... мертвый.

В трубке наступила пауза. Короткая, но многозначительная.

– Мертвый? Вы уверены?

– Да, – прошептал я, – привязан к стулу. Целлофановый мешок на голове. Квартира... вся перевернута.

– Не трогайте ничего, – резко сказал Иванов, – выходите из квартиры, закройте дверь и ждите на лестнице. Мы выезжаем.

Я нажал отбой, в последний раз посмотрел на Бориса, и буквально выполз из квартиры. Сел на холодные ступеньки лестницы, обхватив голову руками. Тело трясло мелкой дрожью. В голове крутилась только одна мысль – теперь это касалось не только каких-то миллионов. Теперь это касалось жизни и смерти. И мой давний приятель был уже мертв.

Я сидел на холодных ступеньках лестницы, обхватив голову руками, когда услышал хлопанье подъездной двери, быстрые шаги по лестнице и шум лифта.

Появился Иванов в сопровождении тех же двух оперативников, с которыми сидел в одном кабинете. За ними – мужчина с небольшим чемоданчиком, вероятно криминалист. И еще один, в полицейской форме, участковый, которого я узнал – он когда-то заглядывал ко мне, проверял регистрацию.

Все это я наблюдал как будто со стороны, через толстое стекло. Голоса доносились приглушенно, движения казались замедленными. Как будто это происходило не со мной, а с кем-то другим, а я просто смотрю фильм.

Иванов подошел ко мне, присел на корточки, спросил:
– Валерий, вы в порядке?

Я кивнул, хотя это была ложь. Я был очень далеко от «в порядке».

– Сейчас мы осмотрим квартиру, – сказал он, – вам нужно будет зайти со мной, показать, что изменилось, что пропало. Понимаете?

Я снова кивнул. Встал. Ноги были ватными.

В квартире уже кипела работа. Криминалист фотографировал тело Бориса с разных ракурсов, потом осторожно начал осматривать его. Участковый стоял у двери, делая какие-то пометки в блокноте. Иванов сказал ему что-то про понятых, участковый кивнул, вышел.

– Осмотритесь, – сказал Иванов, вернувшись ко мне, – что не так, что пропало?

Я медленно обвел взглядом перевернутую комнату. Мат-

рас на кровати опрокинут. Тумбочка перевернута. Книги с полки разбросаны. Ящики комода выдернуты.

– Ноут, – сказал я, – у меня был ноутбук. Он стоял на комоде. Тут же лежали две флэшки, их тоже нет. И папка с документами. Трудовая, диплом... Обычные. Я их с собой брал на собеседования.

– Что еще? – спросил Иванов.

– Телефон Бори. Когда я уходил, он его поставил на зарядку, вон в ту розетку. И мой старый цифровой фотоаппарат. Он лежал на полке.

– Фотоаппарат? Вы им еще пользовались? – удивился Иванов.

– Нет, стоял тут, как раритет. – ответил я.

Иванов сделал заметку.

– Хорошо. А когда вы пришли? Что сразу увидели?

– Я... открыл дверь. Увидел... это. Все перевернуто. И Боря... – голос снова начал дрожать.

– Вы не видели ничего подозрительного у подъезда? На лестнице? Может, незнакомую машину?

Я покачал головой и произнес:

– Нет. Ничего. Все как всегда.

– А соседи? Кто-то выходил, заходил?

Я отрицательно покачал головой.

В этот момент вернулся участковый с двумя мужчинами, понятыми, судя по всему. Они замерли в дверях, увидев тело, потом осторожно вошли.

Иванов кивнул, отошел поговорить с криминалистом. Я остался стоять посреди хаоса, глядя на место, где еще вчера мы с Борисом пили водку и строили планы. Теперь здесь был труп, полиция, и ощущение, что жизнь превратилась в плохой детектив, из которого не знаешь, как выбраться.

Через некоторое время приехал следователь – мужчина лет сорока в строгом костюме, с усталым, но внимательным взглядом. Он представился, спросил у Иванова основные детали, потом подошел ко мне.

– Я Сергей Петрович Логинов, следователь. – сказал он тем тоном, каким говорят врачи перед неприятной процедурой, – Валерий Игоревич, мне нужно задать вам несколько вопросов для протокола.

Я кивнул. Снова начался опрос: когда ушел, когда вернулся, что увидел, что пропало. Те же вопросы, те же ответы. Следователь записывал все в блокнот, иногда уточняя детали: «А в какое точно время вы вышли из УВД?», «А дверь была заперта?», «А ключи у кого еще есть?»

Потом началась долгая, муторная процедура. Следователь вместе с криминалистом осматривали квартиру, описывали каждый угол, каждую деталь. Фотографировали с разных ракурсов. Измеряли. Делали пометки. Понятые ходили за ними, кивая, когда их просили подтвердить что-то.

Я стоял в стороне, чувствуя, как время растягивается, словно резина. Каждая минута казалась часом. Глядел на тело Бориса, которое теперь было просто объектом исследова-

ния – его осматривали, фотографировали, описывали. Моего приятеля больше не было. Был только труп.

Наконец, следователь подошел ко мне снова.

– Вы можете посидеть на кухне, там все осмотрено.

Я прошел на кухню. Сел к столу. Из комнаты доносились тихие голоса: «...следы борьбы отсутствуют...», «...смерть от асфиксии...», «...время смерти примерно...»

Закрыв глаза. Попытался отключиться. Но не получалось. Каждое слово доносилось четко. Каждый звук – щелчок фотоаппарата, шаги, шепот – врзался в сознание.

Потом следователь снова появился на кухне с папкой бумаг, тихо вымолвил «Нужно подписать протокол» и положил передо мной несколько исписанных листов и ручку. Мои руки тряслись. Попытался прочитать – буквы плыли перед глазами. Подписал там, где он показывал.

– Вы сегодня где ночевать будете? Если не здесь, то оставьте адрес. – сказал следователь..

Я посмотрел на него, потом на дверь в комнату, откуда доносились голоса.

– Не знаю, – честно сказал я, – Не знаю. Мне особо-то и негде.

Я понимал, что остаться здесь было невозможно. Уйти – некуда. Я совершенно не понимал, как попал в такой замес и как из всего этого выбираться.

Глава 4.

В последующие дни я пребывал в полнейшей прострации. Оставшись в разгромленной квартире, посреди разбросанных вещей, раскуроченной мебели, где недавно был труп моего друга, я совершенно не знал что делать. Моя квартира, превращенная в филиал ада после буйной вечеринки и трагических событий потом, представляла собой картину апокалипсиса. Я ощущал себя зрителем в каком-то безумном иммерсивном театре. Мне казалось, что вот-вот занавес опустится, и всё вернется на круги своя.

Словно заведенный робот, я провел уборку. Это было странное, почти гипнотическое действо, которое отвлекало от гнетущей действительности. Переставляя тумбочку, разглаживая ковер, рассовывая по местам вещи, словно извиняясь перед ними за произошедшее, я сосредоточился на хаосе, пытаюсь внести хоть какой-то порядок.

Неожиданно наткнулся на лифчик. Сначала эта деталь женского туалета озадачила, но я вспомнил голую Катю за кроватью, как она не могла отыскать свой лифчик и решила, что была без него... Потом вспомнил Борьку...

Ночами заснуть никак не удавалось... Под утро я проваливался в забытие, лишь чтобы потом проспать полдня. Выбираясь из постели, чувствовал себя выжатым лимоном, неспособным ни на подвиги, ни даже на внятные мысли. Ели я вообще – не припомню. Дни пролетели в тумане, густом, как утренний смог.

Неизвестно, чем бы это закончилось, но на четвертое

утро, словно из другого мира, разразился телефонный звонок – навязчивая, громкая трель, возвестившая о пробуждении. Номер показался незнакомым. Осторожно приложив трубку к уху, я выдавил:

– Алло, слушаю...

– Алло, Валерий Игоревич, здравствуйте! Это следователь Логинов Сергей Петрович. Вам надлежит подъехать, имеются вопросы, требующие уточнения, – прозвучал деловой голос.

– Э-э... – протянул я, – это прям обязательно?

– Валерий Игоревич, это крайне обязательно. Не заставляйте меня прибегать к официальным повесткам и, упаси Бог, принудительной доставке, – в голосе проскользнула сталь.

– Хорошо, я подъеду. – ответил я, хотя мне этого очень и очень не хотелось.

Кабинет Логинова, в отличие от мрачных обителей оперативников, производил более жизнерадостное впечатление – кактус на подоконнике, пейзаж на стене. Сам следователь был собран и сосредоточен. Он заполнял бланк протокола, любезно напоминая о моем статусе потерпевшего, праве не свидетельствовать против себя и родственников, прочей юридической мишуре.

– Валерий Игоревич, внимательно взгляните, кто из этих людей вам знаком? – Логинов разложил передо мной ворох фотографий.

Я взгляделся. На снимках – веселое застолье, смеющиеся лица. И тут – Боря и Сергей на одном фото! На другом – Катя. А вот и Лена. Потом Лена с Катей вместе. И, наконец, я сам – среди них!

– Да, – подтвердил я, – вот Борис и Сергей, это Лена, вот Катя, ну, как вы поняли, они здесь вместе. А это я. Остальных не знаю. Откуда это у вас?

– Где и когда могли быть сделаны эти снимки, как считаете? – уточнил следователь.

– Гхм... Похоже на клуб. Наверное, в «Звонком кубе»... – промямлил я, пытаясь вытащить воспоминания из тумана. Логинов кивнул, убирая фотографии.

– Да, это действительно с видеокамер «Звонкого куба». Есть и следующие кадры – Борис уходит раньше, потом вы вместе с оставшимися знакомыми покидаете заведение. Затем – съемка у вашего подъезда, там ваш приезд и вход. Чуть позже – прибытие Бориса. А на следующее утро – Елена, Екатерина и Сергей выходят от вас, затем выходит Борис, возвращается с покупками...

– Постойте! Зачем вы мне это рассказываете? Вы что, думаете, я что-то скрываю?

– Нет, Валерий Игоревич, не думаю. Пока не думаю. Кстати, чем занимался ваш отец в Нижнеснежинске?

– Причем тут это? – опешил я от неожиданного поворота в разговоре. – Я оперативнику уже говорил. Отец занимался челночным бизнесом, потом развернулся, имел несколько

точек на рынке, киосков. По меркам Нижнеснежинска был почти крупным бизнесменом. Подробностей я не знаю, мне тогда пять лет было. — ответил я, не понимая, куда ведет следователь.

— Не знаете, кто его «крышевал»? — Логинов пристально вперился в меня.

— Да говорю же — мне тогда лет пять было! Я понятия не имел обо всех этих «крышах» и тогдашнем криминальном замесе! — вырвалось у меня.

— Да, конечно, — кивнул Логинов и снова разложил передо мной фотографии, — узнаете кого-нибудь?

Фотографии были разномастные — маленькие, большие, цветные, черно-белые. Некоторые явно с камер наблюдения. На двух я узнал соседей.

— Вот, бабулька из нашего подъезда, а этот мужчина мой сосед сверху. А из какой квартиры бабка я не знаю. Остальные мне незнакомы.

Логинов кивнул, убрал снимки и принялся деловито клацать по клавиатуре.

И тут меня осенило:

— Стоп! Там, на фотографиях есть двое мужчин, кажется, рядом с моим подъездом, лиц еще не разобрать. Это... это убийцы Бори?!

Логинов прекратил печатать и, пристально взглянув на меня, спросил:

— Вы кого-то из них узнали? Видели где-то? Знакомы?

– Нет, никогда не видел, да и не разобрать толком, там один под капюшоном, другой в бейсболке... – ответил я, – так это они?

– Пока точно не знаем. Но по времени совпадает, – прозвучал ответ следователя, и он снова погрузился в работу за компьютером.

Через пару минут он повернулся ко мне.

– Вы в квартире прибрались? Ничего не находили необычного? Какую-то чужую вещь?

Я пожал плечами, а следак продолжил:

– Например, конверт с документами или просто с печатными листами? Может, флешка или карта памяти? Компакт-диск? Фотографии? Или что-то совсем старенькое, вроде магнитофонной кассеты?

– Нет, ничего такого, – ответил я.

– Когда нибудь слышали о человеке по фамилии Забелин? Игнат Родионович Забелин?

Я порылся в памяти, но такого человека вспомнить не смог и ответил:

– Не слышал. Имя и фамилия не частые, наверное запомнил бы. – и тут же задал встречный вопрос:

– Почему вообще кто-то вломился ко мне? У меня съемная «однушка», брать-то нечего!

Логинов задумался на минуту.

– Они что-то искали. И не материальные ценности. Возможно, это связано с вашим наследством. Не знаю, нашли

ли. Но учитывая, что у вас забрали – ноутбук, флешки, старый фотоаппарат, телефон Бориса, папку с документами – возможно, что нет.

– Но почему это должно быть у меня?! – возмутился я.

– Наследство-то вам отписано. Возможно, юриста убили не просто во время грабежа. Но есть и версия, что Екатерина что-то у вас спрятала, то, что потом искали преступники.

Я поморщился.

– Катя у меня только свой лифчик забыла...

Логинов бросил на меня чуть ироничный взгляд, оставив мое замечание без комментариев и снова спросил:

– Случаем не знакома вам Ирина Витальевна Семенова?

Я пожал плечами, немного подумал и ответил:

– Не припомню, кажется не знаю такую.

Логинов кивнул и снова принялся клацать по клавиатуре.

Я, поразмыслив, спросил:

– А почему именно Катя что-то у меня спрятала?

Логинов тяжело вздохнул и ответил:

– Екатерина Анатольевна Норкина не простой персонаж. Ей тоже оставлено наследство от того же Волкова. И ее тоже приглашали в «Параграф», к тому же юристу Семенову. Есть свидетельство того, что с ним она встречалась. Так же есть видео из «Звонкого куба», где она буквально выпроваживает Бориса, видимо домой. Ну и в довершение ко всему в тот день, как она покинула вас, она была обнаружена убитой у себя в квартире. – буднично сообщил следователь, словно

сказал прогноз погоды и, отвернувшись, снова погрузился в стук клавиш.

У меня словно светошумовая граната взорвалась в мозгу! Сердце заколотилось, как отбойный молоток, во рту пересохло.

– У... убитой?.. – с трудом выдавил я, – как убитой...

Следователь повернулся ко мне от компьютера.

– Неважно как. Но явно хотели что-то узнать. Валерий Игоревич, прочтите и распишитесь. – Логинов протянул мне напечатанный протокол, вытащив его из принтера.

– Я не понимаю, что происходит... — прошептал я.

– Не спрашивайте больше ни о чем, я и так с вами был излишне откровенен. Так что читайте протокол, подписывайте, и можете быть свободны.

Едва держась на неверных ногах, я вывалился на улицу, ощущая, как тело бьется в лихорадочном танце, будто у сраженного гриппом – то озноб сковывал, то жар обжигал. И в этот самый момент в кармане взвыл телефон, нарушая зыбкое равновесие. Неохотно вытащив аппарат, я увидел, что звонит мама. Что ж, придется изображать олимпийского чемпиона по беззаботности.

– Мам, алло, приветик! Как сама? Всё чинно-благородно? – выдал я, стараясь раскрасить голос всеми оттенками радуги.

– Приветик, сынок! У меня всё пучком. Слушай, ты тут Волковым интересовался, Петром Ильичом, да? Так вот,

припомнила я кое-что. У твоего папы было два компаньона по бизнесу. Одного звали Петр. Отец твой его звал чуть снисходительно: Петюня, Петька, Петя. А потом вдруг начал говорить: «Коль отчество Ильич, так ему самое место в Мавзолее!» Это про Петра. Что-то там у них тогда произошло. А когда твой отец погиб, весь бизнес перешёл этому Петру.

– Понятно, мам. А второго компаньона как звали? – выдохнул я, лишь бы не пускаться в откровенную ложь о своем «всё прекрасно».

– Толя. Анатолий Писюнцов. Да-да, фамилия с юмором. Я его жену знала, она даже менять фамилию не стала. Осталась Добронравовой. Ну, кто захочет стать Писюнцовой вместо Добронравовой, правда? Не комильфо, в общем. Так вот он после гибели твоего отца, тоже погиб, из окна в пьяном виде выпал. На бизнесе тогда и остался один Петя.

– Как интересно! – воскликнул я и продолжил, – мам, а не было ли у нас знакомых по фамилии Забелины? Конкретно Игнат Родионович Забелин?

– Не припомню что-то. А в связи с чем спрашиваешь?

– Да так, не с чем. Все, мам, мне уже пора бежать! Обнимаю, целую, пока-пока, на связи!

Ну, вот какой-то Петр Ильич проклюнулся... Думать обо всем этом не хотелось. И я решил пойти проторенным путем, направив свои стопы в магазин за хорошей порцией алкоголя и еды. Тем более, что появился зверский аппетит.

С тяжелой усталостью в ногах и нелегкой ношей продук-

тов, среди которых красовались бутылка водки да полдесятка пивных бутылок, я переступил порог своей квартиры. Еще каких-то несколько дней назад это место стало арендой для жестокой драмы, и теперь, казалось, здесь все источала тревогу.

Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, которые роились в голове, как назойливые мухи, я ринулся на кухню. Но ритуал нарезки овощей, шипение масла на сковороде – всё это было лишь бледной тенью, жалким подобием нормальной жизни, разыгранным на фоне трагедии.

Я поднял бутылку водки. Повертел её в руке, словно дикий артефакт. Взгляд уткнулся в стройный ряд бутылок пива. Обычно такой заманчивый вид спиртного сегодня казался унылым. И тут, к своему удивлению, я осознал, что пить совсем не хочется. Абсолютно! Парадоксально, но даже несмотря на то, что кошмары последних дней впивались в душу, как пиявки, оставляя после себя липкое ощущение сумбура в голове, тяга к спиртному испарилась! Не лезло, ни в какую!

Я снял сковороду с плиты, водрузил её на стол, и, забыв про тарелки, принялся есть прямо из неё. Но вкус жареной картошки и овощей едва пробивался сквозь хаос мыслей, которые металась в голове, как стая обезумевших воробьев.

И вот, сквозь эту какофонию, стала доминировать одна мысль, ясная, как слеза младенца, и остро заточенная, как нож мясника. Всё, абсолютно всё, что случилось, и что каза-

лось мне громом среди ясного неба, на самом деле не прилетело на крыльях ночной бабочки. Нет! Корни этого безобразия уходили далеко, простираясь аж до самого Нижнеснежинска! Я мысленно перенесся туда, где каждая тропинка, каждый переулок, каждый дом, даже каждая собака хранят ключи от прошлого, которое теперь, в настоящем, вырвалось наружу с силой водопроводной аварии, затопив всё вокруг!

Тут я почувствовал, что меня неудержимо потянуло спать. Дожевав остатки еды, не убирая со стола, я прошаркал в комнату, скинул одежду и, нырнув в постель, мигом провалился в глубокий, спасительный сон.

Глава 5.

Когда я вынырнул из сладкой дремы, тело ощущалось лёгким-легким, а разум – необычно ясным. Взгляд упал на часы и я невольно усмехнулся – полдень подкрался незаметно, намекая, что не только вчерашний день, вечер и ночь, но и утро прошло под знаком глубокого, восстанавливающего сна. Прошедшая неделя была настолько насыщена событиями, что, видимо, организм решил взять небольшой отпуск, продлившийся, ни много ни мало, около восемнадцати часов блаженства! Сознание явно решило провести полное техобслуживание.

Но стоило мне как следует распахнуть глаза, как в голове неугомонной стаей забурлила тысяча мыслей. Вопросы вырвались из глубин черепной коробки, требуя внимания. Не

смотря на то, что я не был готов к немедленной интеллектуальной битве с самим собой, вопросы в голове сами по себе выстраивались в стройную колонну.

Кто такой Петр Ильич Волков? Действительно ли бывший компаньон отца? Почему он решил мне завещать такую немыслимую сумму? Кто такая Екатерина Норкина? Почему вдруг Боря решил возобновить со мной общение через два года? Случайная встреча в клубе или что-то еще? Почему он приехал именно ко мне пожить, когда его жена выставила? Просто не сообразил спяну, что можно еще к кому-то? Что искали преступники у меня в квартире? Почему Бориса убили? Почему убили Норкину? Почему убили Михаила Семенова? Что такого произошло во времена моего детства в Нижнеснежинске, что следователь Логинов настойчиво интересуется делами моего отца почти тридцатилетней давности?

Стремительный поток мыслей прервал наглый входной звонок. Ну конечно, не хватало мне только незваных гостей! Костеря всё на свете, я вылез из уютной постели, натянул кое-как халат и пошаркал к двери. Прищурившись в глазок, я узрел нечто, напоминающее взъерошенного лешего после бутылки самогона, с такой же дикой растительностью на лице. Уже готовясь произнести коронную фразу «Кто там, черт побери?!», как сообразил, что это Сергей. И какого же черта его ко мне занесло?

Я отпер дверь, и он, словно торнадо, ворвался в квартиру,

чуть было не опрокинув меня, как кеглю в боулинге.

– Эй! Полегче! – взревел я.

А он уже унесся в кухню и тут же раздался шум льющейся воды. Я, пожав плечами, как будто это было обычным делом, запер дверь и последовал за ним. Моему взору предстала забавная картина – Сергей, изогнувшись, как цирковой акробат, жадно лакал воду прямиком из крана, издавая звуки дикого бизона на водопое.

Так прошло не меньше минуты. Я уже начал предчувствовать апокалипсис городского водоснабжения – не иначе, этот хмырь решил осушить весь город! Но нет, Сергей, словно вынырнув из глубин океана, оторвался от крана, издав поток звуков – шумный выдох, хлюпанье рта, и, наконец, обратив на меня взгляд, полный дикой, животной энергии, выдавил из себя:

– Привет! Это я, Серега.

– Да ладно?! – притворился я ошарашенным, – а мне показалось Петр Первый!

– Не смешно! Слушай, что происходит?! Тебя менты таскают? Меня таскают! Ты Катю эту давно знал? А Борю? – заговорил он.

– Слышишь, дружище, да я и тебя-то едва помню. Мы ж только в «Звонком кубе» все перезнакомились! Я до этого только Борю знал. – ответил я и продолжил:

– Ты чего примчался?

– Так я ж твоего телефона не знаю! С трудом вспомнил,

где ты живешь! Вот, думал прояснить ситуацию!

– А менты тебе не прояснили?

– Да я ни хрена не понял! Вроде как к тебе вломились, Бориса грохнули, Катю грохнули. Про какого-то юриста еще расспрашивали.

– А ты раньше кого из нас знал?

– Только Ленку. Катя, ты, Боря в клубе нарисовались. Катька к тебе все клеилась. Полагаю, хотела тебя приватизировать. Борю сначала спроводила. Потом, мол, Ленку стала подбивать, что бы та со мной свалила. Только ты уж совсем на рогах был. И всех к себе сюда притащил. Один лишь Боря убыл. Да только обратно приехал. Ну, мы тут еще выпили, ты совсем отрубился. Да и я уже был основательно хорош. Что конкретно дальше было, не помню. Вот как-то так...

– Гхм... Забавно... – пробормотал я, – так чего хочешь-то?

– Думал ты прояснишь ситуацию. А ты, что, сам в полном тумане?

– Абсолютно! Я не помню, как мы ко мне поехали из клуба. Воспоминания только с момента пробуждения. – сказал я и дальше кратко поведал про звонки из «Параграфа», поездку к ментам и смерть юриста, про смерть Бориса, разгром в квартире, про смерть Екатерины. Умолчал только про наследство – что-то мне подсказало, что про такую сумму лучше не распространяться...

Сергея слушал меня широко распахнув глаза и рот. Когда

я закончил, медленно произнес:

– А-бал-деть! И что дальше?

– Понятия не имею. Пусть менты разбираются, это их работа.

– Угу... Слушай, а как голая Катька со мной на полу очутилась?

Я молча пожал плечами и ответил:

– Видимо примерно так же, как одетая Ленка со мной в постели.

Серегу помолчал, пытаюсь осмыслить полученную от меня очередную порцию информации, потом с тяжким вздохом произнес:

– Извини, я ширнусь. Не пугайся, у меня диабет, жажда шпарит, видать сахар зашкалил. Жаль, глюкометр забыл, но я уже и по ощущениям научился определять.

В подтверждение своих слов, Сергей извлек из кармана своих выдавших виды джинсов диковинный черный футляр. С щелчком он открылся, явив взору блестящий серебристый цилиндр, длиной с авторучку. Я про шприц-ручки слышал. Только видеть не приходилось, поэтому с интересом наблюдал за манипуляциями Сергея.

Он смахнул несуществующую пылинку с корпуса ручки, словно дирижер со своей палочки перед выходом на сцену Большого театра. С легкой улыбкой, полной решимости, Сергей задрал рубаху, собрал левой рукой кожу на животе в складку и в нее сделал укол. Мне показалось, что этот ма-

ленький ритуал был для него чем-то большим, чем просто медицинская процедура. Однако посмотрев на его лицо, я понял, что для Сергея это была все же рутина, скучная и привычная.

Он убрал шприц-ручку в футляр, сунул его обратно в карман и сказал:

– Это... Запиши мой номер. Ну, если вдруг что, звякни. И вообще, я спецом по «айти» тружусь. Если там проги какие или же что с компом, то звони, помогу.

Он продиктовал цифры номера своего телефона, которые я тут же забил в свой. Потом он вздохнул с оттенком обреченности и спросил:

– Ну, я пойду?

– Ага. Давай, пока. – ответил я.

Сергей подкинул новых загадок, словно виртуоз хаоса. Во-первых, сам этот визит. Что он хотел выведать? Чего-то боится? Что, скажите на милость, этот тип вообще хотел этим визитом вынюхать? Чего испугался, как нашкодивший кот? А следом – вновь Катя, эта загадочная, как египетские иероглифы, незнакомка. Ну почему, объясните, она так рвалась ко мне, в мою скромную обитель? При других обстоятельствах я бы, честное слово, не всполошился, ответ был бы так же очевиден, как лужица после дождя! Но вся эта чертовщина, что развернулась после клуба, начисто отменяла всякие там бытовые объяснения. Даже если бы речь шла о чем-то банальном до зевоты, то почему, уходя, она не потру-

дилась вытрясти из меня номер телефона? Или не оставила свой? Просто не осталась, а уехала одновременно с Сергеем и Леной? Пьяная страсть испарилась, как утренний туман? Черт возьми, что, на самом деле, было нужно этой Кате от меня и моей квартиры? Неужели она действительно что-то тут припрятала, нечто настолько ценное, что ради этого отправили на тот свет несчастных юриста, Бориса, да и ее саму? Ну не из-за лифчика же, честное слово!

Следующая мысль полоснула мозг, будто молния, запуставшаяся в проводах – так я ведь и сам нахожусь в круге потенциальных жертв! Несмотря на стремительно разрастающуюся панику, я принял, пожалуй, единственное здоровое решение в этой сюрреалистичной ситуации – схватив телефон, дрожащими, как осиновый лист, руками, я набрал Иванова. Он ответил почти мгновенно, словно ждал моего звонка.

– Алло! Это Валерий Мотин. Это... Здрасте... Тут такое... Вы можете приехать? Срочно! У меня есть важная информация.

– Гхм... Давайте лучше вы к нам. Часика через два с половиной. – сказал Иванов.

– Нет! Я не буду никуда выходить! Приезжайте! – почти истерично вырвалось у меня, я чувствовал стремительное нарастание паники.

Иванов помолчал несколько секунд и ответил:

– Я не смогу, но наш оперативник будет сейчас у вас. Ждите! – и отключился.

И действительно, не прошло и десяти минут, как дверной звонок разорвал тишину, словно натянутая струна. Бросив взгляд в глазок, я затрепетал от радости, узнав в нагретом госте коллегу Иванова, и распахнул дверь настежь, словно говоря «Добро пожаловать в хаос!»

– Здравствуйте! Старший лейтенант Глазьев Олег Антонович, – представился страж порядка, демонстрируя «корочку», которая, казалось, сверкала в тусклом свете прихожей.

Я, сглотнув ком, лишь кивнул. Мы просочились на кухню, которая моментально превратилась в арену для моего панического признания. Усевшись за стол, я выпалил:

– Вы должны меня спасти! Срочно! Ибо я сам себя не спасу!

Глазьев вскинул брови, словно удивленный филин, и уставился на меня с недоумением, переходящим в любопытство. Пауза затягивалась, подобно жвачке, и я, не выдержав, продолжил, словно падая в пропасть:

– Меня должны убить! Дайте мне охрану!

– Поясните, что же вас так встревожило, – процедил Глазьев, его голос был спокоен, как гладь лесного озера в тихую погоду.

Я, если честно, просто ошалел от его стоицизма! И, взмахнув руками, словно дирижер, пытающийся остановить шторм, воскликнул:

– Что меня встревожило? Что встревожило?! А вас ничего не встревожило?! Вы прям спокойны?! Ну, конечно, вам

может и не привыкать, вы трупы каждый день видите! Может они вам на каждом углу поют колыбельные?! Что меня встревожило?! Да меня в любую минуту могут грохнуть!

– Валерий Игоревич! – перебил меня оперативник, его голос обрел стальные нотки, – успокойтесь и расскажите всё по порядку. Заодно можете и чаю выпить, чтоб успокоится.

Я проигнорировал его намек на чаепитие и продолжил:

– Да какой тут порядок! – я уже висел на грани истерики, – мне некий незнакомый доброжелатель оставляет горы денег, потом убивают всех подряд! Юриста, Бориса, Екатерину! Переворачивают мое жилище верх дном! И вы еще спрашиваете, что меня тревожит?! Еще это дебил приперся со своими тупыми вопросами сегодня! – я уже практически кричал.

– Это вы про кого сейчас? Ну, про дебила? – уточнил Олег Антонович, в его глазах мелькнул огонек живого интереса.

– Да Сергей! Ввалился ко мне сегодня, начал выпрашивать что да как. Мол, вы его тоже допросами доконали. – ответил я.

Глазьев кивнул и уточнил:

– Во сколько это было?

– Да вот совсем недавно! После его ухода меня как токомшибануло! Ведь если вокруг всех мочат, то и меня, по всем законам жанра, должны бы пустить в расход!

– Ну, не волнуйтесь так, – оперативник попытался меня успокоить, – по нашим данным, вас никто трогать не соби-

рается. Если вдруг что – звоните либо Иванову, либо мне, либо следователю. Запишите мой номер.

Он продиктовал цифры, я забил их в телефон. Глазьев поднялся, прошествовал в прихожую. У самой двери он спросил:

– Сергей больше ничего не сказал нового? Что бы вам показалось странным? Может, он вел себя необычно?

– Нового он ничего не сказал. Ну, разве что перед тем, как начать свой допрос, воду пил, прямо из крана на кухне. Сушняк, надо полагать, зверский, типа, диабет у него. Он даже инсулин кольнул у меня на кухне. – ответил я, стараясь вспомнить все детали.

Глазьев кивнул и был таков. Странно, но его визит меня успокоил. Не смотря на то, что никакой охраны мне предоставлено не было. И вроде как опасность моему здоровью, а может и жизни, оставалась прежней.

Я прошел на кухню. Она встретило меня не самым аппетитным зрелищем, которое мне уже с визита Сергея бросалось в глаза – сковородка, верная спутница вчерашнего кулинарного опуса, стояла на столе, как измученный солдат после битвы. Грязная вилка, словно скромная свита, примостилась рядом.

– Ну что, други мои, – бодро обратился я к сковороде с вилкой, – пора бы вам принять водные процедуры и отправиться на заслуженный отдых в недра кухонного шкафа.

И тут же усмехнулся – я уже начал вслух общаться с

неодушевленными предметами! А, по сути дела, сам с собой!

Вода пела свою вечную песню, смывая следы вчерашнего дня. А меня посещали очередные мысли. Тридцать лет! Около тридцати лет прошло с тех пор, как в Нижнеснежинске случилось что-то, от чего только сейчас произошел весь сумбур! Волков и мой отец действительно были компаньонами? Такое наследство... Может, Волков был не просто деловым партнером, а кем-то большим? Может, он зашифровал в этом наследстве ключ к прошлому, к разгадке той давней истории? Представляю, как они с отцом, два настоящих джентльмена удачи, делили не только прибыли, но и тайны, шутили, строили планы... А с ними еще и Анатолий Писюнк.. Писюнц... как его там? Волков один остался в итоге. А к чему вопрос следователя про их «крышу»? И теперь, спустя десятилетия я, сын одного из этих флебустьеров бизнеса 90-х годов, стою в однокомнатной съемной квартире, с грязной сковородкой в руках, и чувствую, как прошлое шепчет мне на ухо: «Аккуратней, а то тебе крындец!».

После мытья посуды я погрузился в священное искусство безделья. Растянувшись на кровати под убаюкивающее бормотание телевизора, я уткнулся в телефон, где пиксельные тетрисовские блоки устраивали свой танец. Но идиллии пришёл конец – телефон, словно почувствовав, что я слишком расслабился, взорвался мелодией звонка. На экране сияло «Мама». Ох, снова придётся натягивать маску беззаботности и вселенской нормальности.

– Алло, мам, приветики! Как дивные дела? – зататорил я, стараясь, чтобы голос звучал безмятежно и бодренько, как новенький электросамокат.

– Алло, Валерочка, привет! У тебя всё хорошо? – мама, как всегда, перехватила инициативу, обойдя мой вопрос стороной.

– Да, мам, всё просто превосходно! Солнце светит, птички поют! А у тебя как? Здоровье как бутон пиона? Деньги ручейком текут? Может, финансовый поток направить в твою сторону? – я вихрем проговорил всё, надеясь вернуть себе контроль над беседой.

– Ой, сынок, у меня все хорошо, деньги не нужны. Знаешь, у меня что-то душа не на месте от твоих предыдущих звонков и вопросов. У тебя точно все хорошо?

– Да конечно, мам! – я изо всех сил старался звучать жизнерадостнее, чем бравурный барабанщик.

– Ну и ладно. Но знаешь, твои прошлые вопросы разбредили воспоминания. Я вот тут вспомнила, что был у нас в Нижнеснежинске некий Лука. Это кличка, а фамилия, кажется Лукин. Он бандитом был. И как-то, вроде бы был связан с Петром, ну, партнером твоего отца по бизнесу.

– Типа, «крыша»? – догадался я, осторожно подбирая слова.

– Возможно, – тихо призналась мама. – Там ещё какой-то Игнат был, в его свите.

– Мам, но зачем ты мне это рассказываешь?

– Сама не знаю, сынок. Просто вспомнилось... Если вдруг услышишь кличку Лука – беги, куда глаза глядят, подальше от него!

– Мам! Я возвращаюсь совсем в других сферах! – воскликнул я, внутренне усмехаясь. – Да и сейчас, по-моему, таких «крыш» уже и не осталось, эпоха прошла!

– Ну и слава богу! – выдохнула мама с облегчением.

– А как твоё здоровье? – я поспешил сменить тему, чувствуя, что мы приближаемся к зоне турбулентности.

– Да все хорошо, бодренькая пока что! – ответила мама.

– Вот и замечательно! Если вдруг что-то потребуется, ты, мам, сразу же стучи мне! Да и вообще звони чаще, не пропадай! Целую, пока-пока! – я поспешил завершить разговор, пока воспоминания мамы не унесли нас куда-нибудь в детективные хроники.

– И ты тоже звони, не теряйся! Целую! – мама отключилась.

Этот разговор – как порыв ветра, что снова поднял пыль над моим наследством и тем криминальным водоворотом, что закрутился вокруг меня за последнюю неделю. Словно из глубин забвения, вынырнула «крыша» тридцатилетней давности. Какой-то неведомый Лука. И какой-то Игнат... Кстати, кажется такое имя я уже слышал совсем недавно...

Я изо всех сил напряг свой «мозговой мускул», пытаюсь выжать из него хоть какую-то зацепку. И неожиданно вспомнил! Игнат Родионович Забелин! Следователь Логи-

нов спрашивал именно о нём! А еще я спросил про него у мамы в одном из предыдущих разговоров! Так это тот самый Игнат из свиты Луки?! Или же какой-то другой? Просто совпадение? Имя-то не то чтобы на каждом углу встречается, да и тридцать лет назад было не самым ходовым...

Что-то еще крутилось в башке, какая-то скользкая мысль, которая никак не хотела принять чётких очертаний, ускользая, как живая рыба... Где-то еще какой-то Игнат...

Бац! Вот оно! Игнатьевич! Отчество Михаила Семенова, юриста из «Параграфа»! Сын Забелина, бандюгана из Нижнеснежинска? Или же снова чудовищное совпадение?

Моя голова завертелась, как юла, готовая взорваться билионом осколков от водоворота догадок и подозрений! Кажется, ещё немного – и я начну видеть звёздочки с криминальными лицами!

И тут, как ангел-хранитель предательского соблазна, в голове возник образ холодильника на кухне. Ведь там, со вчерашнего дня, одиноко мерцая стеклом, простаивали бутылка водки и пять бутылок пива. Вот оно! Именно то, что мне сейчас было нужно, как воздух, как верный компас в этом тумане уголовных перипетий! Срочно требуются!

Глава 6.

Проснулся я в ярких лучах гадского солнца, которое нещадно палило в окно, словно мстило за вчерашний шабаш. Голова трещала, как перезревший арбуз под молотком. Во

рту сухость такая, что язык прилипал к нёбу, а вкус... о, этот пакостный микст из гнили, пива и сыра, который я вчера макал в кетчуп, будто это эликсир бессмертия. Почти пол-литра водки плюс две бутылки пива – на черством хлебе и этой доисторической корке сыра! Идеальный рецепт для жалости к себе. Вчера я предавался бездонному унынию под девизом «Бедный я, несчастный, загнанный в угол судьбой, не по своей воле!» Распирание в мочевом пузыре орало: «Беги в сортир, идиот!», а желание опохмелиться полыхало ярче, чем моя вчерашняя ярость на весь белый свет.

Я вскочил... Вскочил? Ха! Это был эпический подвиг! Оказалось, что ноги ватные, как тесто у пьяного пекаря, колени подгибались, а тело шатало из стороны в сторону, будто я на корабельной палубе в шторм. Опираясь на стену, спотыкаясь о собственные тапки, я доковылял до унитаза – облегчение, фанфары! Потом, виляя задом, как утка с похмелья, поплёлся к холодильнику. Дверца распахнулась с драматическим скрипом, и вот оно спасение! Три бутылки пива, ледяные стражи утра!

Схватил первую, пальцы дрожали от предвкушения. Пш-шшш! – шипение вырвалось, как вздох облегчения богини, пена хлынула через край, обдавая пальцы райским холодом. Глотнул – вау! Божественный нектар смысл мерзость, горечь взорвалась фейерверком в венах, тепло разлилось, голова ожила, мир заискрился. Заглотил махом половину, оторвался от горлышка, продышался и снова припал к бутылке. Вто-

рая половина полетела следом – эйфория на крыльях! Голова прояснилась и тут же мысли, эти ехидные тени, полезли в нее обратно.

Нижнеснежинск, проклятый лабиринт тридцатилетней давности! Тот давний криминал, что теперь жрёт меня – действительно отцовское «наследство»? И наследство от Волкова – криминальное наследство тех времен? Моя собственная шкура насколько в безопасности? Или уже давно в перекрестье прицела? Игнат этот – кто он? Тот самый или нет? И Семёнов, юрист, сын «того самого» или совпадение? Если сын, тот как был замешан во всем этом деле? Что дальше, братцы? Опять в бутылку нырнуть или как-то разобраться в этой клоунаде? Пиво шептало «Расслабься, братан», а какая-то часть подсознания ехидно хихикала: «Ты влип по полной!»

Разгадать этот ребус самостоятельно было все равно что вручную закатить солнце обратно за горизонт – задача из разряда фантастических! Поколдовав над этой проблемой пару минут и приговорив еще одну холодненькую бутылочку, я решил, что пора поделиться своими знаниями со следователем. Ну, то есть, позвонить ему и выложить всю правду-матку, что всплыла наружу и которую я ему еще не сообщал.

– Логинов! – решительно прозвучало из динамика телефона.

– Мотин! – в тон следаку выпалил я, но осекся, поняв, что время для сарказма не самое подходящее. Да и следовательно

не тот человек, над кем стоит подшучивать, проходя у него по делу, пусть и в качестве потерпевшего. А может уже подзреваемого?

Поэтому я продолжил более сдержанно:

– Здравствуйте! Я тут с мамой говорил. И она мне кое что рассказала. Не знаю, пригодится ли вам, но вы вроде спрашивали про давние дела в Нижнеснежинске. – я замолчал, ожидая реакции.

– Продолжайте, я слушаю вас внимательно. – ответил следователь.

И я продолжил:

– Когда мой покойный отец занимался там бизнесом, у него было два партнера по делам. Какой-то Петр Ильич, фамилию мама не помнит. И некто Анатолий. Толя со смешной фамилией Писюнков. Или Писюнцов. Да, точно – Писюнцов. Так вот, сначала погиб мой отец в автомобильной аварии. Потом погиб этот Анатолий, вывалившись в пьяном виде из окна. Весь бизнес вроде как целиком достался Петру Ильичу. Он потом из Нижнеснежинска уехал. Вы еще про «крышу» спрашивали. Так вот «крышевал» тогда их какой-то Лука. Ну, Лукин, а Лука это кликуха. И вроде бы с ним еще был некто Игнат, фамилию его мама не знает. Вот... А! Еще вдруг Сергей ко мне неожиданно появился. Ну, тот, из «Звонкого куба». Распрашивал, что собственно происходит, его на допросы вызывают. Ну, как я понимаю, вы вызываете. Он понять ничего не может. Но я про это оперативнику расска-

зал, Глазьеву.

– Я вас понял. Что-то еще? – сухо спросил Логинов.

– Вроде все. И я вот тут подумал, что возможно...

– Скажите, – перебил меня следователь, – вы знаете Норкина Леонида Владимировича?

– Э-э... Вроде бы нет... Хотя фамилия кажется знакомой... Подождите! Так ведь у Екатерины была фамилия Норкина! Вы же мне ее сами сказали! – воскликнул я.

– Но с Леонидом Владимировичем Норкиным вы не знакомы? – переспросил Логинов.

– Даже не слышал о таком! – ответил я, – а это кто, ее брат?

– Это ее бывший муж, они развелись несколько месяцев назад. Норкина она по мужу. А в девичестве она Добронравова. Такую фамилию не слышали?

– Да вроде бы нет. Я ж эту Катю впервые в жизни узрел только в «Звонком кубе». И то я происходящего в клубе не помню.

– Хорошо. Если что-то вспомните, то звоните. – ответил Логинов.

– Понятно. Так это... Я вот поразмышлял и мне подумалось... – начал было я, но Логинов меня перебил решительным голосом:

– Валерий Игоревич, давайте договоримся раз и навсегда, что думать это моя прерогатива. И я вас настоятельно прошу – что бы вам там ни пришло в голову, никому, кроме меня,

ни слова. И, тем более, никаких самостоятельных шагов в расследовании. Давайте каждый будет заниматься своим делом. Договорились?

Я помолчал, переваривая тираду следователя и ответил:

– Да понятно, договорились.

– Тогда всего доброго. Если что-то еще вспомните или узнаете, то немедленно звоните. – и он отключился.

Вот хмырь! Даже мои предположения и догадки не захотел выслушать! Я помочь пытаюсь, а он! Ведь я же ему мог бы вообще не звонить!

Я откупорил оставшуюся в одиночестве последнюю бутылку пива и, сделав глоток, решил, что хватит названивать этому следователю! Пусть сами разбираются! Это его работа! Есть же у него в помощниках brave оперативники Иванов и Глазьев! Вот они пусть и будут главными переговорщиками с этим Логиновым, им и буду звонить!

Я сделал глубокий глоток из бутылки, и в этот самый момент, словно молния, меня осенило! Не знаю, просто совпадение или живительный напиток сыграл свою роль... Конечно! Мама же говорила! Фамилия Писюнцов, типа, с юмором! Неблагозвучная, с каким-то даже непристойным подтекстом! Вот почему жена Толи Писюнцова и не стала менять свою! Осталась Добронравова! До-бро-нра-во-ва! Звучит, конечно, совсем иначе, чем Писюнцова!

Меня словно током дернуло к телефону, но я тут же замер. Нет, следаку звонить не буду! Это его работа – копаться во

всей этой запутанной истории!

А вот у меня самого в голове мысли зароились с новой, невиданной силой. Значит, Катя – дочь Толи Писюнцова? Или, может, падчерица? А может, это вообще дитя вдовы Писюнцова от следующего брака? А она вообще замуж потом выходила? Или родила в гражданском союзе? А может, вообще без всяких союзов? И сколько, чёрт возьми, Кате было лет, какого она года рождения? И как вся эта история с дочерью Писюнцова укладывается в этот криминальный клубок, в это проклятое наследство, из-за которого, похоже, всё и завертелось?

Вопросов как звёзд на небе, а ответов полный ноль! Я сделал ещё один, отчаянный глоток пива, надеясь на новый проблеск гениальности, но вспышки не произошло. В голове лишь ворох вопросов и чёрная, бездонная дыра отсутствующих ответов...

В задумчивости я щелкнул пультом телевизора. Принялся листать каналы – везде мелькала лишь реклама... Наткнулся на фильм. Показывали «Ва-банк» – легкая детективная польская комедия.

Я смотрел на экран, но мыслями был далек от польского криминала 40-х годов – мне и тут криминала хватало! Вопросы в голове перемешивались, словно сложносоставной фарш в мясорубке.

Зачем Катя со мной законтачила? Совпадение? Миша Семенов, убиенный юрист из «Параграфа», с отчеством Игна-

тьевич – реально сын бандюгана из Нижнеснежинска? Или же совпадение? Петр Ильич, тот, который был партнером отца, действительно Волков, который оставил мне наследство? Или же совпадение? Катя Норкина-Добронравова действительно дочь Толи, еще одного партнера моего отца? Или же снова совпадение? Что-то слишком много совпадений, слишком уж они были нахальными!

В экране телевизора банкир Крамер приехал в гости к Наталье, в подставную квартиру. Помню, как я хохотал над этим фильмом в первый раз...

Катя действительно стремилась попасть ко мне в квартиру? Или же это мои придумки, основанные на балаболстве Сергея? Катя действительно что-то спрятала у меня тут? Или же это лишь домыслы следователя?

В фильме пан Крамер расстегивал колье на панне Наталье, которое она потом выбросила в окно, и в застежку которого хитроумно была встроена пластина для блокировки сигнализации...

«Эх, я бы сейчас тоже расстегнул что-нибудь эдакое на какой-нибудь симпатичной барышне!» – мелькнула шальная мысль.

И тут – вспышка на Солнце, наверное, померкла бы перед моим озарением! Лифчик! Катя оставила у меня в квартире лифчик! Она несколько раз акцентировалась на нем, мол, куда задевала лифчик... наверное была без лифчика... И уходя даже сказала мне «Лифчик все же мой поищи»! И я его

тут даже находил!

Не давая мысли улететь, я судорожно затряс головой, пытаясь вспомнить, куда он мог запропасться. Уборка после разгрома... Я швырнул его на кровать... Потом... не помню...

Но почему лифчик? Что такого особенного в нем? Что можно спрятать в таковой вещице? В фильме – крохотная пластинка в застёжке колье. Логично. А в лифчике? Почему именно лифчик?

А хотя... Идея-то неплоха! Предмет, который я точно не пропущу в своей квартире! Да и вряд ли кому придет в голову искать в нем что-то! Но куда я его дел? Я напрягался, пытаюсь восстановить в памяти хронологию своих действий в тот трагический день.

Я его бросил на кровать... Потом вроде как ел, спал... Спал! Я тогда откинул одеяло и рухнул в кровать. По идее лифчик должен был слететь с одеяла, упасть на пол.

С замиранием сердца я перевалился через кровать, заглядывая в темное пространство между батареей и мебелью. Последний раз я туда заглядывал после бурной попойки в «Звонком кубе», когда притащил от туда целую компанию к себе, в эту самую квартиру, включая Катю. Тогда они там и спали – Катя и Сергей...

И вот он, лифчик! Нежно-розовый, с кружевными вставками, валяется у плинтуса, скукоженный, одинокий, забытый всеми, словно средневековый артефакт, не представляю-

ций никакой исторической ценности. Но для меня это, возможно, сокровище, разгадка тайны!

С пола, где он валялся, лифчик был поднят мной чуть ли не со священным трепетом, будто это реликвия древней цивилизации. Что умудрилась Катя спрятать в этом, казалось бы, невинном предмете своего туалета?

Под мое нетерпеливое сопение, пальцы начали деликатную, но настойчивую работу. Я ощупывал каждый миллиметр, каждое переплетение нитей, словно профессиональный шпион, ищущий тайник. Кружева казались лабиринтом, и я с энтузиазмом исследовал каждый их завиток. Чашечки? Проверены до последней ниточки. Пояс? Исследован вдоль и поперек. Где же эта чертова зацепка?

И вдруг мои пальцы зацепились за что-то твердое, скрытое в одной из лямок. Сердце подскочило к горлу. Это было не просто уплотнение, это было что-то чужеродное, зашитое в лямку.

С кровати я спрыгнул, как заправский акробат, сжимая в руках лифчик, будто это не просто предмет нижнего белья, а редчайший музейный экспонат! Метнулся на кухню, словно вихрь, и, выдернув ящик стола, выудил оттуда самый крошечный, но самый острый кухонный нож. Руки дрожали, как у начинающего ювелира, но я, укрощая трепет, начал аккуратно препарировать ткань.

И вот из глубин материи показался элегантный, сверкающий, крошечный прямоугольник черного цвета. Моих по-

знаний в области современных гаджетов хватило с лихвой, чтобы распознать в нем карту памяти.

Надо же! Этот скромный, но такой многообещающий лифчик незнакомки (царство ей небесное, пусть покоится с миром) оказался тайным ключом, возможно открывающим завесы всех тайн, свалившихся на меня в последние дни...

И вот она, лежит передо мной, крохотная, плоская, черная карта памяти. Моя рука, обычно столь уверенная и проворная, сейчас трепещет, держа эту миниатюрную загадку. А во мне – настоящий вулкан! Любопытство, такое всепожирающее, такое ненасытное, рвется наружу, требуя ответа: ЧТО там?! Какие тайны скрываются под этой гладкой поверхностью?

Но, как назло, вот ведь подлость судьбы, у меня нет ни единого подходящего гаджета, чтобы заглянуть внутрь этой карты! Мой верный ноут сперли. Да даже если бы он и был, то в нем нет нужного слота, а у меня нет соответствующего кард-ридера. У меня нет даже древнего, но еще чего-то там читающего плеера. Пустота! Лишь смартфон. Но, опять же, в нем нет соответствующего разъема и нет подходящего кард-ридера под рукой. И потому нет никакой возможности удовлетворить жгучее, зудящее желание узнать, что же там, в этом крохотном хранилищах данных. Это как с дикого бодуна видеть перед собой запотевшую бутылку ледяного пива, но не иметь возможности ее выпить!

Я поразмышлял еще минуту. Мысли метались в голове,

словно мячик в пинпонге. Позвонить Логинову? Да пошел он! Иванову или Глазьеву? Это уже теплее. Наверняка в ментовке найдется подходящий девайс для просмотра информации с этой карты. Однако они же ее заберут, изымут, конфискуют, увезут! И я даже не узнаю что там! Нет, надо действовать самому!

Наставления следователя о том, чтобы я ничего не предпринимал самостоятельно, напрочь улетучились из моей головы, словно осенние листья! И мои собственные страхи, шептавшие о покушениях и предостерегавшие от выхода на улицу, улетели следом, оставив после себя лишь легкий привкус паранойи.

Я прекрасно знал, что всего в пяти минутах ходьбы, находится настоящая сокровищница – салон, где телефоны, ноутбуки и всякие чудесные к ним ништячки обитают стаями. И в глубине души, с неукротимым оптимизмом, я надеялся, что именно там, среди россыпи гаджетов, отыщется единственно верный кард-ридер, надежный ключ к цифровому миру!

Глава 7.

Раннее сентябрьское солнце, хоть и робкое, во второй половине дня разыгралось не на шутку, разливаясь по городу золотистым медом. Я вышел из подъезда, ощущая, как остатки утренней прохлады уступают место приятному, обволакивающему теплу. Улица встретила меня легкой тревогой.

Будто за мной кто-то наблюдает. Или это просто игра воображения? Черт...

Оглядываясь по сторонам, я заспешил в сторону салона связи. Мой вояж обещал быть быстрым. Но откуда это ощущение? Глаза сами собой цеплялись за темные окна, за фигуры людей, за проезжающие мимо машины... Не паранойя ли это?

В салоне я обратился к миловидной барышне с мохнатыми накладными ресницами, показав ей карту памяти и свой телефон:

– Подскажите, пожалуйста, мне вот надо открыть эту карту и просмотреть на телефоне ее содержимое. Есть... м-м... какое-либо устройство... ну там кард-ридер, переходник... в общем, любой подходящий девайс для этого?

Фея связи похлопала накладными ресницами-опахалами и крикнула в сторону двери за прилавком:

– Ди-има! Подойди сюда!

Из двери высунулось забавное существо в толстых очках и с всклокоченной шевелюрой. Моргнув пару раз, он вышел в зал и направился к нам.

– Вот, спросите у него. – произнесла больше-ресничная нимфа и отошла к другому потенциальному покупателю.

– Что-то интересуется? – спросил меня Дима.

Я показал ему карту памяти и телефон, повторив свой вопрос. Даже за толстыми линзами очков было видно, как загорелись его глаза. Видимо, этот компьютерный «ботан» лю-

бил нестандартные задачи. Что ж, в данной ситуации это даже к лучшему.

– Надо же! – произнес он, – редкая штучка.

Он запустил свою руку в нечесаную шевелюру и поскреб там, словно именно в волосах у него хранились самые редкие гаджеты.

– А знаете...гхм... можно... э-э... переходник... так... вот... от зарядки, а к нему уже ридер... – забормотал он.

Я терпеливо ждал. Дима, тем временем вымолвил «Я сейчас» и скрылся в дверном проеме, от куда появился.

В ожидании гения айти-технологий я огляделся. Опохалоглазная фея связи порхала возле какого-то унылого лысыватого парня, облачённого в либерально-джинсовую куртку и футболку навыпуск. Он что-то неразборчиво бормотал ей, а она, словно озорница, отвечала, переспрашивала, кивала, тыкая острым пальцем в витрину. У другого стенда, словно в плену детского восторга, толпились три подростка, гипнотизируя планшеты.

Мой взгляд метнулся за панорамное окно, на бурлящую улицу – обычная городская суета. На стоянке, как на параде, выстроились машины. Старенький, выдавший виды пыльный форд-фокус и черный ленд-крузер выбивались из стройного ряда хавейлов, джили и чанганов, словно заблудившиеся гости из другого общества. Я тяжело вздохнул, подумав, что массовая экспансия китайских автомобилей на освободившийся рынок была как лавина! А уж Форд-то давно по-

кинул Россию официально, теперь таких «фокусов» и не сыщешь. Хотя такой же форд я видел, кажется, когда выходил из дома. Такой же? Или именно этот?!

Холодком обдало грудь. Приближалась паника, змеей обвивая сердце. Опять это дурацкое совпадение? Или за мной реально охотятся?! И куда бежать?!

В этот самый момент, словно ниоткуда, материализовался Дима. В руках он держал настоящую гору артефактов – разнокалиберные провода, разъёмы, зарядки, переходники... Целый арсенал айти-колдуна!

– Сейчас наколхозим! Дайте телефон, – ободряюще бросил он, сверкнув глазами.

Я протянул ему свой смартфон. Его пальцы-ловкачи, как у опытного хирурга, заплясали среди проводов и разъёмов, и буквально через минуту он с гордым видом продемонстрировал мне нечто многосоставное.

– Вот! – торжественно произнёс он.

На прилавке лежал мой телефон, к которому, словно извивающаяся многоголовая гидра, тянулась конструкция из проводов, соединённых бесчисленными разъёмами.

– Давайте карту! – он протянул ладонь, предвкушая следующий этап нашего увлекательного квеста.

Я сунул ему карту памяти, размером не больше ногтя на мизинце. Щёлк! — и этот крохотный черный квадратик нашёл своё временное пристанище. Дима, словно заклинатель, принялся колдовать над моим гаджетом. Я замер, вцепив-

шись взглядом в происходящее, будто на самом напряжённом поединке мастеров шахмат.

– Пароль от карты, – проворчал Дима, не отрываясь от тайнства.

– Что? – мой мозг явно отставал от происходящего.

– Пароль от карты какой? – повторил он, уже с нажимом.

Ну разумеется! Какая наивность с моей стороны!

– Э-э... Тут такое дело... Знаете... пароля как такового нет. Вернее, я уже забыл, какой он. Она у меня дома пылилась неизвестно сколько, вот, недавно наткнулся, думаю, надо бы глянуть, что там за сокровища. А... блин... совершенно не помню! – забормотал я, стараясь придать лицу максимальную невинность потерянного щенка.

– Ну, тут уж, как бы... – протянул Дима, и в его голосе послышалась обречённость.

– Дима, дружище, ты же гений! У тебя точно получится! – подкрался я к нему, понизив голос до заговорщического шёпота. – Взломай её, а? Я всё оплачу!

– Не-не-не! – Дима отмахнулся, как от назойливой мухи, – это вообще не мой профиль!

– Да ладно тебе! Для тебя это, как чихнуть! Плёвое дело! Сколько? Тысяча? Две? Пять? Я тебе заплачу десять! Десять тысяч прямо сейчас! Переводом. Или могу наличкой. Мигом в банкомат сбегаю. А? – горячо шептал я ему прямо в ухо, почти задыхаясь от азарта.

– Послушайте, я совершенно не в курсе, откуда у вас эта

карта, что на ней находится, и кем вы вообще являетесь, – жалобно причитал Дима, пытаясь отстраниться.

– Пятнадцать! Двадцать! Двадцать тысяч наличкой! – перебил я его, чувствуя, как азарт застилает мне глаза.

Но этот взлохмаченный горе-хакер был подобен скале.

– Провода берёте? – он кивнул на хитроумную конструкцию, подключённую к моему телефону, и, чуть повернувшись к дверному проёму, крикнул:

– Кристина, прими оплату!

Сам же, не дожидаясь ответа, поспешно удалился.

На его зов из глубины помещения появилась девушка. Миловидное создание с короткой стрижкой и фигурой, словно выточенной искусным мастером – тонкая талия, плавный изгиб бёдер и гордая осанка, подчёркнутая облегающей блузкой. Изящная шея, голубые глаза, чуть вздёрнутый носик и припухлые губы. В её облике странным образом сочетались деловая строгость и едва уловимая нотка загадочности, что делало её весьма соблазнительной.

Несмотря на внутренний зуд, вызванный тайнами карты памяти, и общее напряжение последних дней, я вдруг заговорил с ней.

– Добрый день, – начал я с улыбкой. – У вас тут так уютно, прямо рай для гаджетов.

Кристина приподняла брови, окинув меня взглядом с оттенком сарказма, и не слишком охотно ответила:

– Добрый день. Провода? Оплата картой или наличными?

Я не унимался, продолжая с лёгкой улыбкой:

– Да-да, вот этот замечательный пучок проводов и кардридер. Оплата картой. Знаете, я рад, что заглянул именно к вам. Кажется, у вас не только самый красивый ассортимент, но и самая очаровательная кассирша.

Девушка скромно улыбнулась, опустив взгляд, но ответила:

– Экий вы любезный. Я просто делаю свою работу.

Я заметил, как в её голубых глазах на мгновение вспыхнул огонёк, и решил развить успех:

– А может, я смогу уговорить вас закончить работу чуть раньше? Мы могли бы скоротать этот прекрасный осенний вечер за чашечкой кофе. Что скажете?

Кристина смущённо улыбаясь, коротко взглянув на меня поверх кассового экрана:

– А у меня на вечер запланированы домашние дела. Так что, увы, но я вынуждена вам отказать.

– Тогда, может быть, я провожу вас до дома? – не сдавался я. – Во сколько вы заканчиваете?

Кассирша лишь кивнула на терминал оплаты, словно говоря: «Прикладывайте карту, ловелас несчастный!».

Я вздохнул, приложил карточку и переспросил:

– Так что насчёт встречи после работы?

В этот момент все опасения по поводу слезки и опасностей, терзавшие меня последние дни, казались далёкими и незначительными.

Кристина с лёгким треском оторвала чек, положила его передо мной и, подняв на меня свои голубые глаза, тихо ответила:

– Я заканчиваю в девять вечера. Но могу уйти и в половине девятого.

– Отлично! – воскликнул я, широко улыбаясь. – Тогда жду вас в восемь тридцать у входа! Кстати, меня Валерий зовут.

Девушка кивнула, улыбаясь в ответ. В её глазах, как мне показалось, зажглась искра интереса.

Я торопливо схватил хитроумную паутину проводов и разъемов, не отсоединяя их от мобильного и не извлекая драгоценную карту из кард-ридера. Всё это богатство я запихнул во внутренний карман куртки и вышел из салона связи, раздумывая – как же распечатать карту памяти?

И тут мою голову пронзила мысль – Сергей! Он же айтишник! Вот кто сможет помочь! И я, как ошпаренный, помчался домой.

У двери подъезда я, будто заправский шпион, огляделся. И меня словно парализовало. Ноги превратились в ватные палки, а в солнечное сплетение вонзилась ледяная сосулька – во двор вкатывал тот самый Форд, который я заметил у салона связи! И, о ужас, чуть поодаль маячил черный «крузак» – близнец того, что тоже стоял там же, под окнами царства мобильных гаджетов!

Сердце забилось в бешеном ритме, как барабан безумного шамана. Я вспорхнул по лестнице на свой четвертый этаж,

влетел в квартиру, с лязгом и звоном защелкнул оба замка, добавив к ним и раритетную цепочку. Пронёсся в комнату, плюхнулся на кровать, прижал к себе подушку и, уткнувшись в неё, принялся её грызть. В голове, кроме сплошной паники, не было ни единой здравой мысли...

Что делать?! Кто на хвосте?! Меня хотят укокошить, как остальных?! Звонить Иванову или Глазьеву? Но если я им позвоню – пиши пропало, информация с карты будет у них! Или промолчать насчет карты? Скажу, выходил за... За чем? Ну да, в салон связи, за зарядкой для телефона, мол, моя капризничать начала... Но они же могут проверить! Прижмут этого айтишного «ботана» Диму, он им сразу всё выложит, что я приходил с запаролёной картой памяти, а пароль – тёмный лес для меня!

Да ну их к чёрту! В конце концов, в своей крепости, то есть в квартире, я в полной безопасности. А если кто-то осмелится ломиться – вот тогда и позвоню операм! А пока я лучше позвоню Сереге.

Трубка была мертва. Долгое, тягучее молчание, прерванное механическим женским голосом, который монотонно продекларировал: «В настоящий момент вызываемый абонент не может...» Паника, словно испуганная чайка, вдруг исчезла, уступив место яростному нетерпению. Я вскочил, словно пружина, и зашагал по комнате, отбивая ритм бешено колотящегося сердца.

И тут телефон ожил, разорвав тишину квартиры резким

звонком. Я глянул на дисплей – Сергей!

– Алло! Серега! Привет! Ты мне нужен как айтишный генеральный! – выпалил я.

– О! Валерка! Ты ли это? Слушай, тебя менты все еще таскают по казематам? – подколот он, проигнорировав мой призыв к нему, как к специалисту в своей сфере.

– Да вроде уgomонились, – ответил я и, не в даваясь в криминальные подробности, перешел к главному:

– Слушай, мне надо тут карту памяти вскрыть. Нашел, понимаешь ли потеряшку, на ней документы некоторые должны быть, да вот с дуру столетие назад паролем ее прикрыл, и, естественно, забыл. Сможешь, как волшебник, мое сокровище открыть?

– Гхм... Ну а почему нет? Ты сейчас дома? Я как раз рядом, у меня и ноут есть с собой. Всё, уже в пути, жди героя! – и он с триумфальным щелчком отключился.

Я выдохнул. Неужели скоро я узнаю все секреты, которые окружили меня за последнюю декаду? Или же, наоборот, появится куча новых вопросов без ответов?

Серега подкинул сюрприз – явился не один, а с Леной. Вот это поворот!

– Ну надо же, какие гости! Здравсьте! – я распахнул дверь, встречая их.

– Здорово! – Сергей крепко пожал мне руку. – Слушай, ты уж извини, что так вломился намеренно, но запаниковал я немного.

– Да пустяки! – отмахнулся я.

– Приветик! – заворковала Лена, – кухня там? Мы с добычей!

Она ловко выхватила у Сереги пакет и гордо продемонстрировала его содержимое: коньяк, вино, фрукты, сыр и чего-то еще, завернутое в вощеную бумагу.

– Надо же как-то по-человечески знакомство закрепить, – Лена одарила меня лучезарной улыбкой. – А то в прошлый раз все так скомкано получилось. Так что, если не против, я тут на кухне хозяйкой побуду?

Я потер затылок. Мысли бродили вокруг тайны, которая вот-вот раскроется благодаря навыкам Сергея, но одно было ясно – пара лишних градусов не повредит.

– Властвуй! – ответил я, и в моих словах, кажется, прозвучало какое-то царственное одобрение.

– Ну что, показывай, где твоя заколдованная приبلуда, – Сергей не сводил с меня глаз.

На его плече висела черная сумка, напоминающая чехол для ноутбука, только раздувшийся до неприличия. Мы проследовали в комнату, где на кровати, словно поверженный воин, лежал мой смартфон, опутанный гирляндой проводов, кард-ридер все еще сжимал в объятиях мою дражайшую карту.

Сергей бросил на телефон оценивающий взгляд, хмыкнул и распахнул свою сумку-«сокровищницу». На кровати появился ноут, «мышь», зарядка и развернулся целый мир –

разнокалиберные провода, словно змеи, сплетались в клубок, каждый с уникальным разъемом. В отдельных кармашках сумки притаились диски, флешки и целая коллекция карт памяти.

– Джентльменский набор хакера? – поддразнил я Сергея, кивнув на его арсенал.

– Ага, – он подмигнул, – хакерский набор джентльмена.

И принялся колдовать, соединяя все воедино – мой телефон, кард-ридер, свой ноут...

Сергей, как истинный маэстро цифрового хаоса, развернул на кровати настоящий цифровой штаб. Его пальцы порхали над клавишами с грацией балерины, исполняющей виртуозное адажио.

Он напоминал алхимика, способного превратить биты и байты в золото. Ну, в данном случае в доступ к заветной информации. Он мог извлечь из маленького кусочка пластика столько же тайн, сколько археолог из древнего свитка. И Сергей, с хитрой улыбкой, напоминающей улыбку кота, подглядывающего за птичкой, полностью был погружен в дело.

На экране ноута мельтешили строки кодов, стремительные, как поток лавы. Сергей беседовал с машиной на ее родном языке, вбивая клавиатурой кодовые заклинания. Каждый щелчок клавиши, каждое движение мыши – всё было пропитано стремлением проникнуть в самое сердце цифровой крепости.

И вот, после нескольких напряженных минут, когда каза-

лось, что воздух вот-вот заискрит от напряжения, Сергей повернул ко мне лицо, довольное, как у ребенка, получившего новую игрушку.

– Прошу! – произнес он, – карта открыта.

Я взглянул на экран его ноутбука. Папка с файлами.

– И можно просто на нее кликнуть и посмотреть? – спросил я Сергея.

– Да. Потом, когда насмотришься и закроешь карту, появится вопрос «Сменить пароль?», кликнешь «Да», придумаешь и введешь новый. Только не забывай больше! – усмехнулся Сергей, встал с кровати, произнес:

– Наслаждайся! – и вышел из комнаты, выкрикнув в сторону кухни:

– Лукина, я иду на помощь!

С замиранием сердца я открыл папку. Там было три видео-файла. Я кликнул на один из них. Спустя несколько секунд на экране пошла демонстрация. Какой-то изрядно полысевший мужик, худой, с потухшим взглядом и тяжело дышащий, в спортивном костюме, сидел в кресле. Камера захватывала часть интерьера – светлые стены, угол кровати, стойка с капельницей. Все это напоминало больничную палату.

Спустя несколько секунд мужчина заговорил:

– Надеюсь, это видео смотрят те, кому оно предназначено, а именно Валерий Игоревич Мотин и Екатерина Анатольевна Норкина, в девичестве Добронравова. Возможно, присут-

ствуует кто-то из правоохранительных органов. Пусть. Итак, меня зовут Петр Ильич Волков. Более трех десятков лет назад, проживая в небольшом городке Нижнеснежинск, с двумя приятелями мы организовали и раскрутили собственный бизнес. Приятелей звали Анатолий Григорьевич Писюнцов и Игорь Васильевич Мотин. Тогда все ринулись торговать всем подряд. Торговали и мы. Челночили из Китая и Турции, открыли точки на местном рынке, несколько киосков. Без «крыши» тогда было не обойтись. «Крышевал» нас некто Лука, он же Лукин Максим Федорович. Был у него еще подручный, его правая рука, по кличке Зяба, в миру Забелин Игнат Родионович.

Волков замолчал, тяжело дыша, будто только что пробежал марафон. Я же, с глазами, распахнутыми, как блюдца, вперился в экран. Повествование притягивало, прочие заботы мира растворились в дымке. Переведя дух, Волков продолжил:

– В какой-то момент стало ясно, наш пик в Нижнеснежинске достигнут. Выше не прыгнешь. Лукин это тоже понимал. И он решил перейти от банального «крышевания» к захватам. Начал элегантно, но методично «отжимать» дела у местных предпринимателей, постепенно удушая весь город. Мне он предложил сначала устранить Писюнцова и Мотина, а потом, мол, и весь бизнес переписать на него, на Луку. Любил он чужими руками жар загребать! Ясное дело, Мотин и Писюнцов добровольно бы не согласились. Но предложе-

ние Луки было из серии пан или пропал – либо я становлюсь единственным хозяином, и он, так уж и быть, выкупит у меня все, правда, за полцены, либо он разберется со всеми нами тремя самолично, да еще и с нашими семьями. Мне пришлось согласиться. И я, вот ведь наивный, попросил у Лукина помощи. В результате его головорезы подстроили Мотину автокатастрофу, а Писюнцова, предварительно напоив, выкинули из окна.

Волков снова замолк, восстанавливая дыхание. Мне и самому понадобилась передышка – сердце колотилось, как сумасшедший барабан, по спине прокладывали себе дорогу струйки холодного пота. А Петр Ильич продолжил:

– Своего обещания он, конечно, не выполнил. Заявил, что раз уж всю работу он проделал сам, то никаких скидок. Отдал мне какую-то мелочь, посоветовал ноги делать из Нижнеснежинска. Но это было ожидаемо. Я сам удивлялся своей детской наивности, поверив Луке. Даже не понимаю, почему он не отправил меня следом за моими партнерами. Но вот это бегство из Нижнеснежинска заставило меня суетиться по-новому. И, как результат, на данный момент я обладаю весьма и весьма внушительным состоянием. Что стало с Лукиным, я не знаю. Больше не пересекались.

Волков вновь замолчал, его дыхание стало поверхностным. Было очевидно – силы покидают его. Вспомнились слова оперативника, что Волков умер от рака. Все, что он рассказывал, оседало на душе тяжелыми, как бетон, плитами.

Голова раздулась от чудовищных откровений.

Наконец, отдышавшись, Волков продолжил:

– Зачем вся эта исповедь? У меня онкология. Последняя стадия. Могу умереть в любой момент. Вот сейчас. Или завтра. Может, протяну пару недель, ну, месяц, от силы. Конечно, вину перед Толей Писюнцовым и Игорем Мотиным, перед их семьями, ничем не искупить. Но, может быть, перед уходом мне удастся хоть немного облегчить жизнь семьям моих бывших партнеров, хоть как-то компенсировать ту бездну горя, что им принес. Поэтому сын Игоря Мотина, Валерий Игоревич Мотин, а также дочь Анатолия Писюнцова, Екатерина Анатольевна Норкина, в девичестве Добронравова, унаследуют после моей смерти весьма и весьма солидные суммы. Оформлением и дальнейшим ведением дел займутся юристы из фирмы «Параграф». Теперь про Зябу. У него тоже сын остался, который своего отца стыдится. Сам Зяба погиб в бандитской мясорубке еще в Нижнеснежинске. Но после него остались видеозаписи. В том числе, запись убийства Толи Писюнцова, причем лично Лукой. Эта запись хранилась у сына Забелина. И именно он, этот самый сын Зябы, сейчас ведет эту запись. Более того, он – тот самый юрист из «Параграфа», который будет заниматься наследством.

Волков замолчал, и изображение на экране, плавно отъехав в сторону, уступило место лицу молодого человека. Он произнес:

– Я Михаил Игнатьевич Семенов, юрист юридической

фирмы «Параграф». Действительно, у меня есть видеозапись убийства Анатолия Писюнцова, совершенного лично Лукиным, он же Лука. Эта запись оцифрована и будет помещена на эту же карту памяти.

На этом запись закончилась. Я тупо пялился на темный экран ноутбука, тяжело дышал. Сердце готово было выпрыгнуть из груди и ускакать вдаль. Спина вспотела, руки дрожали. Я уже собирался открыть второй файл, но в этот момент сзади раздался голос Сергея:

– Ну ни хрена себе тайны темного леса!

Я обернулся. В дверном проеме стояли Лена и Сергей. У Сереги на лице читалось полное изумление, у Лены же, напротив, сосредоточенная серьезность.

– Как жаль... – тихо процедила Лена.

– Лена, – тихо спросил я, – а ведь Серега тебя назвал Лукиной...

– Как жаль... – повторила сквозь зубы Лена, – симпатичный и догадливый...

– Ленка, так ты что, дочь того бандюгана? – изумленно спросил ее Сергей, кивнув на ноутбук.

– Еще один Шерлок Холмс, хоть и не такой симпатичный. – криво усмехнулась Лена.

– Я слышал, что авторитетам вроде как не полагается семьи заводить, – пробормотал я.

Лена пожала плечами:

– Может, когда-то и не полагалось. Но мой папаша семью

завел. Серега, – она обернулась к своему спутнику, – лови!

И стремительно махнув рукой, вонзила ему в живот шприц. Тот взвизгнул, отшатнулся, но было поздно – Лена успела вдавить поршень до упора.

– Ты что? Что это?... – ошарашено забормотал Сергей.

– Инсулин. – усмехаясь ответила Лена.

– Идиотка! Сволочь! – взревел Сергей.

– Доза лошадиная, – спокойно констатировала Лена, – умрешь от гипогликемической комы. В таких случаях скорая даже доехать не успевает. Твой труп вывезут, посадят в парке на лавочку. Все шито-крыто, диабетик передозировал себе инсулин. Бывает... Серега, Серега, зачем ты подкрался смотреть это видео?

Я наблюдал за всем этим, словно замороженный, в каком-то гипнотическом ступоре. От увиденного на экране и от произошедшего только что, тело мое охватила какая-то всепоглощающая апатия.

Сергей тем временем сполз по стене на корточки, потом на четвереньках, с максимально возможной скоростью пополз на кухню.

– А что со мной? – спросил я у Елены, которая с равнодушным видом смотрела вслед Сергею.

– Ну, ты же понимаешь, что в живых тебя никто не оставит. Будет несчастный случай. Такой же, как у Толи Писюнцева. Сейчас придут специально обученные люди, входную дверь я уже отперла. В тебя вольтуют бутылку коньяка, не зря

же я ее принесла. Ну и выкинут из окна. Этаж, конечно, не самый высокий, но выбросят вниз головой. Так что либо череп всмятку, либо шейные позвонки вдребезги. А может, и то, и другое.

В этот момент в прихожей раздались тяжелые и стремительные мужские шаги, явно нескольких человек. И на пороге комнаты, за спиной Елены, возник... старший лейтенант Иванов!

Мои глаза распахнулись от удивления. Лена обернулась и ее глаза тоже распахнулись, как мидии на раскаленной сковородке. Иванов же, с отточенной грацией акробата, одним молниеносным, словно выученным в цирке, движением отправил ее руки за спину. Металлический щелчок – и наручники, словно стальные браслеты судьбы, сомкнулись на изящных запястьях Елены. Та охнула, дернулась, но Иванов крепко ее держал. В дверном проеме возникла физиономия Логинова, и он, словно режиссер, бросил Иванову короткую команду:

– Эту уводи. – и плавно прижался к стене, как актер, уступающий сцену главному герою. Иванов, послушно следуя указанию, вытянул плененную из тесного коридора. Шагнув в комнату, Логинов уставился на меня, словно разглядывая экспонат в музее.

В этот момент в дверь заглянула лысая голова – тот самый парень в джинсовке, что виртуозно плел паутину слов с опохалоглазой продавщицей в салоне связи! Он обратился

к следователю, его голос звучал так, будто он только что вынырнул из болота:

– Там это... Похоже компьютерщик сейчас ласты склеит. Скорую я уже вызвал.

– Твою мать! – Логинов протиснулся в кухню.

Я закричал ему вслед:

– Ему Елена уколола очень большую дозу инсулина! Он диабетик.

В ответ послышался крик следователя:

– Где у вас сахар? А, вижу! Лейтенант! Пихаем ему прям под язык! Рот открывай ему, говорю!

Я же, привалившись к кровати, сидел на полу, словно мешок с картошкой. Мозг мой ушел в глубокий отпуск, оставив в голове абсолютную, звенящую пустоту. В уши будто набили ватные тампоны, и сквозь эту тугую завесу доносился приглушенный хаос квартиры.

Вроде как приехала скорая и бригада медиков забрала еще живого Серегу, попутно похвалив Логинова, что сообразил накормить того сахаром... По квартире расхаживал Иванов с какими-то людьми, явно соседями, примерившими на себя роль понятых. Он методично собрал разбросанные по кровати гаджеты. Мой телефон он оставил, но по этому поводу что-то отметил в бумагах... Я же продолжал медитировать на полу, упираясь спиной в кровать.

Вскоре снова появился Логинов. Он сел на кровать рядом со мной, словно на трон, и произнес, с легкой усмешкой:

– А вы, Валерий Игоревич, предсказуемы, как дитя.

Я поднял голову и внимательно посмотрел на него, ожидая продолжения. Поняв мое молчание как приглашение к монологу, следовательно продолжил:

– Стоило мне вас, как ребенка, наставить, чтобы вы не рыпались, как вы тут же и начали рыпаться. Вот это и было предсказуемо. Оставалось лишь ждать, когда преступники сами на вас выйдут, чтобы взять их с поличным.

– А... ахренеть! – прохрипел я, осознавая всю глубину подставы. – Значит, вы меня наживой использовали?

Логинов кивнул и сказал:

– Можно и так сказать. Но следить за вами мы стали раньше. Знаете, кто сидел внизу в машине и ждал сигнала от Елены? Сам Лука. Лично! С одним своим дружкой. Мы должны были их взять здесь, в квартире, когда они поднимутся и начнут вас убивать.

– Да вы!... – я осекся от откровенной наглости Логинова.

– Он бы не успел с вами ничего сделать. Но вот то, что Сергею так не повезет, мы не предполагали. Думали, он их сообщник, но видимо, его использовали «в темную», как хакера.

– Лука за наследством охотился? –спросил я.

– Нет. Он знал, что есть видео, как он убивает Писюнцова. За ним он и охотился. Кстати, после завершения следствия, можете вступать в наследство. Решите его обмыть – не забудьте пригласить. – подмигнул следователь.

– А Боря? Он каким боком во всем этом? – задал я вопрос, пропустив мимо ушей шуточку следака про обмыв наследства.

– Никаким, похоже. Просто оказался в вашей квартире в неурочный час. Преступники думали, что тут никого нет. Ладно, приходите в себя, а завтра прошу ко мне, нужно оформить все документально.

Логинов встал и вышел, оставив после себя лишь звук хлопнувшей входной двери. Мне показалось, что если я сейчас не выпью, то моя голова взорвется, причем в прямом смысле этого слова. Я вспомнил, что на кухне есть бутылка коньяка и закуска.

Глава 8.

Солнце, чтоб его, безжалостно било в глаза, словно фонарь в казематах инквизиции. И какие ведьмы его создали?! Моя голова гудела, как заводской цех в час пик, а каждый удар пульса отзывался новым приступом тошноты. Вместо рта была сухая степь, где редкие оазисы слюны казались миражом. Горло напоминало наждачную бумагу, и я был готов отдать долю своей души (если она еще у меня осталась) за глоток воды.

Тут тело решило напомнить о своих насущных потребностях. Мочевой пузырь, этот маленький тиран, устраивал настоящий бунт, требуя немедленного освобождения.

Пытаясь встать с кровати, я обнаружил, что в своей колы-

бели не один. И нас даже не двое. Кроме меня, тут же уютно примостились две обнаженные биологические особи с явными признаками женского пола.

Раздумывать над этим фактом было некогда – мочевого пузыря заявил, что долго ждать не намерен!

Нащупав ноги, я ринулся к спасительному унитазу, но путь был коварен. Тапки-зомби, вероломно поджидавшие в сумраке коридора, норовили сбить с ног. Разбросанная мятая одежда, словно призраки прошлой ночи, цеплялась за ноги. А пустые бутылки, молчаливые свидетели моего триумфального вечера – коньяк, виски, шампанское – лежали повсюду, напоминая о количестве выпитого горючего для моего внутреннего двигателя.

И вот он, туалет! Святая святых! Эйфория, блаженство, которое не передать словами! Моментальное облегчение и чувство полного, вселенского умиротворения! Где-то на периферии сознания зашевелились обрывки воспоминаний. Я, коньяк, моя скромная квартирка, а потом... Потом был «Звонкий куб». И почему снова он? Других заведений, что ли нету? Но, так или иначе, вчера я очутился именно в нем. И там, среди огней и музыки, появились они. Блондинка и шатенка. Я помню только, что они были легки на подъем, как и я. И отправились ко мне. А дальше – туман. Полный, абсолютный, благодатный туман.

Полностью освободив мочевого пузыря от своих же шлаков и токсинов, я припал к водопроводному крану.

Я жадно лакал воду и мне она казалась божественным нектаром, где каждая капля это не просто жидкость, а поэма! Мне даже показалось, что процесс утоления жажды это символ глубочайшего философского пробуждения после бурной ночи. Как будто бы каждый глоток погружает меня в океан самопознания, где каждая струйка это новый поворот сюжета, каждая капля открытие!

Оторвавшись от крана, выдохнув, я утерся рукой и прошествовал в комнату. Прямо почти что дежа-вю – похмельное утро, я голый, в квартире незнакомые люди и все это после «Звонкого куба»!

На кровати, словно диковинные скульптуры, возлежали две безмятежно спящие обнаженные красавицы. Златовласая и шатеновласая фея с богиней. Или нимфа с ведьмой. Или кто-то там еще...

Я вглядывался в их лица, пытаюсь уловить хоть краешек воспоминаний, хоть намеков на имена. Блондиночка, мамзель с персиковыми щеками, нежно посапывала, будто ей снились единороги и радуги. А шатенка, напротив, выдавала могучие, раскатистые рулады, достойные опытного моряка после недельного загула.

Алкоголь, верный друг и вечный враг, оставил после себя лишь пепелище воспоминаний. Я помнил, как привел их сюда. Помнил, что было выпито немало, впору было открывать собственный бар... Но что происходило после? Пустота. Абсолютная, черная, бездонная пустота.

Я голый, они голые... Логика подсказывает... Какая, к черту, логика! Опыт подобных экзерсисов, экспериментов, пьяных ночных приключений подсказывал, что все тут пятьдесят на пятьдесят. Могло что-то быть, а могло ничего не быть. Я продолжал пялиться на них.

Блондинка была похожа на ангела, спящего после долгого полета. А вот шатенка издавала такие звуки, что казалось, будто у меня в квартире развернулся оркестр народных инструментов, причем все флейты и трубы играли одновременно.

Факт наличия обнаженных леди в моей скромной обители требовал продуманных действий. Хрен его знает, что я им наобещал! К тому же, мое тело, кажется, решило примириться с реальностью и даже проявило некоторую бодрость, словно пробудившись от спячки. Первым делом – вода! Непременно вода! Но уже не внутрь. И я отправился в душ.

За дверью ванной комнаты, словно в другом измерении, реальность казалась более контролируемой. Каскад ледяной воды обрушился на меня, немного прочищая мозг, смывая пепел вчерашних приключений. Каждая капля была как удар кнута, заставляющий тело вспоминать, что такое быть живым.

Облаченный в халат, я вернулся в спальню, где застал ту же картину – две спящие красавицы. Блондинка все так же напоминала ангела, словно она и правда грезилась о полянах, где пасутся радужные единороги. Шатенка же взяла паузу в

своем «оркестре», лишь изредка издавая тихое, утробное урчание, похожее на довольное мурлыканье гигантской кошки.

Глядя на них, не смотря на свое смурное состояние, я не мог сдержать улыбки. Вот она, жизнь, полная сюрпризов, неожиданных поворотов и прекрасных, но совершенно загадочных гостей. Но хотелось бы, чтобы воспоминания вернулись, хотя бы по частям.

Я аккуратно прилег на край кровати и неожиданно провалился в сон... И вроде бы я даже не успел толком глаз сомкнуть, как...

Проклятый звук! Он ворвался в мою тихую, уютную преисподнюю, полную раскаяния и вчерашнего перегара! Он бился о барабанные перепонки, словно обезумевший дятел, которому кто-то навязал срочную задачу – выдолбить дыру в моей и без того трещащей по швам голове. Это был телефон – маленький, подлый засранец, взорвавшийся трелью, разорвавший сон, который и так был пропитан отголосками вчерашнего веселья.

Я распахнул глаза и морщась, повернул голову. Мой взгляд упал на тумбочку, где среди прочего хлама, я увидел свой мобильный. На экране светилась фамилия звонившего – Логинов! Ч-черт!!! Руки предательски дрожали, когда я брал телефон.

– Ал...Аллоэ-гхм... - просипел я.

– Здравствуйте, Валерий Игоревич! Вы про меня не забыли? – голос Логинова был строг.

– Гхм... Хгхм... – прокашлялся я и ответил:

– Да-да, я помню. Как раз вот собираюсь... Гхм... Где-то через часик буду.

– Я жду. – произнес Логинов и отключился.

Повернув голову в другую сторону, я обнаружил, что кровать пуста. Ни тени моих ночных спутниц. Не успел я этого толком осознать, как взгляд уперся в часы.

«Два часа дня?!» – пронеслось в моей ошарашенной голове. Время, этот безжалостный тиран, пролетело незаметно, оставив меня наедине с моим разбитым состоянием.

Из кухни доносились голоса. Женские, уверенные, словно их обладательницы были полными хозяйками мира. С трудом поднявшись, я запахнул халат – мой потрёпанный, но верный боевой скафандр – и отправился на кухню.

Там меня ждали обе барышни, которых я имел честь недавно обозревать в своей постели. Блондинка – словно сошедшая с обложки модного журнала, и шатенка – с загадочной улыбкой, от которой мое сердце забилося чаще, даже несмотря на вчерашний алкогольный подвиг. Обе уже были одеты, причем наряды кричали не о завтраке, а о продолжении той самой ночи.

– Ну что, герой, готов к финальному акту? – сказала блондинка, и стало понятно, что радужные единороги ей никогда не снились.

Шатенка добавила:

– Время платить по счетам, красавец. По тридцатке каж-

дой.

Какая проза бытия! Какая серая банальщина! Серая и грубая, как штаны пожарного! Я провел ночь с обычными проститутками... Хотя... А чего ж я ждал?

Но тридцать тысяч?! Я, что, неумолимо имел их всю ночь, не переставая, со страстью и неугомонностью быка-производителя?! Отдать двум профурам шесть десятков тысяч за просто набухаться в их компании и поспать?!

Видя мое замешательство, блондинка ухмыльнулась и сказала:

– Вчера ты нам рассказывал, какой ты миллионер!

– Послушай-ка, цена за ночь именно такая и есть. А уж что там было, не важно. Ночь была? Была. Так что изволь расплатиться. – проговорила шатенка.

Я выудил из кармана халата телефон и посмотрел эсэмэски. Мам родная! Целый ворох, не помещающийся на экране, и все из банка!

– Стопэ, красавицы! – парировал я, – сейчас все будет! Только вот...

– То, что ты оплачивал в клубе, а так же такси, можешь не смотреть! – прервала меня шатенка.

– По тридцатке это только за ночь. Мы, кстати, тебе об этом говорили – сказала блондинка.

– И, дорогуша, за нас есть кому вступитьяся. – снова про-изнесла шатенка.

И тут меня начал душить смех. Я сдерживался секунды

полторы, но меня прорвало. Это был не просто смешок, не хихиканье, а настоящий, бурный, всепоглощающий хохот, который вырвался из глубины души, как извержение вулкана. Я хватался за живот, слезы текли ручьем, а воздух в легких, казалось, закончился где-то в далеких галактиках. Каждая клетка моего тела вибрировала от этой чистой, незамутненной радости, которая обрушилась на меня, как лавина.

– Да вы хоть... ой, не могу! Вы хоть знаете, что такое... А-ха-ха-ха! Что такое «крыша» девяностых? Ой, не могу! Есть, кому за них вступить! – давясь от неумолимого хохота, выдал я.

Блондинка и шатенка переглянулись, на их лицах читалось что-то среднее между удивлением и раздражением. Похоже, они не могли понять – кто же я такой, если так хохочу об упоминании суровых сутенеров? Слабоумный и отважный? Или же и за меня тоже есть кому вступить и со мной лучше не связываться? А может они просто наслаждались моим выступлением?

А я хохотал. Хохотал над собой, над ситуацией, над абсурдностью жизни, которая подкидывала сюрпризы последних десяти дней. Это был смех, который очищает. Смех, который освобождает и который, черт возьми, был самым лучшим лекарством от вчерашнего загула.

Сквозь непрерывный гогот я сдавленно просипел:

– Миллионер! Платить тридцать тысяч! Да я же вчера был... ха-ха-ха... был... ох-хо-хо... кем я вообще был?! Тер-

пилой? Меня ж чуть не грохнули тут до вас!

Сквозь слезы и смех я пытался вымолвить хоть что-то связное, но каждое слово лишь подливало масла в огонь моего веселья. Пол, казавшийся единственной стабильной опорой в этом бурном потоке эмоций, начал уплывать из-под ног, словно палуба корвета в бурю, когда очередной приступ смеха сотрясал меня до основания.

В кухне царила атмосфера полного недоумения. Мои гости сидели друг напротив друга, их губы были слегка приоткрыты, а глаза широко распахнуты, как будто они только что увидели летающую корову. Я же заливался таким искренним, таким безудержным хохотом, что стены кухни, казалось, дрожали в унисон с моим ребрами. Но вот волна смеха начала спадать, оставляя лишь легкую дрожь в моих плечах. И наступила тишина, пропитанная недоуменными взглядами жриц любви.

– Вас как звать-то? – обратился я к ним с вопросом.

– Меня Алла, ее Ольга. – ответила блондинка.

– Ну надо же, – пробормотал я, – никаких тебе Снежан и прочих экзотик...

– Ну так что с деньгами, милый? – вымолвила шатенка.

Я снова залез в телефон.

– Ха! – воскликнул я, – вот же, сегодня же, то есть ночью, получается, перевод на Ольгу, а вот на Аллу. По двадцатке каждой!

Барышни переглянулись. Ольга вздохнула, а Алла проце-

дила:

– Ишь какой внимательный... Но мы ж тут уже, вроде как перерабатываем.

– Чего делаете? – прищурившись, язвительно спросил я.
– Пе-ре-ра-ба-ты-ва-ете?!

И после небольшой паузы продолжил:

– Знаете что, красавицы, выметайтесь-ка! А то у меня дел по горло! И, кстати, что вам скажет ваш же сутенер, когда узнает, что вы решили взять чуть ли не тройную оплату с клиента, утаив это?

Алла издала звук, подозрительно напоминающий сдавленный писк хомяка, на которого наступил нерадивый хозяин. Ольга же, видимо, решив, что мой юмор достиг критической точки, скрестила руки на груди, демонстрируя изгибы, которые, вероятно, считались бы весьма привлекательными в другом контексте. Но сейчас это выглядело скорее как угроза, чем соблазн.

И вот, под моим лукавым взглядом, эти прекрасные, но, увы, стратегически неверно выбранные спутницы ночи, с неохотой, но все же, начали отступление. Я проводил их до двери, чувствуя себя триумфатором, одержавшим победу над банальностью. Тишина, вновь окутавшая квартиру, была наполнена не только облегчением, но и предвкушением новых, не самых приятных дел. Ведь пора уже было бежать к Логинову.

Глава 9.

День тянулся, какдохлая кошка по раскаленному асфальту на застиранной резинке от трусов. В голове гудело, словно улей, где каждый шмель был пьян и ошалел. Ночная вакханалия с двумя спутницами преобразилась в утро с нестерпимым амбре и ворохом мутных воспоминаний. А тут еще этот допрос у следователя маячил, как черная дыра на горизонте. Не смотря на то, что я проспал полдня, самочувствие было не самое бодрое...

Логинов встретил меня с таким видом, будто я лично изобрел скуку. И разразился нотацией, словно суровый учитель нашкодившему ученику:

– Здрасьте, Мотин! А мы вас уже и не ждали! Думали, что вас грешным делом, в Нижнеснежинск ветром сдуло! Или еще куда. Не проявляете вы, знаете ли, энтузиазма в расследовании. Словно каждый день ваших приятелей мочат! А через день вас самого пытаются грохнуть! И раз в неделю наследство в двести сорок семь миллионов перепадает! Грех не смыться!

Следак был суров, но в глазах его плясала чертовщинка – смесь сарказма и вселенской усталости.

Я бухнулся на стул, стараясь издавать минимум звуков, достойных моей ночной вылазки.

– Сбежать? От такого счастья? – вымолвил я, изобразив подобие улыбки, но, кажется, она получилась кривой, как моя вчерашняя прогулочка.

Логинов вздохнул, почесал затылок, будто пытался отряхнуть с него пыль прошлых преступлений.

— Ладно, давайте пока что без цирка. Потом посмеемся. Рассказывайте с того момента, как вы обнаружили карту памяти. Где вы ее нашли?

Я, к своему удивлению, помнил все в мельчайших подробностях, не смотря на похмелье. И выдал всю правду-матку, словно исповедался перед самым дьяволом. И про то, что на мысль о бюстгалтере меня навел фильм «Ва-банк», и про то, как я его обнаружил, и про то, как я нашел в нем карту памяти...

Затем я разложил по полочкам визит в салон связи, предательский испуг перед фордом и «крузаком». Рассказал, как звонил Сергею, как тот, словно по волшебству, материализовался вместе с Еленой. Как Сергей взломал проклятую карту, а потом окликнул Лену, назвав Лукиной, а я тогда ушами хлопнул. И то, что про Лукина-то я уже знал от своей мамы...

Наконец, я поведал о том, что увидел на записи. Что видел только один файл из трех. Что Сергей и Лена тоже это видели, тихонько подойдя сзади... Как я догадался, что означает ее фамилия, как она воткнула шприц в Сергея и сказала тому, что это инсулин. И как она поведала о планах моей кончины.

Логинов слушал, не записывая ни строчки, лишь изредка кивая, словно дирижер на похоронах. Когда я закончил,

он выдал проникновенное «Да-а уж!», отвернулся к своему компьютеру и заколотил по клавишам с энтузиазмом экзальтированного пианиста на конкурсе Чайковского.

Потом он откинулся на спинку кресла и под жужжание принтера принялся рассматривать меня, словно заскучавший дрессировщик диковинную зверушку из дальнего экзотического уголка нашей планеты.

Потом извлек из чрева принтера дрожащий от жара протокол и положил передо мной с таким видом, будто вручал мне будущее, со словами:

– Прочтите и распишитесь на каждой странице, если все верно.

Я бегло просмотрел творение Логинова, написанное с моих слов, прочел, что называется, по диагонали. Чувствовалось, что слова мои, хоть и звучали из меня, были перекроены под его, следствия, прихоть. Но меня и так устраивало. Поставил свой автограф на каждой странице, как печать на договоре с судьбой, отодвинул листы к следователю и спросил:

– Теперь можно парочку вопросов?

– Ну, если только парочку, – усмехнулся Логинов, сверкая хитрыми глазами, – не больше.

– Глазьев, ну тот опер, примчался ко мне очень быстро, когда я сообщил Иванову о визите Сергея...

– Вы, Валерий Игоревич, – перебил меня следователь, – не о визите Сергея хотели сообщить, а испугались, что вам гро-

зит опасность. Испугались, в общем-то, правильно, но поздно-
новато. Иванов в это время находился в Нижнеснежинске, по
моему заданию собирал там информацию о событиях трид-
цатилетней давности. Перешерстил весь город. К вашей ма-
тери тоже должен был навестись. Да только ее не было, вро-
де как уехала отдыхать толи на Бали, толи на Мальдивы...

– Что?! – воскликнул я от неожиданности. – Мама уеха-
ла... Куда?! На Бали?! Мальдивы?! Да она... Да у нее и де-
нег-то таких нету!

– Ну, это со слов соседей. – продолжил следователь. – Да,
собственно, ее расспрашивать и не потребовалось, вся необ-
ходимая информация нашлась без ее участия. И про Волко-
ва, и про вашего отца, и про Писюнцова. А так же про За-
белина и Лукина. Ну и про все события, связанные со все-
ми этими персонажами. Даже про следователей, которые не
стали открывать дела по фактам смерти вашего отца и Ана-
толия Писюнцова, списав все на, хоть и трагические, но до-
садные несчастные случаи. А Глазьев, когда вы позвонили
Иванову, находился у вашего дома. Оперативники там, зна-
ете ли, не просто так маячили. У них была двойная задача
– не дать вам натворить глупостей и охранять вас по мере
возможности.

– Ничего себе... – пробормотал я, чувствуя, как мир во-
круг, словно просыпаясь после глубокой спячки в вязком бо-
лоте и выныривая из тягучей трясины, начинает вращаться,
будто карусель, неумолимо набирая обороты.

Пояснения следователя меня ошарашили. Я-то думал, что все это расследование, весь этот сюрреалистичный цирк, в который я оказался втянут, топчется на месте. Что следователь и оперативники просто штаны протирают, а мои ценные сведения вызывают у них лишь вселенскую тоску. А тут, оказывается, такое! И поездка в Нижнеснежинск, и дежурство у моего дома! И, похоже, многое еще, что скрыто от меня. А уж сообщение об отъезде моей матери вообще в голове не укладывалось! Я смотрел на следователя, как на айсберг, чья видимая часть – лишь малая толика, а основной массив скрыт под темной водой.

– А почему юрист, тот который из «Параграфа», Семенов, а не Забелин? – снова спросил я, пытаюсь собрать рассыпавшиеся мысли.

– Его мать утверждает, что стыд, Валерий Игоревич! Стыдился он своего отца. И когда получал паспорт, взял фамилию матери, дабы отделиться от своего отца. Хотя уже и мертвого к тому времени. Помните, я вас спрашивал, знакомы ли вы с Ириной Витальевной Семеновой? Так вот, это его мама. Фамилию она, будучи замужем за Забелиным, носила его, а после его смерти вернула себе девичью. А ваша мама, вам, что же, о своей поездке на отдых не сообщала?

Я отрицательно покачал головой. При этом понимая, что абсолютно не помню когда Логинов спрашивал меня про Ирину Витальевну. Я вообще не помнил, что и когда он у меня спрашивал. Но сейчас у меня были еще вопросы, и я

продолжил:

– Почему Семенов отдал Норкиной карту памяти? Ведь он же снимал Волкова, значит карта памяти была у него. И когда он ей ее отдал? Да и зачем? И к чему была такая конспирация? Ну не шпионы же, в самом деле! Ведь прям целая спецоперация! Зашить в лифчик, якобы случайно познакомится со мной в «Звонком кубе», отправится ко мне домой и там этот самый лифчик якобы потерять! Господи! Да я мог же тупо его выбросить!

Логинов терпеливо ждал окончания моей тирады. Когда я закончил, он спокойно ответил:

– Об этом всем мы можем только догадываться. Семенов встречался с Норкиной за несколько дней до того, как планировал встретиться с вами. Возможно увидел, что за ним следят, решил отвлечь преступников на себя, отдав запись Норкиной и пояснив, что за ней могут охотиться и необходимо, что бы вы тоже увидели запись. Но, мол, надо сделать это незаметно. Лука и его подельник пока что не очень разговорчивые. Но, надеюсь, от них мы получим все необходимые детали. В том числе и про то, как они узнали про эту запись, как узнали, что она у Семенова, как следили за всеми вами. Еще вопросы есть, Валерий Игоревич? – завершил разговор Логинов.

Я пожал плечами и ответил:

– Вроде бы нет... А! Чуть не забыл! По поводу наследства. Типа, теперь же, наверно, заводить о нем речь можно только

после всех судов? И где можно будет получить сам документ о нем?

Следователь усмехнулся и ответил:

– Оригинал находится в уголовном деле. Но заверенная копия есть в «Параграфе». По закону вступить в наследство вы можете через шесть месяцев. Я думаю, за это время суд над Лукой и его поделщиком уже состоится. Так что можете, я думаю, обратиться в «Параграф», они с удовольствием на вас еще подзаработают. Да, кстати, будете говорить с матерью, все же выясните, когда она вернется. И, скорее всего ей стоит рассказать про наследство, Луку и про прочее. Как вы думаете? Я так думаю, что надо. А, кстати, в квартире, где обитал Лука обнаружен ваш ноутбук, флэшка, документы. После суда вам это все вернут. Если у вас вопросов больше нет, вы можете идти.

Я задумчиво кивнул, поднялся со стула, пробормотал «До свидания» и направился к двери.

– Да, Валерий Игоревич! – окликнул меня Логинов, и я обернулся. – Не теряйтесь! Следствию могут понадобиться какие-то уточнения. Да и на судебные заседания вам нужно будет являться обязательно. Вы что планируете делать в будущем?

Я задумался, перебирая в голове варианты, и ответил с улыбкой, которая, казалось, растянула мое лицо до размеров рекламного щита:

– Что делать? Да ничего!

И распахнув улыбку еще шире, добавил:

– Двести сорок семь миллионов весьма неплохая сумма, чтобы просто ничего не делать!

Из кабинета следователя я выкатился, всё ещё лыбясь, как Чеширский кот, которому только что простили кражу сметаны. Мой прощальный перл казался мне верхом остроумия – этакая изящная пощёчина правоохранительной системе, а вернее ее служакам. Но стоило двери захлопнуться, отрезав меня от казённого уюта, как улыбка сползла, словно дешёвая наклейка. И в голове, сверля висок, забился один-единственный, пронзительно-трезвый вопрос: «А действительно – и что теперь?».

Что это моя мама придумала – укатила отдыхать в загранку! На какие шиши? И мне ничего не сказала! Во дает! У меня плохо ассоциировалась скромная библиотечарша из захолустного Нижнеснежинска и Мальдивы... И как вот ей рассказать про все прошедшие события. Да и про наследство в придачу? Да и надо ли вообще рассказывать? Пожалуй, не сейчас... Потом, когда наследство получу. А уж когда я его получу-у!...

И вдруг меня шарахнула совершенно неожиданная мысль. Кристина! Господи Иисусе и все его апостолы! Я же по собственной воле, подписался на эту авантюру, типа проводить, приударить. А сам? Я чуть не застонал, прислонившись к стене. Стена была холодной и безучастной, в отличие от моей совести. Совесть? У меня есть совесть?!

И тут же некий внутренний адвокат вскинул голову, словно трубач, подготовившийся огласить округу пронзительным сигналом к кавалерийской атаке, начал свою защитную речь. «Ваша честь! – завопил он, заглушая вкрадчивый шепот совести. – Посмотрите на обстоятельства! К нему вломилась бандита! Его хотели убить! Он выведал тайну, от которой у любого другого бы расплавился мозг! А он... он просто искал способ снять стресс! И нашёл! С двумя... кхм... феями ночи!».

Да, это было весомое алиби. Про фей ночи Кристине, конечно же, знать противопоказано, но про остальное... Но алиби не отменяло главного – я выглядел и пах как результат неудачного научного эксперимента. И в таком виде являться для попытки вымолить прощение – смерти подобно!

По дороге домой я строил план спасения своей репутации. План был прост и гениален – помыться и надеяться на чудо.

Дома я ворвался в ванную с решимостью человека, идущего на эшафот. Щётка вгрызлась в эмаль зубов с яростью отбойного молотка. Я чистил их так, будто пытался стереть не только вчерашний перегар, но и саму память о нём. Душ стал следующим актом этой трагедии. Я переключал воду с кипятка на ледяную с такой скоростью, будто пытался изобрести новый вид пытки. Далее я приступил к бритью, стараясь не изрезаться и стать гладким, как коленка младенца.

И вот из зеркала на меня смотрел помятый субъект с глазами цвета застиранных джинсов. Краснота немного спала,

но взгляд всё ещё был затравленным. «Ну что ж, – подумал я, – похоже, это максимум, на что способен мой гений оболыщения на сегодняшний день».

Но тут меня пронзила мысль – холодная и острая, как сосулька, упавшая за шиворот. А для чего, собственно, весь этот цирк? Почему меня вдруг так взволновала простая кас-шира из заштатного салона связи?

Да, она симпатичная. Даже, чёрт возьми, соблазнительная. Но с чего бы вдруг я, как подросток перед первым свиданием, так старательно драю себя мочалкой и полирую зубы годовым запасом пасты? С чего это я так рвусь заслужить её прощение, будто от этого зависит моя жизнь?

Я замер с рубашкой в руках, глядя на своё отражение. В голове зазвучал циничный внутренний голос, который обычно просыпался после третьей рюмки. «Валера, ты чего? – ехидно заурчал он. – Опомнись! Ты же не прыщавый юнец, чтобы так трястись. Да через полгода, когда всё уляжется и ты, наконец, получишь полноценный доступ к наследству, ты сможешь себе позволить не просто симпатичных. Ты сможешь купить себе целый гарем таких Кристин!»

Мысль была отрезвляющей, как ушат ледяной воды. Я даже представил себе этот гарем: все в одинаковых форменных жилетках салона связи, синхронно сканирующие QR-коды. Бр-р-р!

Я уже почти набрал в грудь воздуха, чтобы выдохнуть и никуда не пойти. Но тут в голове щёлкнул другой тумблер.

Гораздо более старый и скрипучий. Мама. Господи, она же мне чуть ли не плешь проела! «Валерочка, я внуков хочу видеть!». А ведь я и сам, если честно признаться (только тсс-с!), в глубине души был уже не против. Не только детей, конечно, а вот этого всего.. э-э... семейного. Ну. чтобы дома кто-то ждал. Чтобы борщ был не из «ВкусВилла», а с душой...

Я вздохнул и принялся завязывать галстук. И тут меня осенило окончательно, добив последние остатки романтического бреда. Это же еще и идеальный финансовый план! Я замер перед зеркалом, глядя на себя уже не как на помятого ловеласа, а как на будущего олигарха.

А что? Ничего не делать всё же лучше с кем-то, кто не даст тупо разбазарить, бездумно растратить, банально прокутить всё грядущее наследство! Это же классика жанра! Жена это прекрасный финансовый консультант с функцией бытового обслуживания. Она – мой живой предохранитель от моих же собственных идиотских порывов. Она не даст мне купить яхту или вложиться в «перспективный стартап» по производству надувных замков! Она заставит меня купить квартиру. И дачу. И машину в семью. И что-то еще, но именно в семью!

И вот Кристина из кассирши прям на глазах превращалась в стратегического партнёра. Но... А почему именно Кристина? Я же ее совсем не знаю! Но я ведь и хочу с ней встретиться, что бы узнать! Елки-палки, а ведь когда я с ней начал флиртовать, то совсем не думал ни про какие домашние

борщи...

Вот только... А простит ли она меня? Придется как-то правдоподобно соврать. Ну там, типа, попал в больницу. А может про то, что меня увозили в полицию, в качестве особо опасного экспоната? Или же рассказать правду? Которая, кстати, выглядит весьма не правдоподобно! А-а и ладно! Буду импровизировать!

Глава 10.

Начало сентября выдалось на редкость тёплым, будто лето, уходя, забыло выключить обогреватель. Воздух был густым и сладковатым, пах остывающим асфальтом и пылью. Около восьми вечера – время, когда рабочий день уже тает, а вечер только начинает набирать силу. Идеальный час для раскаяния.

Я примчался к салону связи на всех парах. Не бежал, нет – это было бы слишком панибратски по отношению к моей и без того подмоченной репутации. Я спешил, как человек, у которого есть очень важное, почти государственное дело. Хотя внутри всё клокотало. Прошедшие вчера и сегодня события вспоминать совершенно не хотелось. Не смотря на это, они, конечно же сидели в голове и всплывали обрывками, как старый диафильм с поцарапанной плёнкой – вот я флиртую с Кристиной, вот я внимаю откровениям Волкова, вот на запястьях коварной Лены защелкиваются наручники, а вот я уже пью что-то крепкое в компании двух дам, чей

род занятий читался в их облике и взгляде яснее, чем ценник на витрине. Потом, уже сегодня, следовательно, его скрипучий стул и мой собственный голос, хриплый и чуточку виноватый.

Но всё это уже в прошлом. А сейчас был прекрасный теплый вечер. И я был как новенький. Ну, почти.

Я влетел в прохладное нутро салона. Под потолком жужжала лампа дневного света – единственный звук в этой стерильной тишине. За кассой стояла Кристина. Фея кассы, проводов и улыбок. Сегодня она выглядела так, будто я был не просто опоздавшим кавалером, а досадной ошибкой в её квартальном отчёте.

Рядом, как назойливый призрак технического прогресса, суетился Дима. Тот самый, в толстых очках, из-за которых его глаза казались размером с блюдца, и с шевелюрой, напоминающей последствия взрыва на фабрике шнуров и бичевок. Вчера он с умным видом помогал мне разобраться в хитросплетении кард-ридера, проводов и разъемов, а сегодня смотрел на меня как на вирусную угрозу.

Опохалоресничной особи, которая вчера изображала всезнающего продавца-консультанта, нигде не наблюдалось.

– Привет! – выдохнул я, вкладывая в это короткое слово всю надежду мира.

Кристина подняла взгляд. В нём не было вчерашнего намека на кокетства. Там была усталость вечерней смены и лёгкое презрение к мужчинам, которые не держат слово.

– Кажется Семен? – произнесла она язвительно и её бровь изящно изогнулась. – Ах, нет! Владимир! Ой, не-ет! Валера? Точно – Валера! Кажется, вы вчера обещали зайти. Или не вы?

Она явно издевалась, но делала это как-то не очень серьезно. Если бы ее обида была велика, она бы просто ушла, не удостоив меня взглядом и, уж тем более, беседой. А так ее поведение вселяло надежду.

Я почувствовал, что, кажется, краснею. И это было неожиданно. Последний раз перед дамами я краснел, кажется, в выпускном классе средней школы родного Нижнеснежинска...

– Я... это... – слова застряли где-то между кадыком и совестью, – вчера случился небольшой апокалипсис личного масштаба. Меня похитили инопланетяне. – с кривой улыбкой попытался схохмить я.

Господи, что я несу?! Какие инопланетяне? Уж лучше про больницу...

– То есть нет... – попытался исправиться я. – Меня похитили сотрудники скорой помощи! Ну... В том смысле, что... это... сначала ко мне пришли преступники... – залепетал я, к своему ужасу осознавая, что в голову ничего не лезет и я бормочу какую-то ересь.

Раньше в подобных ситуациях слова вылетали из меня со скорострельностью шестисвольного пулемета! При этом весьма остроумные слова, девушки таяли, смеялись... А

тут...

– То есть под видом врачей скрывались инопланетяне? – иронично вымолвила Кристина, подняв брови.

– Да! – выдохнул я, пытаясь в голове скомпоновать рассказ, развивая именно тему медиков-инопланетян, но... ничего не мог придумать! Какой конфуз!

Дима за её спиной издал звук, похожий на сдувающийся шарик. Кристина выжидательно молчала.

– Слушай, я был неправ, – решил я идти ва-банк, – но у меня действительно случился форс-мажор криминального характера. Причем началось все дней десять назад, а вот вчера наступила развязка. А сегодня надо было идти к следователю. Но как только я освободился, я примчался сюда! Я могу все рассказать, это даже занимательно!

Кристина молча слушала, вглядываясь в мое лицо своими голубыми глазами.

Я набрал в лёгкие побольше воздуха и решительно сказал:
– Я понимаю, что подпортил впечатление о себе. Но я хочу это исправить. Прямо сейчас. Кристин, бросай всё к чертям собачьим! Увольняйся на сегодняшний вечер! Пойдём отсюда. В «Шоколадницу».

Дима снова издал свой булькающий звук. Кристина, чуть помедлив, посмотрела на него через плечо.

– Дим, ты справишься тут без меня?

Дима поправил очки трясущейся рукой. Он явно хотел сказать «нет», «ни за что» и «посторонних попрошу удалит-

ся немедленно!». Но под её взглядом его боевой дух увял быстрее комнатного цветка без полива.

– Ладно... — проскрипел он голосом старого робота. — Иди уж...

Это была победа. Маленькая тактическая победа.

Мы вышли на улицу. Вечерний воздух ударил в лицо, отрезвляя лучше любого кофе.

– Ну что, мир? – спросил я осторожно.

Кристина посмотрела на меня долгим взглядом, в котором смешались скепсис и любопытство и ответила:

– Пока что да. Но учти, если снова накосячишь, я заставлю тебя объяснять моей бабушке, как пользоваться «телегой»!

Я рассмеялся с облегчением и воскликнул:

– Договорились! Бабушка так бабушка, «телега» так «телега»!

«Шоколадница» встретила нас привычным уютом – приглушённый свет, запах кофе и выпечки, тихий гул голосов. Мы сели за столик у окна.

Я заказал нам по чашке капучино и самый большой кусок торта «Три шоколада». Нужно было срочно развивать успех дальше и подсластить пилюлю моего вчерашнего исчезновения.

Кристина молчала, помешивая ложечкой пенку. Я чувствовал себя сапёром на минном поле, где одно неверное движение приведет к трагичному взрыву.

– Так что там со следователем? – наконец спросила она,

но в голосе интереса не ощущалось.

Я вздохнул и начал свой рассказ. Попытался в красках и с изрядной долей юмора поведать о неведомом наследстве (умолчав про сумму, придумав, что размер пока что не известен), об обыске (умолчав про труп Бориса, да и про другие смерти тоже). Ну и про вчерашний день, опять же не сказав, что запись на карте памяти я все же просмотрел. Естественно, я опустил детали про проституток (некоторые тайны должны оставаться тайнами), но живописал принятие алкогольных напитков, объясняя это глубоким стрессом. Ну а так же придумал некоторые детали криминальных событий так, будто сам был героем нуарного фильма: задержание злодеев, драка, необходимость дать показания... Кристина слушала с заинтересованностью и с лёгкой усмешкой.

– Звучит как сценарий для дешёвого сериала про ментов.
– сказала она, когда я закончил свое повествование.

Я развёл руками:

– Жизнь это лучший сценарист!

Она улыбнулась. Первый раз за вечер по-настоящему.

– А ты чем вообще живёшь? Кроме девайсов, гаджетов и прочих цифровых ништячков? – спросил я.

Кристина пожала плечами и посмотрела в окно на огни улицы.

– Да так... Обыденно живу. Можно даже сказать, что скучно. Снимаю «однушку» тут неподалёку. Я из Зареченска. Слышал о таком?

Я отрицательно мотнул головой, а она продолжила:

– Это примерно километров триста пятьдесят от Среднеграда. После школы работала продавщицей в магазинчике, курьером. Даже замуж собиралась, да не получилось. У меня еще мама долго болела, приходилось за ней ухаживать. А учитывая, что имеется младший братик, я ему и за маму была в тот период. Готовилась в институт поступать. Но из-за всех домашних забот подзатянула... Ну вот... Приехала поступать в ГУУП, на журфак. Провалилась и на бюджет не прошла. Ну а на платное денег нет.

Она говорила об этом спокойно, без надрыва, но в голосе слышался оттенок усталости.

– Теперь вот хожу на подготовительные курсы при институте и работаю тут в салоне связи, чтобы оплачивать жильё и курсы. Родители, конечно, помогают, на одну зарплату не разгуляешься, конечно. Еще числюсь в одной газетенке с мизерным тиражом, это, скорее для «галочки», при поступлении в институт может сыграть свою роль, если есть хоть небольшие публикации.

Я смотрел на неё и понимал, что вчерашний флирт с легкомысленной кассиршей был ошибкой зрения. Передо мной сидела не девочка-свистулька из салона связи, а человек с планом и мечтой, которая уже успела упереться в суровую реальность жизни.

– А журфак с каким прицелом? Действительно хочешь стать журналистом? –спросил я.

Она кивнула и ответила:

– Да. Хочу писать о людях. О настоящих историях, про жизнь.

Звучало это наивно... А она посмотрела мне прямо в глаза и спросила:

– Вот твоя история была настоящей?

Я поперхнулся кофе и, прокашлявшись, ответил:

– Э-э-э... К сожалению, да. Но давай не будем о грустном. Лучше о торте!

Мы рассмеялись одновременно. Напряжение окончательно спало. Мы просидели в кафе больше часа. Говорили о её родном Зареченске (оказывается, там делают лучшую в мире сметану), о моих удачах и неудачах (я умолчал о самых позорных), о музыке и фильмах.

Когда мы вышли на улицу, уже совсем стемнело.

– Мне пора домой, завтра за кассу с утра... – сказала Кристина.

Я кивнул и спросил:

– Я провожу?

Однако ж я размяк. Раньше барышень я о таком не спрашивал, это как бы подразумевалось само собой.

Она секунду поколебалась и с улыбкой ответила:

– Ладно... Только без приключений!

Я приложил руку к сердцу:

– Клянусь своей будущей карьерой консультанта по «телеге» для твоей бабушки!

Мы пошли по улице рядом друг с другом. Вечерний город жил своей жизнью, мимо проносились машины, где-то смеялась компания молодёжи. А у меня внутри было удивительно легко и спокойно. Кошмар последних дней казался далёким и нереальным.

Мы подошли к её дому. Обычная панельная пятиэтажка, «хрущевка», ничем не примечательная. Мы остановились у подъезда. Она достала ключи. В тишине их бряцанье показалось оглушительно громким. Она обернулась. Между нами было не больше полуметра. Я чувствовал запах её духов – что-то лёгкое и сладкое. В свете тусклого фонаря её глаза казались ещё более синими, чем днём.

– Спасибо за вечер и за торт. – тихо сказала она.

– Это тебе спасибо, что не послала меня сразу. И что выслушала весь этот бред про следователей.

Она хмыкнула:

– Бред был занимательный. Слушай, а может мне сделать репортаж про тебя и весь этот криминал?.

– Ой! – я замахал руками, – давай без репортажей обойдемся!

Мы замолчали. Я смотрел на неё и понимал, что момент прощания затягивается. И мне не хотелось уходить.

– Ну... я пойду? – она сделала полшага назад, к двери.

И тут я спохватился. Мы же так и не обменялись контактами! Это было бы верхом идиотизма – провести такой вечер и просто разойтись в разные стороны. Хоть она и рабо-

тала рядом с моим домом, но не бегать же к ней постоянно в салон связи!

– Слушай! – воскликнул я, доставая телефон, – давай обменяемся номерами? А то как-то глупо получается. Я даже не знаю, как тебя найти, если ты вдруг снова решишь исчезнуть.

Кристина рассмеялась:

– Это ты мастер исчезать. Ладно.

Мы достали телефоны. В свете экрана её лицо казалось ещё красивее. Я продиктовал свой номер, она забила его к себе. Потом она продиктовала свой. Я сохранил ее контакт и спросил:

– Созвонимся завтра? Или послезавтра? В общем... в ближайшее время?

– Созвонимся, – кивнула она.

Мы снова замолчали. Она стояла так близко, что я видел своё отражение в её зрачках. Я влюбился?! Ужас! Полный и безоговорочный ужас! Это было совершенно неуместно, несвоевременно и абсолютно не вовремя!

Кристина, видимо, почувствовала моё замешательство. Она быстро чмокнула меня в щёку, это было скорее дружеское прощание, чем романтический жест. Но для меня это было как удар током.

– Пока! – бросила она и, быстро открыв дверь магнитным ключом, юркнула в подъезд.

Я остался стоять на улице один. В ушах всё ещё стоял звук

её голоса и стук закрывшейся двери. Я посмотрел на экран своего телефона. Там светился её номер. Я усмехнулся сам себе и медленно пошёл прочь по тёмной улице. Влюбился?! Кошмар!

Я шагал домой, а в моей голове вдруг стал возникать хаос, видимо вызванный не столько вчерашним днем и прошедшей ночью, сколько сегодняшним визитом к следователю и свиданием с Кристиной. И из-за следователя, который сказал, что моя мама уехала отдыхать, назревал новый, совершенно абсурдный ураган. Мама уехала отдыхать в тропики?! Мама, которая всю жизнь проработала библиотекарем в Нижнеснежинске, в затрапезной библиотеке с запахом пыли и старых книг, оказалась на Мальдивах! Или на Бали? Да какая разница где!

Тропики и заграница звучали так же дико и неуместно в отношении моей мамы, как если бы я сказал, что моя кошка (которой у меня нет) научилась водить трамвай! На какие, простите, шиши эти тропики? На зарплату, которой едва хватало на оплату света и на чай с баранками по пятницам? Или же она смухлевала с лотерейными билетами?

Войдя в квартиру, я плюхнулся на кровать и решительно набрал в телефоне её номер, не смотря на то, что уже был одиннадцатый час вечера. Гудки были длинными и вязкими, будто сигналу приходилось пробиваться сквозь толщу океана. Наконец, в трубке щёлкнуло.

– Алло? – голос был подозрительно бодрым. Слишком

бодрым для человека, который должен в это время года заклеивать окна от первых холодов. На заднем фоне что-то шелестело. Не ветер в голых ветвях, а явно что-то тропическое. Пальмы?

– Мам, привет. Не отвлекаю? – начал я осторожно.

– Валера? Здравствуй, сынок! Нет-нет, я не занята. Просто сижу, отдыхаю немного. Как у тебя дела? Ты здоров? На работе все нормально?

Я пропустил мимо ушей ее вопросы и, подпустив в голос скепсиса, задал свой:

– Отдыхаешь? А где? На балконе с книжкой?

В трубке повисла короткая пауза. Я буквально слышал скрип её извилин.

– Да у нас же на балконе и присесть-то негде! Ты уже забыл, как наш балкон выглядит! Ты когда приедешь? У нас тут погода чудесная. Такая благодать! – восторженно ответила мама.

Благодать? В одиннадцатом часу вечера? Это слово она берегла для редких моментов душевного равновесия, обычно связанных с хорошей книжкой или премией. Теперь оно применялось к погоде в городе, в котором в сентябре уже заморозки по утрам...

– А я вот что-то слышу краем уха. – я решил идти ва-банк. – Будто ты где-то на пляже. На Бали вроде? Или на Мальдивах?

На том конце раздался звук, похожий на то, как если бы

кто-то уронил книгу. Тишина стала звенящей.

– Валера... – она сделала вид, что рассмеялась, но её голос стал тише и суше. – Кто тебе такое сказал? Глупости какие.

– Мам, – я вздохнул. – Я же не идиот. Я тебя знаю. И я слышу этот фон. Это не шелест страниц «Войны и мира». Это океан.

Снова пауза. Тяжёлый вздох.

– Ну... хорошо, – наконец сдалась она. Голос её стал тише, будто она прикрывала трубку рукой. – Я действительно... не дома.

– Так-так. – подбодрил я ее.

– Я на Мальдивах. – обреченно как-то созналась она.

Я чуть не выронил телефон.

– На Мальдивах? Серьёзно? Мам, ты библиотекарь! У тебя зарплата с гулькин нос! Ты же всегда говорила, что надо экономить! Что свет стоит включать только когда совсем темно! Когда я привожу тебе кучу продуктов, ты охаешь от ужаса, восклицая, что нельзя так тратить! И тут – Мальдивы! Мама, как?! Опять мухлеж с лотереями?!

– Никаких лотерей больше! Я... я копила! – выпалила она с неожиданной горячностью. – Понимаешь? Всю жизнь копила! По чуть-чуть... И вот... Мечта сбылась!

В её словах была фальшь, звенящая и натянутая, как струна. Она юлила. Явно что-то недоговаривала. Копила? С зарплаты библиотекаря? Чтобы накопить на Мальдивы с её окладом, нужно было откладывать лет сто и при этом питать-

ся святым духом.

– Мам... – я потёр переносицу. Голова начинала болеть по-новому. – Слушай... У меня тут тоже много чего произошло за последнее время.

– Что случилось? – тут же встрепелась она.

– Не по телефону это всё, мам. Серьёзные вещи.

– Валера! Что значит «не по телефону»? Ты меня пугаешь! Ты здоров?

– Здоров я, мам! Просто... потом расскажу. При встрече.

Я чувствовал, что она пытается меня заболтать, увести разговор от своей персоны к моей.

– Ты когда возвращаешься? – спросил я прямо.

В трубке что-то зашуршало.

– Ой, Валерочка... Что-то тут связь совсем плохая стала... Я тебя не слышу! Алло! Алло!

И тишина... Она явно отключилась. Я посмотрел на потухший экран и медленно опустил руку.

Мама на Мальдивах... И этот факт был прекрасен и подозрителен одновременно. Она врала про деньги и явно чего-то боялась или стыдилась настолько, что предпочла оборвать разговор на полуслове. При этом причиной столь резкого прекращения разговора послужил мой, казалось бы, невинный вопрос про ее возвращение.

Картина мира, которая едва-едва начала восстанавливаться в прежних рамках, снова затрещала по швам. Только-только закончились трупы и следователи, как вот вам ма-

ма-библиотекарь на тропическом острове!

Глава 11.

Утро началось с противного телефонного трезвона. Звонил Логинов и просил подъехать поскорее. Вызов к следователю не был для меня сюрпризом. Скорее утренней неприятностью. Но после вчерашнего свидания с Кристиной и непонятного разговора с мамой, который закончился подозрительно быстро и на фоне шума прибоя, я был готов ко всему.

Я вошёл в знакомый кабинет. Со вчерашнего дня здесь ничего не менялось – всё тот же скрипучий стул для посетителей, всё тот же стол, заваленный бумагами, и всё тот же Логинов, который смотрел на меня так, будто я был не пострадавшим, а экспонатом из музея криминалистики.

– Присаживайтесь, Валерий Игоревич, – он указал на стул. Голос у него был скрипучий, как и его мебель.

Я сел. Стул подо мной жалобно пискнул. Логинов молчал и я, выждав несколько секунд, произнес:

– Я вас слушаю. Надеюсь, это не займёт много времени? У меня вообще-то дела.

Дел у меня никаких не было, но кабинет следователя – не самое приятное местечко и не хотелось бы здесь задерживаться.

– Дела подождут, – отрезал Логинов, не отрывая от меня взгляда. Он взял ручку и демонстративно положил её перед собой, словно готовясь записывать каждое моё слово. – Вам

что ни будь говорит персонаж по кличке Матя?

– Это еще кто? Дружбан Луки? – вопросом на вопрос ответил я.

– Может и дружбан. А может и наоборот. Так знаете такого?

– Никогда не слышал. – честно сознался я. – Мотю знал – меня так в школе звали. Ну, фамилия-то созвучная. А про Матю впервые слышу.

– Понятно. Расскажите мне о вашей матери. – совершенно неожиданно сказал следователь.

Я моргнул, кашлянул и, подавшись вперед на скрипучем стуле, произнес:

– О маме? А она-то здесь при чём? Она в Нижнеснежинске живёт, библиотекарь. Какое она имеет отношение ко всем этим трупам, да вообще ко всем делам?

Логинов проигнорировал мое возмущение. С непроницаемым лицом он спросил:

– Кто она? Чем занимается? Где работает?

– Вы и так все знаете! – я начал раздражаться. – Работает в библиотеке и живет в Нижнеснежинске. Старший библиотекарь, кажется. Или просто библиотекарь, я в этих званиях не разбираюсь. Книги выдаёт.

– Давно там работает?

– Да всю жизнь, сколько себя помню. Сначала в детской была, потом во взрослую перевели.

– А другие родственники? – следователь не сводил с меня

глаз. – Бабушки, дедушки? Братья, сёстры?

– Бабушек-дедушек уже нет в живых. Я один у неё.

Логинов что-то черкнул в блокноте. Его ручка скрипела по бумаге так же противно, как стул подо мной.

– И вы с ней часто общаетесь?

– А то вы не знаете! Я вам каждый раз сообщал, как с ней общался! За последние две недели несколько раз общался. Вчера вот разговаривал. Хотел понять, как это она на Мальдивах оказалась. Толком не понял, вроде как накопила и полетела. А так звоню раз в месяц где-то, иногда чаще. А что случилось-то? Почему вы про неё спрашиваете? Она-то что натворила? Или... – меня осенила догадка, от которой по спине пробежал холодок. – Или вы думаете, что она как-то связана с этим делом? С наследством? С Забелиным, Лукой?

Логинов поднял на меня взгляд и, медленно отложив ручку, произнес:

– Валерий Игоревич, вопросы здесь задаю я. А ваша мама, как ни крути, все же элемент общей картины. И нам нужно составить полный социальный портрет всех участников событий.

Элемент картины? Социальный портрет? Он говорил со мной как с идиотом.

– Послушайте, – я подался вперёд. – Я понимаю, что вы тут самый умный и всё такое. Но я тоже не вчера родился. Вы спрашиваете про маму, но уходите от ответа на главный вопрос: почему? Какое отношение библиотекарь из Нижне-

снежинска имеет к трупам здесь?

Логинов откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы на животе и уставился на меня ледяным взглядом. Этим взглядом он мог запросто соорудить средних размеров айсберг.

Пауза затягивалась и я понял, что биться лбом об эту стену бесполезно. Он не скажет. Ладно, сменим тактику.

– Хорошо, – я вздохнул и откинулся на спинку стула (тот снова пискнул). – Раз уж мы тут так мило беседуем о родственниках... Может, вы тогда расскажете мне что-нибудь по делу? Например, что говорят эти ваши задержанные? Лена эта или ее папаша Лука? Его друган? Они хоть колются? А что на другом файле в той карте памяти? Я же только признание Волкова видел.

Логинов едва заметно усмехнулся уголком рта и процедил:

– А вы любопытны, Валерий Игоревич. Но, как я вам уже сказал, вопросы здесь задаю я.

Я всплеснул руками и воскликнул:

– Конечно, любопытен! Меня чуть не грохнули! Меня допрашивали! Я имею право знать!

Следователь снова взял ручку и начал постукивать ею по столу. Ритмичный, монотонный звук действовал на нервы. Спустя несколько секунд он вымолвил:

– Вы потерпевший. И есть процедура следствия. Информация о показаниях подозреваемых является тайной до окончания расследования.

– Да бросьте! – воскликнул я. – Про маму спрашиваете чёрт-те почему! Про дело молчите, как партизан! Я в полном неведении о происходящем! Что мне думать? Что мне делать?

Логинов посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

– Думать вам следует о себе. А делать... вы вчера мне замечательно ответили на этот вопрос. Просто живите своей жизнью и не исчезайте с нашего поля зрения. Можете идти. Протокол я не вел, у нас была просто беседа, так что подписывать ничего не надо.

Он снова взял ручку и демонстративно уставился в бумаги на столе. Разговор был окончен.

Я встал со стула (тот издал прощальный стон) и направился к двери. У самого выхода я обернулся:

– И всё-таки... С мамой-то что?

Логинов ответил, не подняв головы от бумаг:

– Мы с вами свяжемся, Валерий Игоревич.

Я вышел в коридор и тихо прикрыл за собой дверь. В голове была каша из вопросов без ответов. Мама на Мальдивах. Следовательно ей интересуется Полная неизвестность о том, что происходит на самом деле. Похоже, моя жизнь действительно превратилась в сценарий дешёвого сериала про ментов.

Я сделал пару шагов по коридору, не зная, куда идти дальше. Домой? Туда идти не хотелось – тишина пустой квартиры давила бы на психику, заставляя снова и снова прокручи-

вать в голове этот странный разговор. Еще, не приведи господи, снова нырну в бутылку...

Я остановился в холле у окна, выходявшего во внутренний дворик, достал телефон, чтобы просто убить время, как вдруг из-за приоткрытой двери соседнего кабинета донеслись голоса. Говорили двое, и я узнал их – опера Глазьев и тот лысый, в джинсовке.

Я замер, превратившись в слух.

– ...Да хрен его знает, что там за мамаша! – это был голос Глазьева. – Логинову неймётся, будет копать хоть до центра Земли! Лучше бы Луку со всей компанией колол!

– А что Иванов? Есть новости из Нижнеснежинска? – спросил голос лысого.

– Иванов там роет носом землю. Эта библиотекарьша не так уж и проста!

У меня внутри всё похолодело. Они говорят о моей маме?

– В смысле?

– В прямом. Соседи говорят, что уехала на Бали. Или на Мальдивы. В общем, греть кости на старости лет. Типа, путёвку купила горящую. Представляешь? Библиотекарша! Ты вот можешь так вот запросто, пусть и по горящему туру, рвануть на Мальдивы?

В ответ раздался тяжкий вздох и лысый ответил с горечью в голосе:

– Увы и ах... разве что только рейсовым автобусом до... хмм... до ближайшего пригорода.

– Вот-вот! А тут – раз и на Мальдивы! Проверили билеты. Из Нижнеснежинска она выехала поездом до Москвы. Это факт.

– А дальше? Билет из Москвы до Мальдив находили?

– Пока нет. Но это ни о чём не говорит. Может, она летела из другого города, не из Москвы. Мы ещё не знаем, пересекала ли она границу вообще. Запрос отправили, да только ответа до сих пор нет.

– И что теперь?

– Теперь Иванов шерстит турагентства в этом их Нижнеснежинске. Их там всего два. Пытается понять – она вообще покупала тур? Или это всё лажа для соседей и для сынка? Хотя есть вариант, что тур она могла купить и удалённо, через какого-нибудь агента в другом городе. В общем, мутная история. Там он еще какого-то Матю раскопал, который, типа, в девяностые Нижнеснежинск кошмарил. Толи на пару с Лукой, толи без него.

– В те времена таких лихих ребят было по пучку на район в каждом городе. – сказал лысый.

Голоса на миг усилились, видимо их хозяева вышли из кабинета, щелкнул дверной замок. Голоса стали удаляться по коридору, пока не затихли совсем.

Я стоял у окна, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев. Мир рушился в очередной раз.

Какого чёрта происходит? Какое отношение моя мама, скромный библиотекарь из Нижнеснежинска, имеет ко всей

этой криминальной истории? Почему Логинов спрашивал про родственников? И почему опер Иванов ищет следы её тура? Ее разыскивают, словно какого-то шпиона! Тоже мне, нашли Джеймса Бонда!

В голове всплыли слова следователя: «...ваша мама, как ни крути, все же элемент общей картины». Так это была не просто фраза? А что это было? Констатация факта? Логинов считает, что моя мама не просто библиотечкарь, а ключ к чему-то очень важному? Но если так, то я понятия не имею, к чему именно!

По дороге домой от следователя у меня в кармане запиликал телефон. Я достал его, глянул на экран – сообщение с незнакомого номера, который даже не определяется. Чуть помедлив, подумав про очередные проделки мошенников, все же открыл – и сразу узнал мамин стиль, только вот номер был совсем не её.

«Валера, это я, мама. Купила тут разовую симку на Мальдивах, чтобы за роуминг не переплачивать. Прилетаю послезавтра, заеду к тебе по пути в Нижнеснежинск. Привезу мальдивских сувениров. Давно же не виделись! Из Москвы позвоню, скажу как и когда приеду. Целую!»

Я усмехнулся и убрал телефон обратно. Ну, надо же – разовая симка, мальдивские сувениры... С одной стороны – мама в своём репертуаре. С другой стороны – такая прыть была ей не свойственная, по крайней мере последние годы. Было приятно, что она решила заехать, всё-таки не виделись уже

давно. И сразу мелькнула мысль – вот и повод выяснить, откуда у неё вдруг взялись деньги на такие поездки.

Подходя к своему подъезду, я продолжал обдумывать ситуацию. Следователь и оперативники пусть сами разбираются со своими версиями и проверками. Сообщать им про эту эсэмэску я не собирался – не хватало ещё, чтобы маму дергали по пустякам. Да и мне самому было интересно, что она расскажет при встрече. Пусть всё идёт своим чередом.

Я ускорил шаг, чувствуя, как внутри просыпается что-то вроде азарта. Скоро всё станет ясно – по крайней мере, с мамой и её внезапным путешествием.

Дома я попытался разложить всё по полочкам, словно собрать пазл, который кто-то специально перемешал и потерял пару деталей. Итак, что мы имеем?

В моём родном Нижнеснежинске, лет эдак тридцать назад, трое друзей – Писюнцов, Волков и мой отец, Мотин – решили, что коммерция это их призвание. Их «крышевали» Лука и Зяба, они же Лукин и Забелин. Всё шло по накатанной, пока Лука не решил, что пора бы уже легализоваться. Правда, методы он выбрал совсем не легальные, что бы прибрать весь бизнес Нижнеснежинска к рукам.

Писюнцов и мой батя не согласились с таким раскладом, а вот Волков согласился помочь Луке. И, к сожалению, мой отец и Писюнцов отправились в мир иной. У Писюнцова осталась дочка, у моего отца – я, Валера Мотин. Весь бизнес чудесным образом оказался у Волкова, который он тут

же продал Луке за какую-то чисто символическую сумму и быстренько свалил из Нижнеснежинска.

За тридцать лет Волков нехило поднялся. Но когда понял, что ни деньги, ни лучшие врачи не гарантируют ему долгую жизнь и крепкое здоровье, решил покаяться. Мол, совесть замучила, надо бы вернуть деньги наследникам Писюнцова и Мотина. То есть Екатерине Добронравовой, ныне Норкиной и мне. А чтобы его покаяние выглядело поубедительнее, он решил сдать и Луку, предъявив запись убийства Писюнцова собственноручно Лукиным. Как эта запись оказалась у Волкова – не ясно, хотя может менты уже и выяснили.

Дальше – больше. Лука, который жив и, судя по всему, неплохо себя чувствует, каким-то образом узнаёт про запись и начинает за ней охоту. Выходит на сына покойного Зябы – юриста Семенова, который по иронии судьбы занимался оцифровкой этой записи и наследственными делами Волкова. Семенов, понимая, что ему может настать кирдык, отдаёт запись Норкиной. А та, чтобы запись не досталась Луке, подкидывает её мне. При этом мне ещё и «подводят» дочь Луки и хакера Сергея, которого, видимо, используют «втёмную».

Но это никого не спасает. Семенова и Норкину убивают, предварительно, вероятно, выведав у них всё про меня. У меня обыск, несчастного Борю тоже убивают. Но у меня ничего не находят, поэтому решают просто за мной следить. Наверное, таким образом хотели, что бы я вывел их на запись. Но и менты, как выяснилось, не дремали. Они тоже

следили за мной, поняли про преступников и ждали, пока они предпримут активные действия, что бы прихлопнуть тех с поличным.

Ну дальше всё понятно... Осталось только разобраться, как во всей этой криминальной Санта-Барбаре оказалась замешана моя мама. Почему она вдруг так заинтересовала ментов? И с чего это она так срочно и ничего мне не сказав, умчалась на Мальдивы? Это же для неё событие века! Как она мне не похвасталась-то?!

Я наслаждался вечерним чаем, когда телефон заорал так, будто у него случился личный экзистенциальный кризис. Противный, резкий, совершенно неожиданный звук заставил меня вздрогнуть и чуть не выронить чашку с горячим чаем. Я уставился на экран, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, нервный узел. Звонила Кристина. Вот это сюрприз! Я не думал, что она позвонит первая, да еще прямо на следующий день после нашего совместного времяпрепровождения, пусть и весьма невинного.

Сердце, этот вечный предатель, тут же подпрыгнуло к горлу, а потом ухнуло куда-то в пятки. Я был рад её слышать до глупого, почти неприличного восторга, но одновременно с этим внутри зашевелилось глухое, тревожное подозрение. Слишком уж много всего навалилось в последнее время, чтобы ждать от жизни приятных сюрпризов.

– Привет! – я постарался, чтобы голос звучал легко беззаботно и весело. – Как ты? Как вообще дела?

– Привет, Валер... У меня всё нормально, что могло со вчера случится... Тут такое дело... – она замялась, и я сразу понял, что сейчас последует что-то из разряда «лучше присядь».

Я выждал пару секунд, давая ей возможность собраться с мыслями. В трубке повисла тишина, только где-то на заднем плане слышался приглушённый шум улицы.

– Что-то случилось? – наконец спросил я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

– Сейчас к нам в салон заходил парень, покупал флешку. И вдруг начал расспрашивать про тебя. Показал твою фотографию на телефоне, сказал, типа, друга ищет. Мол, не покупал ли ты у нас что-нибудь.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Незнакомцы с моими фотками это всегда плохой знак. Я вновь почувствовал себя персонажем дешёвого детектива.

– Он с нашим Димой беседовал, я просто рядом оказалась. Так вот Дима ему рассказал, что ты покупал кард-ридер и разъёмы. Но про нашу встречу он умолчал почему-то, так что не волнуйся.

«Не волнуйся», – мысленно передразнил я. Легко ей говорить! У меня уже в голове целый триллер разворачивается.

– А описать его можешь? Как он выглядел? – спросил я, стараясь не выдать волнения.

– Да ничего особенного... Борода такая... клокастая, неухоженная. Не как «лопата» у попа или лесоруба, а будто

он её неделю не расчёсывал. И запах от него... ну, специфически. Как от моего дядьки, маминого двоюродного брата. У него диабет, и от него периодически так... знаешь... как будто мочой.

Я чуть не поперхнулся. Клокастая борода и запах мочи – сочетание, конечно, экзотическое. В голове тут же щёлкнуло, ассоциация с колоритной бородатой внешностью и диабетом была только одна – Сергей. Интересно... Судьба как будто специально подсовывает мне подсказки, но делает это с изощрённым чувством юмора. Я пробормотал в трубку:

– Ясно... Спасибо, что сказала...

И тут у меня возникла идея и я почти прокричал:

– Кристинка! А у вас камеры в салоне есть?

– Ага! Есть, конечно! – ответила Кристина и в её голосе прозвучали оттенки радости.

– Слушай, мне тут надо... дела кое-какие разгрести. Не смогу сейчас прибежать. А ты можешь скопировать с камеры изображение этого бородача и скинуть мне на телефон? Надеюсь, ничего серьёзного, кажется, я даже его знаю. Но, все же лучше убедиться. Сделаешь?

– Я поняла. Сейчас сделаю. Но ты можешь и сам прийти, посмотреть. – в её голосе прозвучал нерешительный оттенок с отголоском надежды.

– Э-э... Не получится. Дела. Я сейчас не близко, вернусь поздно вечером. Давай, лучше, скинь на телефон.

– Хорошо, сейчас скину. – ответила Кристина. – Ну ты-

то там осторожнее, а то вдруг твой рассказ с криминальным сюжетом получит продолжение.

– Да не приведи-свят-свят-свят! – с притворным весельем воскликнул я и отключился.

Мне, действительно не хотелось никуда идти. И в салон связи, в том числе. Во-первых, я решил, что с Кристиной я, конечно же, еще увижусь, но через несколько дней. Так сказать понаблюдаю за своими эмоциями. Может быть первое впечатление и очарование ею было обманчивым? И я не так уж ею и увлекусь?

Ну а во-вторых, я тупо снова начал бояться! А вдруг Сергей является преступником, а не случайным участником бандитской аферы? Да и мало ли у Луки еще приспешников, которые меня могут огреть кувалдой по макушке и отправить к праотцам! Лучше уж посижу-ка пока что дома, за закрытыми дверьми спокойнее.

Я уставился в стену. В голове крутились обрывки мыслей... Сергей, клокастая борода, диабет, мама, Кристина... Всё смешалось в какой-то абсурдный коктейль. И почему моя жизнь всё больше напоминает сценарий дешёвого сериала?

Блямкнул телефон – пришло сообщение от Кристины. Несколько изображений. Было видно, что снимки сделаны прямо с экрана компьютера, это были изображения с камеры видеонаблюдения.

На фотографиях был бородатый мужчина. Его лицо, пусть

и слегка размытое, не оставляло сомнений – Сергей. Я узнал сразу, словно ожидал увидеть именно его – знакомая борода, характерный поворот головы. В груди смешались тревога и странное облегчение – нафига Сергей пытался про меня что-то выведать в салоне связи, но с другой стороны хорошо хоть знакомый чел, а не неизвестный персонаж. Но ведь это же не просто случайность! Ну и что теперь делать с этой информацией?

В этот момент в дверь позвонили. Весь в думах о Сергее и его появлении в салоне связи с вопросами обо мне, я подошел к двери и, не посмотрев в глазок, распахнул ее. И обмер!

Глава 12.

Стоя в прихожей, я чувствовал, как у меня медленно, но верно едет крыша. Нет, не просто едет. Она с грохотом срывалась с креплений, катилась по лестнице и разбивалась вдребезги где-то на первом этаже.

В дверях стояла... мама. Моя мама. Которая, по её же словам, должна была прилететь с Мальдив послезавтра. Которая должна была позвонить из Москвы. Которая вообще должна была быть за тысячи километров отсюда, в окружении кокосов и загорелых спасателей.

Но не это меня так ошарашило. А то, что рядом с ней, как ни в чём не бывало, стоял Сергей. Тот самый Сергей. С клокастой бородой и тем самым «ароматом», о котором мне рассказывала Кристина. Запаха я не чувствовал, но это

точно был Сергей.

Мозг отказывался работать. Он просто завис, как старый компьютер, на котором одновременно открыли сто терабайт. В голове творился абсолютный, всепоглощающий хаос.

«Как?..» – это было первое, что я смог сформулировать в голове. Не «здравствуй», не «какими судьбами», а тупое, растерянное «Как?».

«Почему она здесь? Почему сейчас? Почему с ним? – вопросы сыпались один за другим, как горох из дырявого мешка. – Откуда она его знает? Он что, её... кто? Кавалер? Защитник? Конвоир?»

Я переводил взгляд с её сосредоточенного лица на его наглую, самодовольную физиономию и обратно. В горле пересохло. Язык прилип к нёбу. Я был абсолютно, тотально растерян. Я не мог понять ровным счётом ничего.

Это что, какой-то дурацкий розыгрыш? Или я всё-таки сошёл с ума и мне это мерещится? Может, я уснул на кровати и это просто кошмарный сон?

Мысли метались в голове бешеными белками. Я чувствовал себя так, будто меня оглушили пыльным мешком. Стоял столбом и просто смотрел на них, а в голове крутился бесконечный хоровод из вопросов без ответов.

«Что происходит?!» – этот немой крик застрял где-то внутри, потому что вслух я смог выдать только какое-то жалкое:

– Мам?.. А ты... вы... это... что здесь делаете?

Мой собственный голос показался мне чужим. Слабым, дрожащим и совершенно беспомощным.

И тут реальность окончательно превратилась в театр абсурда. На пороге, словно чёртик из табакерки, а точнее – целая армия чертей, возникли знакомые оперативники. И не знакомые тоже. Они хлынули в прихожую бурным, неудержимым потоком, оттесняя меня, как пустую картонную коробку, вглубь комнаты.

Я сразу узнал знакомые лица: Иванов, Глазьев и тот самый лысый, который всегда смотрел на меня так, будто я – его несбывшаяся мечта о повышении. Двух остальных я видел впервые – какие-то угрюмые шкафы в штатском, от которых за версту несло казённой скукой и дешёвым одеколоном.

Следователь Логинов вошёл последним, с видом человека, который только что выиграл в лотерею и теперь пришёл забирать приз. Всё произошло за считанные секунды, но в моей голове растянулось на вечность.

Сергей, который секунду назад стоял с наглой ухмылкой, вдруг побелел как полотно. Его глаза округлились до размеров чайных блюдец. Он открыл рот, чтобы что-то сказать – наверное, выругаться или возмутиться, – но вместо этого из его глотки вырвался нечеловеческий, пронзительный визг. Это был звук полного, панического ужаса. Так визжит пойманный заяц.

– А-а-а! Не трогайте! Вы кто?! – его голос сорвался на фальцет.

Оперативники не стали вступать в дискуссии. Двое из них – те самые незнакомые «шкафы» – молча и профессионально скрутили Сергея, заломив ему руки за спину так, что он согнулся пополам и заткнулся на полуслове. Щёлкнули наручники. Звук был сухим и окончательным, как точка в конце приговора.

Его, уже не сопротивляющегося, а лишь скулящего что-то невнятное, быстро и грубо протащили мимо меня в комнату, где бесцеремонно усадили на пол и прислонили спиной к моей кровати, словно сломанную куклу.

Всё это время мама стояла в полном оцепенении. Её лицо, ещё секунду назад выражавшее лишь лёгкое смущение, превратилось в маску абсолютного, вселенского изумления. Глаза стали огромными, рот приоткрылся буквой «О». Она стала похожа на ребёнка, который случайно зашёл на съёмки фильма про войну и не понимает, почему все кричат и бегают с оружием.

– Что вы... Что вы себе позволяете?! – её голос дрожал и срывался.

Но её никто не слушал. Лысый оперативник и Глазьев просто подошли к ней, бесцеремонно схватили за локти и, не говоря ни слова, проволокли на кухню. Дверь за ними захлопнулась, отрезая её испуганный голос.

Я остался стоять посреди тесного коридора, прижатый к стене напором событий. Я смотрел на всё это безумие и чувствовал, как остатки моего разума растворяются в этом хаосе.

се окончательно и бесповоротно.

– Валерий Игоревич! – голос Логинова донесся до меня, словно из глубокого космоса, – пойдёмте.

Он открыл дверь на кухню, мотнул головой Глазьеву, тот вышел, а лысый остался. Я протиснулся следом за следователем.

Мама сидела за столом, опустив голову. Логинов повернул ко мне усталое лицо и сказал:

– Поговорите с матерью, Валерий Игоревич. Ей есть, что вам рассказать. – и повернувшись к маме, повысив голос, произнес: – Да, Матя?

Мама вздрогнула, подняла голову и посмотрела мимо следователя на меня. А у

меня подкосились ноги и я рухнул на табуретку.

– Но... но... э... это какая-то... кака... какая-то ошибка! – заикаясь просипел я.

Логинов хмыкнул и вышел, прикрыв за собой дверь. Лысый опер продолжал стоять у стены, сбоку от двери.

– Ма... мама! Что происходит?! – прошипел я прямо в лицо своей матери.

Она отстранилась от меня и вымолвила:

– Да не плюйся ты... Сынок, выслушай и постарайся понять. Действительно, лучше уж расскажу я, чем тебе все переврут...

И она начала свой рассказ. То, что я услышал, было столь невероятно, как если бы рассказ о том, как новорожденный

младенец в одиночку пересек Па-да-Кале на велосипеде!

Мама в те далекие и беспокойные времена девяностых работала в детской библиотеке. Книжки, сказки, тихие голоса... Но это была лишь маска. Я, дурак, чуть повзрослев, думал, что она просто очень умная и бережливая, поэтому мы не нищенствуем, когда у всех вокруг кризис. А она... она уже тогда была Матей.

Кличку эту она получила не за грубую силу или жестокость. Всё было проще и изящнее. В детской библиотеке у неё появилась привычка – когда говорила о книжных должниках, она всегда повторяла одну и ту же фразу: «Я с его матери цапну». Звучало это как «Я с его мати-цапну». В смысле – вычту, взыщу, своё заберу. Слово «мати» в её устах звучало не как «мать», а как «заберу своё по праву». Так и прилипло – Матя. Сначала с иронией, потом – с уважением.

Мама всегда была мозгом коммерческих процессов. Вот где ей пригодились финансовое образование. Отец, Писюнцов и Волков были хорошими ребятами, но в предпринимательстве понимали как свиньи в апельсинах. Они бы всё профукали. Мама вела их дела с самого начала. Все их первые места на рынке, ларьки, все схемы – всё она придумала и просчитала в своей библиотечной тишине.

Чем больше рос их бизнес, тем сильнее на них давили. У «крыши» тоже росли аппетиты. Вскоре она поняла, что и «крыша» действует не эффективно, ну, с экономической точки зрения. И такие действия «крыши» отрицательно от-

ражались и на коммерции моего отца с партнерами.

И тогда она пришла к Луке и сказала: «Либо ты полулегально входишь в долю, либо все твои дела заберёт кто-то другой, а вас всех передавят, поскольку вскоре это станет очень лакомым кусочком». И выложила Луке все расчеты. Лука понял – она пришла не как просительница, а как равная, увидев в ней не просто чью-то жену, а серьезного игрока. И согласился со всеми ее доводами.

Вскоре она стала вести финансовые дела всей группировки Луки. Не потому что Лука приказал, а потому что так было безопаснее для всех. Она была идеальным прикрытием – тихий библиотекарь! Кто заподозрит? А за этой маской скрывался человек, который держал в руках все финансовые потоки их маленькой империи.

Отец, Волков, Писюнцов об этом ничего не знали. Для них она была просто женой одного из них и финансовым консультантом.

Но вскоре Лука зарвался. Произошли события, которые мама не смогла предотвратить. Волков вступил в сговор с Лукой, дальше все известно. Но мама не билась в истерику, она продолжала «держаться за кассу». А когда Лука сел, а Зябу убили, она не стала ждать. Она решительно объединила дела Луки и дела его конкурентов, по сути дела, не просто сохранив состояние группировки Луки, но и приумножив деньги, а так же предотвратив кровавую войну. Она взяла то, что уже и так было её по праву сильного ума и стальных нервов.

Переводить активы, прятать концы, создавать цепочки офшоров, фирмы-однодневки, «отмывать» деньги и легализовывать бизнес-процессы – вот ее основная деятельность. Она могла это делать и сама, но скромный библиотekarь лишь руководил, говоря что, как и кому следует делать.

От услышанного у меня кружилась голова. Я не мог поверить, что это все совершала моя мама.

– Так как же деньги оказались у Волкова? – я задал вопрос, который мучил меня с самого начала. – Если всё контролировала ты, если «общак» был у тебя... Почему он вдруг решил «покаяться» и отдать нам наследство? Откуда у него вообще взялись такие деньжищи? Ведь он нам с Екатериной пол-ярда отдает!

Мама устало откинулась на спинку стула. На её губах появилась едва заметная, холодная улыбка. В ней не было ни капли тепла, только гордость за хорошо проделанную работу.

– Валера, это была многоэтажная многоходовка в финансовом лабиринте. Весьма длительная и, кстати, сама по себе не дешевая. Ты же знаешь, что деньги имеют свойство «пачкаться». Особенно такие деньги. Лука был «пацанской» закалки девяностых. Он бы никогда не позволил просто так вывести их и отдать вам с Катей. Он бы посчитали это «крысятничеством». И поэтому его нужно было обхитрить.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями.

– Я начала переводить средства. По чуть-чуть. Через цепочку офшоров, через подставные фирмы-однодневки в раз-

ных юрисдикциях. Это заняло многие годы. Я создавала видимость, что деньги уходят на взятки, на легализацию новых точек, на «решение вопросов». А на самом деле. я аккумуляровала их на счетах человека, который давно исчез из города и которого все считали отрезанным ломтём.

– Волков. – выдохнул я, начиная понимать.

– Именно. У него были заграничные счета и бизнес не только у нас в стране, но и за рубежом. Ну, была еще тема с лотерейными билетами у нас в библиотеке. Но, это так, что называется, на мороженное. А Волков в итоге стал конечным бенефициаром огромной суммы. Для Луки и его людей эти деньги просто исчезли из оборота, растворились в бизнес-рисках, в неудачных инвестиционных программах, были съедены инфляцией... Если делать это постепенно, то никто ничего не замечает. А для закона это стало личным состоянием Волкова, заработанным за границей.

– И потому он мог отписать это как наследство... – пробормотал я, всё ещё не веря в изящество этой схемы.

Мама кивнула.

– Да. Это был прекрасный план. Волков, находясь при смерти, оформляет завещание на тебя и Катю. С точки зрения налоговой, с точки зрения любого проверяющего – это не «преступные доходы», а законное наследство.

– А его покаяние? Сдача Луки? Это тоже часть твоего плана?

Мама посмотрела мне прямо в глаза.

– Это был своеобразный джокер. Я и он понимали, что Лука может заподозрить что-то, узнав о таких громадных деньгах партнера из далекого прошлого. И запись с его покаянием была как бы финальным штрихом, который делал всю историю с наследством неоспоримой. При этом он не просто отдавал деньги, он публично топил Луку, подтверждая свои слова.

Я сидел, оглушённый этой простотой и цинизмом.

– То есть... Волков не раскаивался? А просто выполнял роль в твоём сценарии?

Мама горько усмехнулась.

– Может и раскаивался. Но в нашем мире раскаиваются только в церкви и то не все. А здесь просто ведут дела. Я вернула то, что принадлежало тебе по праву. И сделала это так, чтобы ни одна сволочь не могла к этому придраться.

– А как Лука вообще узнал про эти видеозаписи? – я задал вопрос, который, связывал некоторые оборванные нити.

– Откуда у него информация, что они вообще существуют, не говоря уже о том, где они?

Мама вздохнула, собираясь с мыслями.

– Видишь ли, в финале всей этой операции с наследством, нужен был человек в юридической плоскости. Внешне чистый, незапятнанный, но с нехорошим прошлым, что бы было чем его прижать. В идеале, что бы еще был умный и жадный. Я нашла Семенова. Он был сыном Зябы, но это скрывал. Был просто юристом, эдакий «белый воротничок». Не

имел отношения к делам отца. Был не глуп и мечтал о большом заработке. Идеальная кандидатура.

Я кивнул. Семенов и правда производил впечатление человека, который случайно оказался не в той лодке.

– Я его свела с Волковым. У того был архив еще с Нижне-снежинска. Да и с последующей жизни. Старые бумаги, записи... Так вот Семенов, в том числе, занимался оцифровкой этого архива. Кстати, вместе с Сергеем. Это была нудная, кропотливая работа. И в одном из старых, пыльных конвертов Семенов нашел видекассету и сопроводительную записку.

– Записку? – переспросил я.

– Да. Письмо от Волкова самому себе. Или, скорее, письмо-завещание. В нем он описывал и смерть твоего отца, и убийство Писюнцова, и роль Луки в этом всем. И он прямо писал: «Если со мной что-то случится, эта запись станет моим голосом из могилы». Видео Семенов не смог просмотреть – просто не на чем было. Но понял ценность и опасность этой улики мгновенно. Но вместо того, чтобы прийти ко мне, решил сыграть в свою игру.

Мама горько усмехнулась.

– Он отыскал Луку и предложил ему сделку – запись в обмен на защиту и деньги. Кроме этого взболтнул ему про наследство от Волкова тебе и Кате. Разболтал и про мою роль. Ну, что знал. По счастью, знал он не много. Но из-за этого мне пришлось срочно исчезнуть.

– Мальдивы? – вставил я вопрос.

Мама кивнула и продолжила:

– Да. Мальдивы и не только. Когда ты две недели назад гудел в клубе с дочкой Луки, Сергеем и Катей, ну еще с... этим... как его... Борисом, меня уже не было в стране. Сначала Мальдивы, потом Индия, потом Кипр. И, наконец, Китай. Ну еще некоторые страны. – хитро прищурилась мама и продолжила, чуть помолчав:

– Лука на тот момент был, хоть и легальным коммерсантом, но криминальными схемами не брезговал. Причем, в большей степени именно криминалом и жил. Короче, оставался бандитом, как и был в девяностые.

– Но Лука же не знал, где сама запись! – возразил я.

– Конечно, нет. Семенов не учел, что Лука матерый хищник. Он понял, что если запись существует, то она где-то у потенциальных наследников или у тех, кто ведет их дела. Он прижал Семенова, вышел на Катю и на тебя. Семенов тут же стал отработанным материалом.

– А была ли вообще эта запись? – я задал вопрос, который, казалось, висел в воздухе с самого начала. – Я видел только признание Волкова, а не убийство Писюнцова.

В кухне повисла тяжёлая, звенящая тишина. Даже лысый оперативник у двери, казалось, затаил дыхание.

Мама долго смотрела на меня, и в её глазах я увидел не просто усталость, а какую-то древнюю, вселенскую мудрость. Она улыбнулась — не губами, а одними уголками глаз.

– Нет, Валера. Записи с убийством не было.

Я почувствовал, как пол уходит из-под ног.

– Как... не было? – я перевёл взгляд на опера. – А как же... всё это? Убийства? Обыск? Охота за записью? Зачем?!

Мама кивнула.

– Запись это был блеф. Но ты прав, спрашивая «зачем». Блеф – это не ложь, а инструмент.

Она подалась вперёд, понизив голос почти до шёпота.

– Волков был трусом. Когда он понял, что умирает, он не хотел мести. Он хотел покоя. Он хотел купить себе место в раю, отдав деньги наследникам. Но он боялся Луки до дрожи в коленках. Лука бы его и на смертном одре достал.

– И тогда ты придумала запись... – начал понимать я.

– Именно. Старая видеозапись Волкова, на которой ничего нельзя разобрать, а так же его записка натолкнула меня на мысль – создать призрак, некое пугало для Луки. Сергей сварганил цифровую подделку. Семенов решил, что это настоящая запись, когда Волков ее ему отдал. Представляешь? Видеозапись собственного преступления Луки! Что может быть страшнее для убийцы? Его же собственное лицо на экране в суде. Это должно было отвлечь Луку от Волкова и подтолкнуть того к поискам этого видео, а не наследства. Ну, собственно, так и произошло.

– Но зачем такие сложности?

Мама горько усмехнулась.

– Потому что блеф работает только тогда, когда в него ве-

рят все. Семенов поверил. И убедил в этом Луку.

Я сидел, оглушённый коварством всей схемы.

А мама продолжала:

– Лука поверил в запись так сильно, что начал настоящую бойню. Он был уверен, что она существует. В общем, в результате, Лука и его подельник отправятся на весьма длительные сроки за убийства. И вряд ли выйдут на волю – оба уже не молоды. Так что за своего мужа я отомстила. А мой сын получит весьма неплохое состояние. Жаль только Семенова, Катю Добронравову и э...э... Бориса.

– Слушай, но ты мне в разговорах подкидывала информацию. Ты же понимала, что я ее передам ментам? – спросил я.

Мама кивнула и ответила:

– Потому надо было вывести ментов на Луку, пока он тебя не убил. Кроме этого я прекрасно понимала, что следователь свяжет наследство с Нижнеснежинском, ведь Волков-то от туда. Поэтому надо было еще отвести от себя подозрения. Но и прикинутся «овечкой», мол, из тех далеких лет мало что помню, но совсем ничего не помнить я не могла, это было бы совсем не правдоподобно. – она тяжело вздохнула и продолжила:

– Было ясно, что все равно на меня выйдут и старалась оттянуть этот момент. Поэтому пвыталась, что бы выглядело все достоверно во всех этих событиях.

– А почему приехала сейчас? Ты же написала, что только послезавтра в Москву прилетишь.

– Твой телефон могли слушать и читать. Я уже была здесь, когда это писала. А симка, кстати, действительно была мальдивская. Сергей еще ходил в салон связи, он решил, что вдруг Катя передала тебе еще какую-то запись и ты там мог купить планшет или что-то для просмотра. Вообще, зря он это сделал, но это была его инициатива, со мной он даже не посоветовался. А я посчитала, что опасности нет, что пока еще на меня не вышли. Да и с тобой захотела повидаться. И, знаешь, захотела тебе приоткрыться, поэтому и заявила с Сергеем.

Мама замолчала. Лысый опер хмыкнул и вымолвил:

– Красивая комбинация. Но, думаю, от срока она вас не спасёт. Да и сын ваш деньги вряд ли получит, вы ведь только что признались, что они получены преступным путем.

Мама усмехнулась и ответила:

– Тут просто разговор, без протокола. А следовательно под протокол я ничего не скажу. Мой сын имеет полное законное право не свидетельствовать против меня. А вы, молодой человек, не надежный свидетель, тут просто ваше слово против моего, а это ничего не доказывает. Даже если вы записывали наш разговор, в суде он не будет иметь силы, потому что вы делали это скрытно.

У оперативника отвисла челюсть толи от наглости, толи от собственной беспомощности. А я глазел на маму. Женщина, которая читала мне сказки про Илью Муромца и Красную шапочку, только что призналась в том, что тридцать с лиш-

ним лет вела двойную жизнь, лавировала между преступниками, законом и семьей, а потом развязала целую войну, основанную на лжи, в которой, можно сказать, победила. И это скромный библиотекарь из затхлого городишки?! А еще мне стало страшно – я понял, что она не раскаивается ни на секунду и собой гордится.

Глава 13.

Я пил. Нет, не так. Я бухал. Со страшной, невероятной силой. Это было уже не пьянство, а какая-то чёрная, вязкая топь, в которую я проваливался с головой, надеясь больше никогда не вынырнуть.

Я включался и выключался как сломанный телевизор. Вот я сижу на кухне, передо мной батарея пустых бутылок и мутный стакан. В следующую секунду – я уже лежу на полу в коридоре, не понимая, как там оказался. Мозг отказывался отключаться полностью. Он продолжал работать, подкидывая мне самые мерзкие картинки – мамыны холодные глаза, ухмылку лысого опера, лицо Логинова...

Звонил телефон. Я с трудом находил аппарат у кровати на полу, видел, что это следак.

– Надо поговорить! – доносилось из динамика.

– Да пошёл ты на ***, Логинов! – хрипел я в трубку и сбрасывал вызов.

Кто-то ломился в дверь. Я не открывал. Просто лежал и слушал, как стук кулаков или каблуков постепенно затихает.

Мне было плевать. Пусть ломают. Пусть забирают. Мне ничего не нужно.

Один раз я «включился» от того, что кто-то храпел рядом. Я с трудом разлепил веки. В моей кровати лежала какая-то страшная, опухшая тётка с размазанной косметикой. Она была здесь? Как? Зачем? Я не помнил абсолютно ничего.

– Ты кто? – просипел я.

Она что-то промычала и отвернулась к стене.

– Пошла вон отсюда! – заорал я, с трудом поднимаясь на ноги.

Я вытолкал её в подъезд, швырнув вслед какую-то тряпку, которая оказалась её платьем, и захлопнул дверь, привалившись к ней спиной. Сердце колотилось где-то в темени.

В другой раз я проснулся от запаха перегара, который не был моим. В комнате, прямо на полу у стены, сидели два каких-то бомжеватого вида типа и допивали моё пиво.

– Э, мужики... вы кто? – спросил я, не особо надеясь на ответ.

Они уставились на меня мутными глазами.

– Слышь, братан, ты чё такой нервный? – спросил один из них.

Я не стал спорить. Просто взял швабру и стал тыкать их древком, выгоняя из квартиры, как паршивых котов. Они матерились, но ушли.

День сливался с ночью. Я задёрнул шторы, чтобы не ви-

деть света. Время остановилось. Я уже не помнил, сколько так бухал – три дня? Пять? Неделю? Всё слилось в один бесконечный похмельный кошмар.

Но мозг... чёртов мозг всё никак не отключался. Стоило мне провалиться в пьяную дрему, как я снова слышал мамы слова: «Я вернула то, что принадлежало тебе по праву». И я снова тянулся к бутылке, чтобы залить этот голос новой порцией спиртного. Но он всё равно пробивался сквозь хмель, сводя с ума. И я продолжал пить...

Был момент, один из тех, что всплывают в памяти рваными, обрывочными кусками, как плёнка в старом, заедающем кинопроекторе.

Помню, что я очнулся. Не проснулся, а именно очнулся. Тело было чужим, тяжёлым, налитым свинцом. В висках стучал отбойный молоток, а во рту была Сахара. Я лежал на полу в коридоре, уткнувшись лицом во что-то липкое и холодное. Вонь стояла невыносимая.

Какая-то первобытная, животная сила подняла меня на ноги. Не разум, нет. Просто инстинкт самосохранения, который кричал: «Надо двигаться. Надо что-то сделать. Иначе ты сдохнешь прямо здесь».

Я натянул первые попавшиеся под руку шмотки. Куртку наизнанку. Ботинки не на ту ногу. В зеркале мелькнуло чьё-то чужое, заросшее щетиной лицо с безумными, красными глазами.

И я пошёл. Куда? Зачем? Я не знал. Ноги сами несли ме-

ня. Помню, как холодный воздух пощёчиной ударил в лицо на улице. Это было больно, почти невыносимо. Но эта боль была какой-то... настоящей. Она немного отрезвляла.

Я оказался перед стеклянными дверями салона связи. Яркий, стерильный свет резал глаза. Я ввалился внутрь, чуть не сбив с ног девушку-консультанта. Ту самую, с ресницами-опахалами. Она меня не узнала.

– Мужчина, вам плохо? – донеслось до меня откуда-то издалека.

Я её не слышал. Я шёл к прилавку, где была касса. Но вот мой взгляд упал на огромный смартфон с большим экраном. Кажется, я хотел его купить.

Зачем? Я и сейчас не могу ответить точно. Может, хотел разбить его о стену? Может, надеялся найти в нем то самое «призрачное» видео, о котором говорила мама? А может, просто хотел потратить деньги, чтобы они исчезли? Чтобы исчезло всё это проклятое наследство?

Я что-то промычал продавцу про кредит и паспорт. Кажется, это был Дима, в своих толстых очках. Он смотрел на меня с безгловым ужасом и пятился назад.

– Уходите отсюда! Немедленно! – наконец выпалил он.

А потом всё снова погрузилось во тьму.

Следующее «включение» было уже дома. Я лежал на кровати, в той же изнанкой наружу куртке и ботинках не на ту ногу. В руке я мёртвой хваткой сжимал пакет из магазина у дома. В нем лежала палка самой дешёвой колбасы, двухлит-

ровая бутылка какой-то газировки, бутылка водки и полбуханки ржаного хлеба.

Как я оказался в продуктовом магазине? Как вернулся? Я не помнил этого перехода вообще. Путь из салона связи до магазина и потом до квартиры просто стёрся из памяти. Как будто кто-то вырезал кусок плёнки и склеил два обрывка вместе.

Я тупо смотрел на этот пакет. На эту жалкую колбасу и водку. И единственное, что я чувствовал, это всепоглощающее, чёрное отчаяние от того, что даже мой собственный мозг предал меня и отказался помнить этот бессмысленный побег в реальность.

На следующем «включении» я будто вынырнул из чёрной, липкой трясины. Голова гудела, в висках стучала тупая боль, а во рту стоял привкус металла, словно я закусывал железно-дорожным рельсом. Внутри – привычная, сосущая пустота, от которой не спасала ни одна рюмка. Мир вокруг плыл, и я с трудом понимал, где нахожусь. Всё, что имело значение в эту секунду, это туалет. Согнувшись, я рванул туда, едва сдерживая тошноту.

Когда немного отпустило и я, пошатываясь, вернулся в коридор, в нос ударил резкий, почти забытый запах – что-то жарилось на кухне. Скворчало масло. Этот звук был чужим в моей мёртвой квартире, он резал слух.

Я заглянул на кухню. У плиты стояла девушка. Я видел только её спину, коротко стриженные светлые волосы, ед-

ва касающиеся воротника. Она что-то сосредоточенно пере-
ворачивала на сковороде. Я замер в дверях, вцепившись в
косяк. Сердце гулко билось в районе солнечного сплетения.
Мысли путались. В последние дни реальность и бред слились
для меня в одно грязное пятно. Я был уверен, что это глюк.
Мозг издевается, подсовывает миражи. Решив не тратить си-
лы на галлюцинацию, я развернулся и пошлёпал обратно в
комнату. Сил не было даже удивляться. И я рухнул на кро-
вать, провалившись в тяжёлый, мутный сон без сновидений.

Когда сознание вернулось в очередной второй раз, в квар-
тире было тихо. И сумрачно – судя по темноте за окном был
вечер. Я с трудом поднялся и пошёл на кухню, просто что-
бы выпить воды. А может что и покрепче, что бы забыться
снова.

Увиденное на кухне меня озадачило. На столе стояла та-
релка. На ней – горка румяных, пышных оладий. От них шёл
такой одуряющий запах домашней еды, что у меня свело же-
лудок. Рядом лежал листок бумаги, исписанный незнакомым
почерком:

«Оладьи должны быть вкусными. Твои ключи. Кристина».

А под запиской – мои ключи от квартиры.

Я застыл, не в силах пошевелиться. В груди что-то сжа-
лось до боли. Кристина?!

Имя отозвалось глухой тоской и горьким стыдом. Я смот-
рел на эти оладьи – такие простые и живые – и чувствовал,
как внутри трескается стена моего безразличия.

В голове толпились вопросы без ответов. Как она сюда попала? Почему? Откуда у неё ключи? Память была как решето – всё важное проваливалось в чёрную дыру. Я напрягся, пытаюсь вспомнить хоть что-то... Точно! Салон связи... Я же был там вчера... или позавчера? Кристина там работает... Я заходил внутрь... или просто стоял у входа? Вроде бы её там не было... или я просто не заметил? Всё было как в тумане.

Я стоял посреди кухни, сжимая в руке ключи и боялся прикоснуться к еде, которую она для меня оставила. Реальность снова ускользала, оставляя после себя только горькое послевкусие и больше вопросов, чем ответов.

Следующая мысль показалась мне весьма конструктивной. Мне нужен был мой телефон. Эта мысль забилась в голове, как пойманная птица, вытесняя даже запах оладий и имя Кристины. Я начал шарить по карманам джинсов, которые почему-то не валялись на полу, а аккуратно лежали на стуле – пусто. Обшарил кровать, заглянул под подушки, даже сунул руку в щель между матрасом и спинкой. Ничего.

В коридоре я перерыл все карманы куртки, вытряхнул мелочь и скомканные чеки. Пусто. Паника начала подкрадываться к горлу. Телефон был моей связью с миром, моим календарём, моим единственным окном в реальность.

И тут вдруг я заметил это! Квартиру... По-настоящему, е-мое, заметил!

Воздух был чистым, не затхлым. На полу не было привычного слоя пыли и пустых бутылок. Стол на кухне был про-

тёрт, а в раковине не громоздилась гора грязной посуды. Я медленно прошёлся по комнате. Даже пол был вымыт.

Кристина ещё и убралась?! Эта мысль обожгла меня сильнее, чем стыд. Она не просто оставила еду и записку. Она вошла в мой кокон из грязи и запустения и навела здесь порядок? Какого чёрта?! Зачем ей это?! Что я ей сделал... или не сделал?

С этими мыслями я растерянno забрел в ванную и вдруг увидел свой телефон. Он лежал на стиральной машине, экраном вниз, словно прятался от меня. Я схватил его трясущимися руками. Экран ожил, и на меня обрушилась лавина уведомлений.

Тридцать семь пропущенных вызовов! Логинов, Глазьев, Иванов, плюс куча незнакомых номеров, которые я не хотел узнавать. И... И Кристина. Один раз.

Я открыл непрочитанные сообщения. Примерно тот же список. Только от Кристины не было.

Я сидел на краю ванной, сжимая в одной руке телефон, а в другой – свои ключи, и чувствовал, как мир вокруг меня кружится веселой каруселью... Я вдруг почувствовал, что пора приходить в себя. Тем более, что вид и запах оладий пробудил во мне необычайно зверский аппетит!

Я буквально ворвался на кухню и включил электрочайник. Запах оладий сводил с ума. Я уже не думал ни о Кристине, ни о Логинове, ни о пропущенных звонках. Организм требовал топлива. Я схватил верхний оладий и жадно зачих-

нул его в рот, проглотил почти не жуя. Сладковатое тесто с хрустящей корочкой показалось мне пищей богов. Я не ел так давно, что забыл, как это может быть вкусно.

Чайник щелкнул, возвестив о своей готовности. Чай! Именно чай! Я налил себе огромную кружку, бросил туда три ложки сахара и залпом выпил половину, обжигая нёбо. Потом снова потянулся за оладьями. Я ел их один за другим, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло и тяжесть. Это было простое, животное счастье.

Когда желудок перестал сводить от голода, а тарелка опустела, я почувствовал себя человеком. А человек должен быть чистым.

Душ! Именно душ! В ванной я включил воду на максимум. Горячие струи били по спине, смывая не только грязь и пот, но и липкий похмельный туман. Я стоял под душем долго, пока кожа не побагровела. Потом взял бритву. Смотреть на себя в зеркало было противно – заросший тип с мутными глазами. Но я методично, полоску за полоской, сбривал эту многодневную щетину, словно вместе с ней избавлялся от старого себя.

Потом ухватился за зубную щетку. Она царапала дёсны, но это было даже приятно – боль возвращала к жизни. Я чистил зубы так усердно, будто хотел содрать с них весь налёт последних лет.

Приведя себя в относительный порядок, я завернулся в халат. В квартире всё ещё пахло оладьями и чистотой. На се-

кунду стало почти уютно. А организм, получив еду и отдых, начал мстить за прошедшие дни – глаза слипались, голова стала тяжёлой. Я добрёл до кровати и рухнул на неё, даже не расправив постель. Провалился в сон мгновенно.

Глава 14.

Проснулся я уже, когда из окна лился солнечный свет. В комнате было тихо. Чувствовал я себя на удивление сносно. Не хорошо, нет – где-то в груди всё ещё сидел холодный ком, – но хотя бы голова была более-менее ясной, а руки не дрожали.

Я сел на кровати и уставился на телефон, лежащий на тумбочке. Он показывал начало первого. Кому звонить первым? Логинову? Или Кристине? Поблагодарить ее? Извиниться? Спросить, какого чёрта она вообще здесь делала? Я не успел принять решение, как телефон завибрировал у меня в руке, издавая истошный трезвон. На экране высветился незнакомый номер.

Я колебался секунду. Потом нажал «принять».

– Слушаю.

– Валерий Игоревич Мотин? – голос был мужской, спокойный, профессионально-официальный.

– Он самый.

– Меня зовут Андрей Викторович. Я адвокат. Нам необходимо с вами встретиться по одному важному делу.

У меня внутри всё оборвалось. Да что ж такое-то?!

Опять?!

– По какому делу?

– Речь идёт о дарственной на ваше имя. Вам необходимо подписать ряд документов и вступить в права собственности.

А-а-а!!! Только не это!!! Какая дарственная?! Почему что-то там опять юридическое на мое имя?!!! Дежавю!!! Это уже было! Всё это уже было!.. Пьянка, пропущенные звонки, а потом... потом звонок юриста. Звонок, с которого всё началось. Звонок, после которого мой мир рухнул в ту чёртову пропасть, в которой я сейчас и нахожусь.

Я сжал телефон так, что побелели костяшки пальцев.

– Я... я перезвоню вам позже, – выдавил я из себя и сбросил вызов.

В комнате стало душно. Я снова в каком-то круговороте, который не собирался меня отпускать...

Я сидел на краю кровати, уставившись в одну точку. Сердце колотилось где-то в в ушах, а в области макушки стоял гул. Дарственная... Паника, смешанная с остатками похмельной мути, заставляла мысли работать с кристальной, болезненной ясностью.

Я сделал несколько глубоких, прерывистых вдохов, пытаюсь унять дрожь в руках. Нужно было разобраться. Нужно было понять, что, чёрт возьми, происходит. И трясущейся рукой я нашёл в списке номер и нажал «вызов».

– Слушаю, – раздался в трубке тот же ровный, бесцветный

голос адвоката.

– Это... это Валерий Мотин. Вы мне звонили.

– Рад, что вы перезвонили. Вы поняли, что нам необходимо встретится? Я могу принять вас прямо сейчас. У вас есть час, чтобы добраться до офиса? Я сейчас вам скину адрес, это бизнес-центр на Тополином проспекте. – абонент замолчал и я ответил:

– Хорошо, я приеду.

– Прекрасно! Паспорт не забудьте. – и адвокат отключился.

Буквально через минуту на телефон пришло сообщение: «Тополином проспект, 42, бизнес-центр «Вега», офис 507». Я плохо представлял, где это находится, но звучало солидно. В голове была каша. Я накинул куртку и вышел из квартиры, которая всё ещё пахла оладьями и чужим присутствием Кристины.

Бизнес-центр «Вега» оказался стеклянной коробкой из бетона и стали, втиснутой между старыми сталинками. Внутри пахло пылью, дешёвым кофе и тревогой. Лифт полз мучительно медленно, поскрипывая на каждом этаже. На пятом я нашёл нужную дверь с матовой табличкой: «Правовой стандарт. Штейн Андрей Викторович. Юрист». Я постучал и решительно вошел.

Офис адвоката был воплощением дорогого минимализма: массивный стол из тёмного дерева, два глубоких кожаных кресла для посетителей, на стене красовались дипло-

мы в строгих рамках и огромная карта мира с непонятными флажками. Воздух был пропитан запахом дорогой кожи и старой бумаги.

Андрей Викторович Штейн оказался мужчиной лет пятидесяти с небольшим, с идеально уложенными седоватыми волосами и холодным, сканирующим взглядом серых глаз. Он поднялся мне навстречу с вежливой, но отстранённой улыбкой.

– Здравствуйте, присаживайтесь, Валерий Игоревич, – он указал на кресло напротив своего стола. – Воды? Кофе? Чай?

Я лишь отрицательно мотнул головой и рухнул в кресло. Оно оказалось неожиданно мягким.

– Ну, тогда к делу. – с этими словами Штейн открыл папку с документами и сказал, протянув ко мне свою руку:

– Для начала разрешите ваш паспорт.

Я выудил из кармана паспорт, протянул ему. Он деловито открыл его и стал сверять данные моего паспорта и что-то, вероятно такие же данные, в папке. Потом вернул мне паспорт и вымолвил:

– Все верно. – и начал говорить монотонно, без единой эмоции, словно читал заученный текст:

– В данный момент я представляю интересы совета директоров компании «Индо-Чайн Трейд Альянс» и банка «Силк Род Кэпитал Бэнк». Действуя на основании доверенностей от указанных структур вам, Мотину Валерию Игоревичу, передаётся в собственность пакет акций указанных организа-

ций.

Он сделал паузу и посмотрел мне прямо в глаза. Я молчал, боясь даже шумно дышать. А адвокат продолжил:

– На сегодняшний день общая стоимость этого пакета акций составляет более восьми миллионов долларов США. А ежегодный доход за прошлый год составил триста восемьдесят восемь тысяч долларов США.

В кабинете повисла оглушительная тишина. Такая плотная, что ее можно было рубить топором. Я слышал лишь бешеный стук собственного сердца. Восемь миллионов долларов... Восемь миллионов долларов? Восемь миллионов долларов?! Твою же мать!!!

Я смотрел на этого холёного человека в безупречном костюме и не мог понять – это сон? Розыгрыш? Я сошёл с ума?

– Ка... каких... каких акций? – мой голос сорвался на хриплый шёпот. – Какой компании? Я... я ничего не понимаю...

Адвокат Штейн вздохнул с видом человека, которому приходится объяснять таблицу умножения.

– Валерий Игоревич, понимаю ваше замешательство. Но все же вы являетесь получателем дарственной от мажоритарного акционера компании «Индо-Чайн Трейд Альянс» и одного из бенефициаров банка «Силк Рoad Кэпитал Бэнк». Это крупная индийско-китайская корпорация с разветвлённой сетью офшорных отделений на Кипре, а также в Шри-Ланке, Индии, Индонезии и еще ряде стран Азиатско-Тихо-

океанского региона.

Он говорил о Кипре и Шри-Ланке так буднично, будто речь шла о соседнем магазине. А названия компании и банка, а так же словечки, типа «мажонитарный» и «бенефициар» для меня звучали, как набор звуков из другой галактики.

– Послушайте, Андрей Викторович... – я подался вперёд, чувствуя, как меня накрывает волна паники. – Это какая-то ошибка. Я... я никто. У меня нет никаких дел с китайскими банками или индийскими компаниями. Я даже загранпаспорт не помню, где лежит!

Адвокат снова вздохнул и подвинул ко мне по столу тонкую кожаную папку.

– Здесь копии доверенностей и выписка из реестра акционеров на ваше имя. Ошибки нет. Сами посмотрите и сверьте паспортные данные.

Я дрожащими руками открыл папку. Перед глазами замелькали иностранные логотипы, печати, подписи... «Indo-China Trade Alliance»... «Silk Road Capital Bank»... И везде было моё имя: Мотин Валерий Игоревич.

Мир снова поплыл. Индия. Китай. Офшоры... Я поднял ошалелый взгляд на Штейна. Он смотрел на меня терпеливо и немного устало, как врач на сложного пациента.

– Что... что мне теперь делать? — прошептал я.

– Для начала вам следует подписать документы о принятии дара, – спокойно ответил он, выкладывая передо мной стопку бумаг. – А потом... потом вы станете очень богатым

человеком.

И тут – прям молния в мозгу! Словно взрыв светошумовой гранаты внутри черепной коробке! Мама же говорила! «... Сначала Мальдивы, потом Индия, потом Кипр. И, наконец, Китай. Ну, еще некоторые страны». Ну и ни фиги себе!

Я вышел от Штейна на негнущихся ногах, словно в них вколотили арматурины на всю длину. А голова щла кругом, как будто я только что прокатился на «американских горках». Мне казалось, что меня мотает в разные стороны, словно я передвигаюсь на ходулях. В руках у меня была папка с документами, подтверждающими владение мною несусветного состояния.

Мир снаружи превратился в размытое пятно. Шум проезжающих мимо машин слились в единый монотонный гул. На каком-то автопилоте я вызвал такси... Всю дорогу сидел, вжавшись в сиденье, прижимая к груди папку так, будто это был мой единственный билет на жизнь... Восемь миллионов долларов... Чёрт! Я – менеджер-неудачник, который полгода не может найти работу! Что я буду делать с долларами? С офшорами? Меня раздавит этот груз!

Но страх, ледяной и острый, быстро сменился холодной, расчётливой мыслью. Я же могу... просто ничего не делать. Просто получать дивиденды и жить. Спокойно. Тихо. Никуда не лезть. Повышу свой уровень жизни... Могу вообще в другую страну уехать...

С другой стороны я понимал, что эти акции это мамии-

ны проделки. Сейчас мать мне виделась не просто криминальным бухгалтером, а финансовым архитектором мирового уровня. Её план был гораздо сложнее и изощрённее, чем казалось вначале. Дарственная от иностранных компаний является идеальным инструментом, чтобы обойти возможные претензии со стороны следствия. И хрен бы с наследством Волкова, пусть государство их заклеямит, как преступные доходы. Ну, мама, ну стратег!

Я ввалился в квартиру и обессиленно рухнул на кровать прямо в куртке и ботинках. Папка выскользнула из рук и упала на пол с глухим стуком.

В этот момент телефон в кармане завибрировал так резко и требовательно, что я вздрогнул. На экране высветилось «Мама». Оп-па!

Я нажал «принять» и поднёс трубку к уху так осторожно, будто она была сделана из тончайшего хрусталя.

– Алло? – голос был хриплым.

– Валера? Сынок? – голос мамы звучал бодро, но устало.
– Ты как там?

– Я... нормально. Мам, ты где?

– Меня выпустили, представляешь? – она усмехнулась. – Прямых улик нет. Мой адвокат – настоящий зверь! Разорвал их логические цепочки в клочья. Подписка о невыезде, конечно, но это уже мелочи жизни.

– А Сергей? Лука? А прочие?

– Сергея тоже выпустили. Тот же адвокат работает. Мощ-

ный мужик. Лука и его поделщик, его дочурка сидят. Как я поняла, на них есть доказательства убийств Екатерины и Бориса. Ну и Лена же покушалась на Сергея, это тоже вроде как, доказывают.

Я молчал, переваривая информацию.

– Слушай меня внимательно, Валерочка, – тон мамы стал серьёзным и тихим. – С наследством Волкова пока всё глухо. Заморожено до выяснения всех обстоятельств. Логинов мне прозрачно намекнул, что происхождение денег сомнительное. Государство может попытаться всё конфисковать как активы неясного происхождения.

Я сглотнул ком в горле. «Она пока не знает про акции», – пронеслось в голове. «И не надо», – тут же добавил внутренний голос. Телефон могут прослушивать. Если я скажу ей про Индию и Китай, я подставляю её и себя.

– Ты только не волнуйся из-за денег сейчас. Главное, что мы живы и на свободе. – закончила мама.

– А ты где остановишься? Домой поедешь?

– Нет-нет! Я же под подпиской, мне лучше быть здесь, под боком у следствия. Сниму номер в гостинице. Не хочу тебя стеснять.

– Мам...

– Всё-всё! Отдыхай! И никому ни слова лишнего! Особенно по телефону! – её голос стал строже.

– Я понял.

Она отключилась.

Я отложил телефон и посмотрел на папку на полу. Восемь миллионов долларов небрежно валялись у кровати, словно старые газеты... Потом снял верхнюю одежду, растянулся на кровати и... в голове возник облик Кристины.

Блин... Она прям воплощение той самой опасной, почти осязаемой сексуальности, которая не кричит о себе, а шепчет, заставляя вслушиваться в каждый звук. Стройная фигурка, короткая дерзкая стрижка... Её взгляд – она смотрит на мир с лёгкой иронией и неуловимым вызовом. В её фигуре нет вульгарности, но каждый жест, каждый поворот головы пропитан врождённой, почти животной сексуальностью. М-да уж... Похоже, что Кристина из тех женщин, которых не забывают, даже если видел всего пару минут...

Я решительно сел. Пора наведаться в салон связи! Или же сначала ей звякнуть? Нет! Лучше уж прямо явиться перед ее ясными голубыми очами! А если ее там нет? Ну, вот тогда и позвоню!

Я вышел из дома с решимостью человека, идущего на штурм крепости. Ноги сами принесли меня к знакомой стеклянной двери. Сердце колотилось где-то в горле. Я толкнул дверь, и над головой мелодично звякнул колокольчик.

Внутри было душно и пахло разогретым пластиком. Дима, всклокоченный «ботан», возился с витриной, бормоча что-то себе под нос. Опахалоресничной нимфы-консультантки видно не было.

А вот и она. Кристина сидела за кассой. На ней была всё

та же строгая блузка, но сегодня она казалась ещё более соблазнительной. Она подняла голову от экрана компьютера, и наши взгляды встретились. Её брови удивлённо поползли вверх.

– Ого. Привет. Сегодня ты выглядишь лучше.

Дима оторвался от своего занятия и с интересом уставился на нас сквозь свои толстенные очки. Я сделал шаг вперёд:

– Слушай, я понимаю, что как бы я был... э-э... Короче, пошли поужинаем. Я знаю отличное место тут за углом.

Кристина посмотрела на Диму. Тот пожал плечами с видом «решай сама, только меня не впутывай».

– Ну... — она сделала вид, что задумалась. — ладно, уговорил, языкастый.

Мы вышли на улицу. Вечерний воздух после душного салона казался невероятно свежим.

– Так куда идём? – спросила она.

– Тут за углом есть грузинский ресторанчик. Хинкали у них просто бомба!

Мы устроились за столиком в углу. Официантка принесла меню и графин с домашним вином.

Кристина отложила меню и посмотрела на меня в упор:

– Ну что, Валера, давай знакомиться дальше. А то я про тебя знаю только то, что ты умеешь исчезать без предупреждения, бухать беспробудно и являешься наследником непонятных криминальных денег.

– Да я обычный парень, – начал я, подбирая слова. – Как

и ты, не местный, приехал из Нижнеснежинска. Есть такой городишка, примерно часов двенадцать на поезде ехать от сюда. Окончил институт... Менеджмент, учился на платном, это было как бы диплом ради диплома.

Она кивнула, явно забавляясь моим смущением, а я продолжал:

– После института работал где придётся. В основном торговые компании, оптовые базы. Обычная рутина: дебет-кредит, продажи, отчёты начальству... Последние полгода без работы. Обиделся на босса, что не выплатил достойного вознаграждения за весьма недурственную сделку и уволился. Но деньги пока есть, не торопясь подыскиваю что-то.

Я замолчал, ожидая её реакции.

– А та история с криминалом? – осторожно спросила она.
– Наследство-то получил? Следствие закончилось?

Я вздохнул и поморщился:

– Ну с наследством все непонятно, могут и не дать, типа, криминальные деньги. Вообще вспоминать неприятно... Это же старые дела всплыли из прошлого моего отца. Но вроде бы всё улеглось. Следствие еще идет, но виновные найдены и даже задержаны.

Конечно же я умолчал про восемь миллионов долларов. Про то, что теперь у меня акции международной корпорации и про то, что моя мама – финансовый гений криминального мира.

Вместо этого я поднял бокал с вином:

– Давай лучше выпьем за то, чтобы эта глава моей жизни осталась в прошлом!

Кристина улыбнулась своей лёгкой, ироничной улыбкой и тоже подняла бокал.

И мы выпили. Я надеялся, что за новую жизнь, которая только начиналась.

Потом, отставив бокал, я сказал:

– Кристин... Я должен спросить. Тот день... Когда ты была у меня дома. Готовила эти оладьи... Откуда у тебя были ключи?

Она посмотрела на меня с легкой укоризной и ответила:

– Ты, стало быть, не помнишь. Совсем-совсем?

Я покачал головой. А Кристина вздохнула и продолжила:

– Со слов нашего Димы ты ввалился в салон в невменяемом состоянии. Грязный, заросший. Швырнул на прилавок связку ключей и прям таки повелел Диме...

Она сделала паузу и посмотрев на меня с укором и жалостью одновременно, продолжила:

– И сказал ему... дословно: «Вот ключи! Чтоб Кристина была у меня дома! Она мне нужна!» потом вывалился из салона, наблевал рядом со входом, и шатаясь куда-то удалился.

Моё лицо вспыхнуло так, будто мне дали пощёчину. Боже, как стыдно-то! Стыдно? Мне?! Вот те раз... Я смог только вымолвить:

– И ты после такого все же пришла?..

Она пожала плечами:

– Сомневалась, конечно... Но потом решила – а вдруг правда нужна помощь? Помня ту историю с криминалом... Я подумала: может, у тебя запой от стресса? В квартире уже решила, что оладыи придутся кстати. Да и чистота в квартире тоже...

Меня было жарко от стыда.

– Кристина... Прости, а? Неудобно вышло... Но я постараюсь исправиться! Клянусь своей будущей карьерой консультанта по «телеге» для твоей бабушки!

Она рассмеялась. И для меня этот смех прозвучал как прощение.

... Мы шли по улице сытые, довольные, чуть пьяные и счастливые. Ну, мне казалось, что я счастлив. У ее подъезда мы остановились и Кристина посмотрела мне прямо в глаза. Её взгляд больше не был ироничным или тёплым. Он стал оценивающим, холодным. Она словно впервые увидела меня по-настоящему.

– Валера, – начала она медленно, подбирая слова. – Я понимаю, что я тебе понравилась, как женщина. Но, знаешь, простая интрижка не для меня. А серьезные отношения с тобой... М-м... давай просто друзьями будем?

Я молчал, не ожидая такого удара. Ее слова прозвучали как выстрел. Пауза затянулась и она продолжила:

– Тебе ведь уже за тридцать пять, верно? – она не спрашивала, она утверждала. – А кто ты? Вот ты сам рассказал мне свою историю. Институт – платный, на бюджет силёнок

не хватило, да? Диплом – для «галочки». Карьера – не получается. Так, офисный планктон. Квартира – съёмная «однушка». Вдруг удачно что-то заработал на последней сделке – вместо того, чтобы развивать успех дальше или организовать что-то своё, тупо запои, кутежи, решил деньги просто-напросто «просадить».

Она сделала шаг назад, скрестив руки на груди, и её голос стал ещё холоднее.

– И даже семьи у тебя нет. Где жена? Где дети? Нету. Так ведь без них меньше ответственности, меньше проблем, да? Можно бухать и жить в своей берлоге, не думая ни о ком, кроме себя.

Я стоял, оглушённый не только её словами, но той ледяной уверенностью, с которой она это говорила. Как будто диагноз поставила. Меня бросило в жар, потом в холод.

И тут внутри что-то щёлкнуло. Какая-то дикая, защитная реакция. Я вдруг почувствовал себя оскорблённым. А точнее идиотом, которого раскусили.

– Да что ты... – начал я, и голос сорвался.

Я сглотнул и попытался продолжить:

– Ты ничего не знаешь! Ты думаешь, я такой? Что я просто... просто...

Слова застряли в горле. Я чуть было не сказал ей, чуть было не выпалил: «А ты знаешь, что я сегодня получил восемь миллионов долларов акциями?! Что я, по сути дела, совладелец чёртовой корпорации?! Что я теперь могу купить

весь этот город?!».

Я уже открыл рот... и тут же с силой его захлопнул. Нет! Нельзя! А она смотрела на меня, ожидая продолжения моей гневной тирады. Но я молчал и просто смотрел на неё, а внутри всё рушилось.

Кристина увидела моё лицо и то, как я захлопнул рот. Она поняла, что я хотел что-то сказать, но передумал.

– Вот именно, – тихо произнесла она, словно отвечая на мои невысказанные мысли. – Тебе даже возразить нечего. Ты вот там какое-то наследство чуть не получил. Даже, если сумма приличная, это ничего в тебе не изменит. Ты их тупо профукаешь. Так что, давай, пока. – она взмахнула рукой и скрылась в подъезде. О-ша-леть!

Я пришёл домой через час. Или через два. Я не помню дороги. В квартире было тихо и до сих пор пахло оладьями. Этот запах теперь казался насмешкой. А может он мне только чудится?

Я рухнул на кровать, не включая свет. Под свитерами в шкафу, в черной папке лежало восемь миллионов долларов. И что? Раньше я никогда не задумывался о том, кто я такой. Мне было плевать, я жил как живётся. И вот теперь встает вопрос – а что дальше?

Тишину пустой квартиры разорвал резкий, требовательный звонок в дверь. Долгий. Настойчивый. Я вздрогнул так, будто меня ударило током. Кто?!

Я встал и осторожно, стараясь не шуметь, приблизился к

двери и посмотрел в «глазок». У двери стояла мама.

Не долго думая, я распахнул дверь. В руках у неё был небольшой бумажный пакет, из которого доносился умопомрачительный запах свежей выпечки.

– Привет! Ты чегой-то в темноте? Экономишь? – её голос был тихим, но в нём звучала привычная ирония.

– Просто... не хотелось включать. – буркнул я, отступая в сторону.

Она прошла на кухню, включила свет. По хозяйски загремела чашками. Зашумел элетрочайник... Я сел за стол. Она поставила передо мной чашку с чаем и положила на стол бумажный пакет.

– Эклеры. Твои любимые. Помнишь?

Я помнил. В детстве это был праздник.

– А ты чего так поздно? Еще что-то случилось? – спросил я.

Она покачала головой и ответила:

– Все нормально. И, что, я не могу зайти к сыну с угощением в любое время?

Она села напротив, и с ироничной улыбкой спросила:

– Она тебя отшила?

Я удивленно уставился на нее. Продолжая улыбаться, она ответила:

– Я видела вас из окна гостиницы. Вы стояли у дома напротив. Потом она ушла, одна. А ты, весьма понурый, отправился восвояси.

– Она сказала, что я никто... – пробурчал я.

Мама кивнула и сказала:

– Она права, сынок. Ты сейчас пустое место, хоть и с деньгами. А ей, видимо, нужен кто-то. Не деньги, а личность. Понимаешь?

Я откусил пирожное, продолжая ее слушать. Она продолжала говорить:

– Ты должен усвоить, что деньги это средство. И чтобы стать хоть какой-то личностью в чьих-то глазах... Хоть ее, хоть кого другого... Тебе нужно рационально управлять деньгами. Но сначала тебе нужен доступ к этим деньгам.

Я молча уставился на нее. В очередной раз я поразился метаморфозе – еще совсем недавно она в моих воспоминаниях являлась в образе тихой библиотечарши, а вот сейчас она просто экономический монстр! И этот монстр наставительным тоном продолжал:

– Твои дивиденды каплют на счёт в банке в Шэньчжэне. Но ты не можешь просто так туда прийти с паспортом и оформить перевод в Сбер или Альфу или в ВТБ, да в любой банк здесь. Сразу же возникнет множество вопросов у наших доблестных органов. Им только дай повод конфисковать сомнительные активы.

Она отпила чаю, наклонилась вперёд, и, понизив голос, продолжила:

– Тебе нужна карта. Банковская карта того самого банка. Счёт будет привязан к твоему новому пакету акций.

Я пожал плечами и спросил:

– Но как? Поехать туда и оформить?

– Можно и так. Но лучше не ездить никуда. Ну, чтоб никаких вопросов ни у кого не возникало. Ее нужно дистанционно заказать.

– Как?

– Говорю же – дистанционно. Через их сайт. Но есть нюанс. Заказ должен выглядеть так, будто его делают из-за границы. Из нейтральной страны. Например, из Казахстана или Армении.

Я начал понимать и спросил:

– Сергей?

Мама кивнула:

– Именно. У него есть технологии, чтобы скрыть реальный IP-адрес и показать, что запрос идёт из-за границы. Он сделает это для тебя. Карта придёт в виде бандероли курьерской службой, например «диэйчэл» или «сдэком», на подставной адрес в той стране, от куда был запрос. А от туда уже переправят, опять же, допустим, «сдэком», сюда. Но, тоже на другое имя, не на твое. Человек получит, передаст тебе.

– Но когда я их начну тратить с карты, банк же увидит, где снимаются деньги! – воскликнул я.

– Ну и что? Счет твой, акции твои, деньги от дивидендов твои. Это все оформлено официально. А тратить ты их можешь хоть в России, хоть в Армении, хоть в Чили, хоть на Шпицбергене, вообще где угодно. Но это еще не все.

Она сделала паузу, отпила чай и посмотрела на меня с прищуром.

– Повторюсь – деньги лишь инструмент, Валера. И с помощью этого инструмента тебе надо что-то создать.

Я непонимающе уставился на неё.

– Что создать?

– Свой бизнес. Открой свою фирму. Не важно какую. Можешь заняться гостиничным бизнесом. Можешь торговать яхтами. Можешь заняться строительством или чем-то в сфере «ай-ти». Когда для раскрутки потребуются большие деньги, платежи будут из Шэньчжэня, а выглядеть это будет, как китайские инвестиции.

Я молчал, переваривая услышанное. Идея была настолько дерзкой и неожиданной. Она мне даже нравилась, если бы не одно «но».

– Мама, но ведь я ничего не смыслю в коммерции. Я всю жизнь работал нанятым сотрудником, я трудился на «дядю».

Она усмехнулась:

– Я стану твоим бизнес-консультантом. У меня есть опыт управления активами, который не снился ни одному банкиру! Мы сделаем из тебя уважаемого предпринимателя!

Я помолчал минуту и растерянно спросил:

– Ты... ты всё продумала заранее? Но как? Когда ты это все?..

– Валера, я тридцать лет продумывала ходы наперёд. Это просто ещё один из них.

Она встала и поцеловала меня в макушку, так же, как делала это в детстве, когда я болел.

– Позвони завтра по этому номеру. – она положила передо мной листок бумаги, на котором был написан номер мобильного телефона. – Это один из телефонов Сергея. Он уже в курсе, что ты будешь звонить. Прямо завтра в первой половине дня! Не тяни! Время – деньги. В прямом смысле этого слова.

Глава 15.

Ночь выдалась бессонной. Я ворочался в постели, и в голове, словно заевшая пластинка, крутились мамины слова: «Мы сделаем из тебя уважаемого предпринимателя!».

Мы? Какое многозначительное «мы». Я что, набор «Юный финансист» от «Лего»? Или она заказала меня по каталогу, как породистого щенка, которого теперь нужно натаскать для выставки на звание «Самый презентабельный зиц-председатель года»? «Уважаемый предприниматель» в её исполнении звучало как цирковое представление, когда клоун отвлекает внимание, пока фокусник извлекает кролика из шляпы. При этом клоун это я, фокусник – моя мама, кролик это деньги, а шляпа – китайский банк или какой ни будь офшор...

Мне это не нравилось! Я прошёл через какой-то адский ад – трупы, страх, допросы... И я снова чей-то инструмент?! Пусть даже и мамин... Я всю свою сознательную жизнь – чей-

то инструмент! Полгода назад я отплясывал под дудку босса, который меня кинул в итоге... У меня теперь будут деньги, и я сам себе буду и босс, и инструмент, и отдел кадров!

И какого хрена я должен становиться «уважаемым предпринимателем»? Может, я займусь благотворительностью? Начну церкви строить, например? Или же создам фонд помощи бездомным котам. А может устрою клуб, эдакое место встреч предпринимателей среднего бизнеса? Или же столовую для бомжей?

Утро встретило меня головной болью и решимостью. Я сварил кофе – крепкий и горький, как правда о моём финансовом будущем. И набрал номер Сергея.

Он ответил после первого гудка, словно ждал звонка, как матрос проститутку. Однако голос у него был такой, будто он был не рад, не зависимо от того, кто позвонит – я с предложением работы, полиция с повесткой или мошенник с просьбой назвать пришедшие эсэмэской цифры.

– Да?

– Привет, Серега! – бодро начал я. – это Валера. Как там у тебя здоровье-то? Сахар не повышается?

Он хрюкнул что-то невнятное в ответ, словно поперхнулся соплей. Не дожидаясь более внятного ответа на свой риторический вопрос, я, понизив голос до сурового и загадочного тембра, словно шпион из дешевого детективного фильма, вымолвил:

– Алекс Юстасу! Птичка в клетке! Продается славянский

шкаф? Короче я по поводу китайского сервиза. В том смысле, что хотелось бы испытать чайную церемонию. Ну, как бы, – тут я зажал себе нос и продолжил гнусаво, – мой кунг-фу лучше, чем твой кунг-фу.

Серегу помолчал несколько секунд и спросил:

– Чего?

Я выдал тяжкий вдох-выдох и ответил:

– Не тупи, Серый! Напряги мозговой мускул! Протяни связующую нить между...

– Все-все! – перебил он меня, – я понял! Ну, как бы, я уже кое-что подготовил. Ты знаешь, где южный вход в Городской Парк?

– Гхм... Нет, но посмотрю в интернете.

– Тогда встречаемся там через час. – и он отключился.

Предыдущий детектив плавно перерастает в шпионский триллер? Только этого мне не хватало! Хотя, а чего я ждал от больших денег, который свалились мне на голову, как пьяные парашютисты?

А Серегу, такой, типа, уже все подготовил! С другой стороны чего ещё ждать от человека, который работает на мою маму-Матю? Она продумала даже то, что Сергей будет работать на автомате. Она всё контролирует. Она – гроссмейстер, а мы все – фигуры на её доске...

Я пришёл к южному входу в парк минут на пятнадцать раньше. Но Сергей уже маячил у ворот, одетый так, будто собирался в экспедицию в тайгу: капюшон толстовки натя-

нут на самые очки, за спиной – рюкзак размером с небольшой чемодан. Мне показалось, что увидев меня, он вздрогнул, будто я был призраком его покойного родственника.

– Здорово! – буркнул он и воровато огляделся по сторонам. – Пошли.

Он решительно двинулся в парк, при этом почему-то свернул с асфальтовой дорожке в ближайшие кусты. Я, следуя за ним, недоуменно сказал:

– Так быстрее, что ли?

– Не по аллее же переться! — зашипел он с видом конспиратора из плохого кино. – Там камеры на каждом столбе. Наснимут нас для блога «Самые скучные люди города». Давай за мной.

И он повёл меня какими-то козыими тропами вдоль забора, через кусты сирени, которые явно не видели секатора со времён распада СССР. Мы перелезли через поваленное дерево, где я чуть не порвал штаны о сучок, обошли по дуге компанию мамочек с колясками и пару раз замирали в кустах, пропуская бегунов.

– Ты что, Джеймс Бонд недоделанный? – прошипел я ему в спину, отряхивая с куртки листья.

– Бережёного бог бережёт, – философски изрёк он, даже не обернувшись.

Для меня всё это было похоже на дешёвый аттракцион. Я чувствовал себя не будущим миллионером, а участником корпоратива в туристическом клубе по спортивному ориен-

тированию.. Наконец, продравшись через очередные заросли шиповника, мы вышли к тыльной стороне старой беседки. Казалось, что тут разве только голуби могли быть штатными осведомителями полиции.

Сергея деловито расположился в беседке и сказал:

– Тут нам никто не мешает. Место укромное, но самое главное, что тут недалеко, вон за теми деревьями, есть забегаловка, в которой есть вай-фай. Запороленный, конечно, так как только для персонала. Но я его уже взломал. Так что выход в интернет у нас есть.

– Прикольно. Ну что, готов поработать? – я старался говорить уверенно, по-деловому. Получалось примерно как у пингвина, пытающегося продать лёд полярникам.

Сергей кивнул с видом хирурга перед сложной операцией на мозге и достал ноутбук, поясняя:

– У меня есть несколько проверенных «ви-пи-эн» с выходом на серверы в Казахстане, Армении, Южной Кореи, Эмиратах. Ну и еще там... Мы выберем один... – его пальцы уже летали над клавиатурой со скоростью клавишника трэш-метал группы.

Он продолжал что-то быстро говорить, сыпал терминами: «ай-пи-мэскинг», «прокси-сервер», «одноразовая почта»... От того испуганного парня с клокастой бородой, которого менты спеленали, заковали в наручники и швырнули к кровати у меня на квартире, не осталось и следа. Передо мной был собранный специалист по кибербезопасности.

– А как мы будем отслеживать посылку? – спросил я.

– У нас будет трек-номер. Я сделаю так, что уведомления будут приходить на одноразовую почту. Как только посылка пересечёт границу с Россией и будет передана нашему человеку здесь, я тебе сообщу.

Мы просидели в беседке около часа. Сергей настроил всё: виртуальную точку выхода – оказывается, можно быть в где угодно, хоть в Уганде, хоть в Мексике, хоть в Армении, сидя на лавке в России. Так же сотворил временную почту, которая самоуничтожится через 48 часов – конспирация уровня «Джеймс Бонд на пенсии», объяснил мне алгоритм действий для получения кода подтверждения от банка, а это нужно было сделать через специальный анонимный мессенджер. Он работал как нейрохирург над пациентом с тяжёлой черепно-мозговой травмой – точно, быстро, без лишних движений.

Когда всё было готово, он захлопнул крышку ноутбука.

– Ну всё. Жди сигнала. Неделя, максимум две, и карта будет у тебя.

Я протянул ему руку, чувствуя странное воодушевление, и произнес:

– Сэр, было глубоко удовлетворительно наблюдать за вашей работой! Я ни хрена не понял, кроме своих дальнейших действий. Но было весьма...э-э... великолепно!

Сергей пожал мне руку. А я задал ему вопрос:

– Слушай, Серега, тебя же отправили в больницу, после

того, как Лена тебя ширнула инсулином. Как ты так быстро оклемался-то? – спросил я.

Тот улыбнулся и ответил:

– А что там в больнице делать-то? Следак же в меня сахар пихнул, «скоряки» глюкозу в вену ширнули, в больнице еще добавили. Ну и все обошлось. Я, как получше себя стал чувствовать, так и написал расписку об отказе лечения, тут же и выписался. Логинов этот только чуть допросом помучил. Но там все тип-топ сложилось. Типа, я, используемый «втемную» своей любовницей Еленой Лукиной... Ну и так далее.

– А вы так быстро с ней тогда примчались ко мне, потому что специально рядом ждали?

Он кивнул:

– Да. Сидели с Лукой и его приятелем в «Крузаке», за тобой следили, ждали момента.

– М-да уж... – пробормотал я, – слушай, а чего ты на мать-то работаешь?

Он почесал клокастую бороду и ответил:

– Банально деньги. Она хорошо платит.

Ну что ж, вполне себе удовлетворяющий меня ответ.

– Ну ладно, пошли от сюда. Максимум две недели говоришь?

Он утвердительно мотнул головой и мы направились к выходу из парка, снова продираясь сквозь парковую чащобу, стараясь соблюдать конспирацию. Которая мне, кстати, ка-

залась излишней.

Я шёл по улице, смотрел на город и он представал передо мной в совсем другом ракурсе. Это были уже не просто дома, магазины, машины, прохожие. Это все мне казалось какими-то декорациями в театре, где я мог стать главным режиссером! И где, возможно, найдется местечко для штаб-квартиры моего анонимного фонда помощи бездомным котам-бизнесменам. Или для чего-то там еще... Скоро у меня появятся деньги. Мои деньги. И их последующее использование будет исключительно моим решением. Вот только маме об этом пока что знать не обязательно. Сначала я получу банковскую карту.

Глава 16.

Неделя тянулась, как пережеванная жвачка, навечно приклеившаяся к подошве сапога в разгар июльского пекла. Дни сливались в один бесконечный серый поток, словно унылые близнецы, чьи лица были отштампованы одной и той же тоской. В воздухе висело томительное ожидание звонка от Сергея, жалкие попытки убедить себя, что я не брежу, и липкое, зловещее ощущение, будто за мной следят. Неужели Логинов? Или это просто паранойя, заботливо возвращенная на благодатной почве недавних потрясений?

Ожидание заветной карты превратилось в навязчивую идею, в фетиш. Я проверял телефон с такой регулярностью, будто боялся пропустить сигнал о конце света, назначенный

на ближайшие пять минут. В голову лезли самые феерические, самые бредовые мысли. А вдруг Сергей – пройдоха, и он меня просто кинет? Вдруг эта карта – миф, сказка для наивных? Вдруг вся эта затея – грандиозная, хитроумная подстава, тщательно спланированная для моего унижения?

На третий день, терзаемый тоской и бездельем, я решил придать своей холостяцкой берлоге хоть какой-то подобающий вид. Не то чтобы здесь царил хаос – Кристина, после своих кулинарных подвигов, оставила после себя подобие стерильности. Но руки нужно было чем-то занять, а мозг – отвлечь от грызущих его сомнений. Я с энтузиазмом протер пыль, которой не было, переставил книги так, будто это имело хоть какое-то значение, и даже предпринял героическую попытку приструнить скрипучую дверцу шкафа, вооружившись скотчем и нецензурной бранью. Скотч, как и следовало ожидать, оказался бессилён. Мой взгляд упал на папку, заваленную стопкой свитеров – папку, стоимостью «всего-то» восемь миллионов долларов... Правда, ключ от несметных богатств, как назло, все еще не желал материализоваться в моих руках...

На шестой день, словно гром, нарушивший тишину безмятежного неба, раздался звонок. Мельком взглянув на экран, я чуть не выпустил телефон из ослабевших пальцев – звонил Логинов!

– Здравствуйте, Мотин! – голос следователя был сух, как прошлогодний крекер, давно позабытый в дальнем углу ку-

хонного шкафа. – Подъезжайте, есть разговор.

Господи! Да что им, черт возьми, опять от меня надо?!

Кабинет Логинова встретил меня все тем же казенным уютom, пропитанным ароматом дешевого кофе, словно приглашая остаться навсегда в этой атмосфере бюрократического покоя. Следовательно, как всегда, выглядел изможденным, но взгляд его оставался острым, как скальпель хирурга, готовый вскрыть любые мои тайны.

– Присаживайтесь, Валерий Игоревич, – он даже не удостоился поднять голову от бумаг, словно мое присутствие было чем-то само собой разумеющимся. – Разговор у нас будет... семейный.

Я плюхнулся на стул, который, по обыкновению, издал протяжный, укоризненный писк.

– Давайте поговорим без протокола. Я надеюсь, вы не станете отрицать, что ваша мама была у вас в гостях? – Логинов наконец-то удостоил меня взглядом. Взгляд был тяжелым, словно кирпич, брошенный мне прямо в душу.

– Была. Чай пили, пирожные ели, эклеры, – я пожал плечами с видом человека, обсуждающего прогноз погоды, совершенно не подозревая о надвигающейся буре. – А что, теперь это запрещено?

Логинов пропустил мою колкость мимо ушей, словно она была шумным ветром, колышущим листья на дереве.

– О чём вы разговаривали?

Я откинулся на спинку стула и примерил на себя самую

невинную улыбку, на которую был способен – улыбку ангела, не знавшего греха.

– О жизни, здоровье, о том, о сем. Просто болтали. А что?

– Просто болтали? – следовательно барабанил пальцами по столу, словно чертил на нем неведомый мне таинственный узор. – Валерий Игоревич, ваша мама только что вышла из следственного изолятора. До этого вы узнали потрясающую новость о ее деятельности. И вы просто болтали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.